ВѢРА НАВАЛЬ.

ТѢСНЫЯ ВРАТА

РОМАН.

Книга III.

Издательство М. В. Зайцева
г. Харбин, 1936 г.

XXXIII.

Блѣдно-золотой ущербный мѣсяц только что всплыл на чистом ночном небѣ, когда Ирина и де Валер вышли из павильона на мраморный портик.

Маттео запер за ними своим ключем дверь темнаго студіо, заставил ее тяжелой ставней, запирающейся замком, и, обѣжав дом, направился к гондолѣ, привязанной у понтона, чтобы засвѣтить на ней фонари.

Де Валер обнял Ирину и стал медленно спускаться с нею с освѣщенных лунным свѣтом ступеней.

— Мы оставляем здѣсь первый період нашего счастья, — сказал он наклоняясь к ней. — Теперь наступает новый. Он начнется этой ночью, когда поѣзд помчит тебя в моих объятіях в мой родной город, в мой дом, ставшій нашим домом.

Ирина подняла к нему улыбающееся, но блѣдное лицо.

— Ты прав, Клод, я должна была бы радоваться... Но я хотѣла бы вѣчно жить здѣсь с тобою вдвоем. Мнѣ так трудно разстаться с нашими комнатами, с этим двориком. Мои ноги не слушаются меня. Онѣ не хотят сдѣлать ни шагу отсюда.

— Бѣдныя ножки, я помогу им! — Смѣясь воскликнул де Валер и подняв жену на руки понес ее в гондолу.

Стояла тихая венеціанская ночь полная ароматов и звѣзд. Нѣжно шелестя водою, черная лодка быстро скользила по лагунам, своим изогнутым серебряным гребнем прорѣзая мглу.

Полумѣсяц куда то скрылся. Все небо было усыпано алмазною розсыпью созвѣздій.

— Вон мой Алтаир, — тихонько проговорила Ирина, голова которой покоилась на плечѣ мужа. — Но сегодня он свѣтит каким то холодным, почти зловѣщим свѣтом. Помнишь, у Малларме: Tristement de cette etoile je me défie, — de sa paleur ètrangement je me défie. Ах, Клод, как я боюсь жизни . . .

Де Валер тѣснѣе прижал ее к себѣ.

— Теперь? Когда она столько дает нам, ты стала бояться ее?

— Да, теперь, когда судьба задаривает меня счастьем, я не довѣряю ей. . . Этот страх разлуки с тобою так пугает меня. . .

— Ты напрасно представляешь ее себѣ такою трудной. Вѣдь я почти каждый мѣсяц буду давать благотворительный концерт в Парижѣ, в пользу вдов и дѣтей, погибших на войнѣ героев. Это всегда связано с отпуском в нѣсколько дней. Правительство будет очень довольно, если я учащу эти концерты, так как я приношу ими больше пользы, чѣм исполненіем моих обязанностей на фронтѣ. Мы будем часто видѣться. Я буду похищать тебя из семейной обстановки и увозить куда нибудь в окрестности Парижа.

Слова и голос де Валера были так убѣдительны, что судорога страха, сжимавшая сердце Ирины, вдруг разжалась. Она почувствовала себя внезапно успокоенной и глубоко счастливой.

— Ты моя сила, Клод, — горячо прошептала она. — Моя душа, как воск, в твоих руках.

— Да... Я так хочу. Ты вся моя... Ты вся во мнѣ, жена моя... Я не замучил тебя моими ласками? Я дѣлаю тебѣ упреки, моя любимая, нѣжная... Ты иногда такая блѣдная, такая усталая. Я призываю себя к благоразумію, но это сильнѣе меня. Как только я касаюсь тебя, я теряю голову, не могу выпустить тебя из моих объятій... Вот как сейчас. Ты вся такая гибкая, такая безвольная приникла ко мнѣ. Я всегда голоден тобою. Через полчаса маленькое купэ умчит нас в мір наших самых жгучих снов...

Гондола неощутимо скользила под звѣздами, горящими в небѣ и отраженными на черном зеркалѣ бездонных вод. Казалось, что она парит среди звѣзд.

XXXIV.

Пріѣзд Ирины в ея новый дом был большим событіем не только для нея, но и для всей семьи Клода. Ни для кого не было тайной, что главою семьи был не старшій, а младшій де Валер и жена его была принята всѣми членами семьи с подчеркнутою искренностью и сердечно.

Маркиза Долорес шаловливым тоном предложила ей мѣсто хозяйки за столом.

— Садитесь вы на этот трон, Ирина, — предложила она. — Вы старше меня на полгода. К тому же, я ненавижу хозяйство и не умѣю дѣлать разумных распоряженій. Избавьте меня. Возьмите все это на себя.

— Да, я думаю, что это будет в интересах всего дома, Долли, — одобрил ея рѣшеніе Клод и мягким движеніем усадил Ирину на рѣзной стул, за узкую часть стола. — Вот, дорогая, теперь ты сидишь на мѣстѣ, которое всегда занимала

моя мать, — сказал он женѣ. — Долли, а вы отнынѣ становитесь la jeune fille de la maison,—добавил он обращаясь к Долорес.

— Какое счастье! — Захлопала она в ладоши. — Какая тяжесть с плеч! Какое облегченіе я испытываю при мысли, что не увижу больше перед собою вопросительных лакейских лиц! Ирина, только заказывайте мнѣ иногда шоколадное суфлэ!

— В моем сердцѣ расцвѣла надежда на то, что мнѣ по вечерам будут подавать мой любимый сыр, а за завтраком компот, — лукаво улыбаясь сказал старый маркиз.

— Мари, вы старше меня. Вас не соблазняет взять на себя бразды правленія? — Обратилась Ирина к графинѣ де Рено.

— Нѣт, дорогая. Так как крошка Долли благоразумно отказалась от своих прав, вы теперь хозяйка этого дома, — отвѣтила та с ласковой улыбкой пожимая ея руку.

— Моя дочь Долорес поступила опрометчиво, как всегда! Она старшая маркиза де Валер и не должна этого забывать, — важным тоном заявила сеннора Сантос, пожилая, сильно напудренная дама в оранжевом светрѣ и с такой же бархатной эгретткой в зеленоватых волосах.—Но так как хозяйство дѣйствительно утомляет мою дочь, которая не для этого воспитана, то, конечно, лучше, чтобы младшая маркиза вела за нее дом.

— Мама... — Остановила ее вспыхнувшая Долли.

Но восклицаніе ея было заглушено внезапно завязавшимся общим разговором.

Сеннора Сантос, нисколько не обиженная общим невниманіем к ея словам, грузно усѣлась на свое мѣсто, усадила на спинку своего стула не-

разлучнаго с нею попугая Коко и подняла на свои колѣни тучную рыжую собачку Бланшетт.

Завтрак прошел очень пріятно для всѣх.

Ирина удивлялась и радовалась тому, как легко и спокойно она с перваго же дня чувствовала себя в семьѣ мужа.

Днем Рдищевы привезли к ней Тату, которая равнодушно подставила ей свою розовую щечку для поцѣлуя и сейчас же потребовала, чтобы ей показали обѣщанныя качели, находившіяся в гимнастической комнатѣ де Валера.

Схватив ее на руки, Долли понесла ее туда.

Всѣ послѣдовали за ними.

— Я теперь твоя бабушка, маленькая, — объясняла дѣвочкѣ „старшая маркиза“. — Ты должна любить меня и почитать. А всѣ эти тети и дяди здѣсь только для того, чтобы тебя баловать.

— Это хорошо, — с невозмутимой серьезностью отвѣтила Тата и слова ея были покрыты взрывом смѣха.

Де Валер хотѣл до своего отъѣзда на фронт познакомить Ирину со всѣми своими друзьями и родственниками. Благодаря этому, дом его был постоянно полон гостей, приглашенных то к ленчу, то к обѣду.

Ирину это немного утомляло, но она была счастлива тѣм, что муж гордится ею, что всѣ его близкіе ею восхищаются, балуют и задаривают рѣдкими цвѣтами, конфетами и всевозможными драгоцѣнными бездѣлушками.

Это почти постоянное пребываніе на людях имѣло еще одну хорошую сторону, оно отвлекало Ирину и Клода от мысли о предстоящей разлукѣ.

Только вечером, когда они оставались одни в спальнѣ, на каминѣ которой хрустальные часы Икара мелодичным тиканьем отмѣчали минуты их счастья, де Валер уж не находил слов утѣшенія для жены и молча сжимал ее в своих объятіях со всей силой, со всѣм страхом потерять ее.

Послѣдній вечер, о котором они неустанно думали, котораго боялись, наступил как то неожиданно быстро.

Поѣзд де Валера уходил ночью. Было рѣшено, что провожать его поѣдут только Ирина и Мари, по его просьбѣ переѣхавшая с трехлѣтним сыном в его дом.

Около полуночи вся семья собралась в маленькой гостиной. Общее настроеніе было так невыносимо натянуто, что всѣ жаждали, чтобы минута разлуки наступила поскорѣе. Долорес шутила, возилась с собаченкой матери и тщетно старалась внести нѣкоторое оживленіе. Мари молча разливала чай. Старый маркиз плохо владѣл своими нервами. Ирина еле держалась на ногах, но крѣпилась и улыбалась застывшей больной улыбкой. Де Валер был спокоен. Губы его были крѣпко сжаты, глаза свѣтлы.

Допив свою чашку, он взглянул на часы и поднялся.

— Пора! Папа, Мари, берегите мою жену. . .

Старик дрожащими руками обнял сына. Начались прощанія.

Нѣсколько минут спустя автомобиль де Валера уже мчался по безлюдным и темным улицам.

Ирина сидѣла между Мари и мужем, рука его сжимала ея стан. Она боялась, что мучительная слабость ее вот-вот перейдет в обморок и старалась побороть ее.

Всѣ молчали.

„Он еще со мною. Я чувствую теплоту его руки, его дыханіе. Через нѣсколько минут я буду одна“.

Машина остановилась у Восточнаго вокзала.

Де Валер приник к губэм Ирины в долгом поцѣлуѣ.

— Не провожай меня дальше... Слишком тяжело, — прошептал он ей.

— Нѣт, нѣт... Я с тобою, — умоляюще отвѣтила она схватив его за руку.

Он помог ей и сестрѣ выйти из лимузина.

На платформѣ вокзала медленно шевелилась сѣрая толпа. Одни военные и провожающіе их.

Молодые щеголеватые офицеры в новеньких отлично сидящих мундирах, с лихо захваченными зубами папиросами, флиртовали с хорошенькими женщинами.

Старые генералы с энергичными, но невеселыми и усталыми лицами, степенно разговаривали стоя в кругу своей семьи.

Поодаль, отдѣльной группой, молчаливо стояли арабы в живописных бѣлых бурнусах.

— Солдаты в кэпи, в выцвѣтших, даже изорванных шинелях, с отвернутыми сзади красными полами, стояли кучками и, растопырив ноги, курили трубки сплевывая и лениво переговариваясь.

Для всѣх этих людей, собравшихся здѣсь у длиннаго ряда вагонов, наступил важный жизненный час, — и для отбывающих и для провожающих. Однако, общим паролем было,—игнорировать опасность.

Провожающія женщины были молоды, нарядны, оживленны, старались остаться в памяти уѣзжающих красивыми и свѣжими. Многим из них

это стоило душевных усилій, многим было на руку изображать „героическое веселье“ провожая нелюбимаго мужа.

Почти не было видно пожилых женских лиц, — матери плакали дома однѣ.

Появленіе де Валера было замѣчено. Многіе раскланивались с ним.

— En vagon! — Раздался громкій повелительный голос.

Сѣрая толпа подалась к поѣзду. Вскорѣ всѣ вагоны были битком набиты солдатами, столпившимися у окон.

Де Валер поблѣднѣл. Бѣгло поцѣловал руку сестры, потом прижал к губам руку Ирины. Глаза их встрѣтились и долго не отрывались друг от друга.

— A bientôt, — глухо проговорил он, наконец, и оторвавшись от жены, исчез в вагонѣ перваго класса, в который послѣдовало уже все высшее начальство.

Поѣзд тронулся. В одном из окон промелькнуло лицо де Валера. Улыбаясь Иринѣ, он поднял руку к кэпи.

— Пойдем, дорогая, — мягко произнесла Мари продѣвая руку под локоть Ирины. — Идем же! Опирайся на меня. Я так боюсь, что ты упадешь.

Мимо них с грохотом мчался поѣзд. Из послѣдняго вагона неслось залихватское хоровое пѣніе.

У Ирины так кружилась голова, что она медленно, как тяжело больная, спустилась с лестницы.

Графиня де Рено и пожилой шофер усадили ее в карету.

— Заѣзжайте в аптеку, Жак, — сказала графиня.

Тот поклонился, надѣл фуражку и сѣл за волан.

Лимузин тронулся. По многим улицам, глухо громыхая по асфальту, тянулись обозы с овощами к центральному рынку. На высоких двухколесных телѣгах, слабо освѣщенных подвязанными к ним керосиновыми фонарями, и нагруженных горами моркови, капусты, или салата, сидѣли бойкія деревенскія бабы, правящія плохими кляченками.

Мужчины и лошади были на войнѣ.

В ночной аптекѣ продавали тоже только женщины.

Мари купила успокоительных капель для Ирины безучасно полулежавшей в автомобилѣ.

Вернувшись домой она, с помощью Аннунціаты, уложила ее в постель, дала ей лѣкарство.

— Я сама пережила то-же, что ты переживаешь, когда провожала мужа в первый раз на фронт. — сказала Мари ей. — Но время закаляет. Развивается какой то фатализм . . . Ты увидишь, дорогая . . .

Ирина молча притянула ее к себѣ и обняла.

— Мари, как я люблю тебя . . . Ты похожа на него . . .

XXXV.

Ирина старалась заглушить неустанно грызущую ее тревогу лихорадочной дѣятельностью. Она с головой ушла в свое новое хозяйство и дѣла у нея оказалось больше чѣм она ожидала. Управленіе домом было плохо организовано, обязанности слишком многочисленной прислуги плохо распредѣлены. Повсюду был безпорядок, драгоцѣнная мебель была запущена, в библіотекѣ царил невѣроятный хаос.

Старая экономка Луиза, хозяйничавшая еще при покойной матери Клода, уже больше года не вставала с кресла, страдая ревматизмом. Она горько жаловалась новой хозяйкѣ, что, со дня ея заболѣванія, ей не удалось найти ни одной честной помощницы и облегченно вздохнула, когда Ирина, оставив ей ея жалованье и комнату, замѣнила ее Аннунціатой.

Провѣрив счета и книжки поставщиков, Ирина расчитала метр-д'отеля и поставила на его мѣсто сына своего горячаго поклонника и друга, Проспера, неказистаго уже сѣдого человѣка, который вел остальные расходы по дому и расходныя книги котораго оказались в порядкѣ.

— Это отлично, что вы на это рѣшились, Ирина, — одобрил ее старый маркиз. — Я давно об этом думал, но Поль так недекоративен! Однако, во фракѣ он совсѣм не так плох. Я удивляюсь порядку в своем домѣ. Вы прямо волшебница. Со смерти моей бѣдной жены здѣсь царил хаос. Это понятно. Я не выношу хозяйственных вопросов. Клод их боится больше меня. Луиза стара. Долорес дитя, а ея мать не умнѣе своего попугая. Ах, Ирина, если бы вам удалось отучить ее носить эгретки и оранжевые светеры!

Зараженныя примѣром Ирины, Мари и Долорес с жаром помогали ей составлять инвентарь всего дома, каталог библіотеки, считать бѣлье, хрусталь и серебро, просматривать мебель и гобелены, отбирать испорченныя вещи для починки, или чистки.

Сеннора Сантос, любившая общество, переваливаясь ходила за ними по пятам с Коко на плечѣ и Бланшетт под мышкой.

Послѣ завтрака ежедневно пріѣзжала Талочка, спеціальностью которой было подниматься на длинную подвижную лѣстницу библіотеки и

разставлять на полках книги по новой и упрощенной, изобрѣтенной ею системѣ.

Вскорѣ у нея появился помощник, двоюродный брат Долорес, красавец Нандо Сантос, с профилем конквистадора, фигурой танцора, с неукротимым темпераментом и неистощимым запасом веселья двадцатипятилѣтняго бразильянца.

Пріѣхав из Бразиліи в Париж, он явился с визитом к своей теткѣ сеннорѣ Сантос, которую не видѣл с ранняго дѣтства.

Она величественно и тонно приняла его в гостиной, распросила его о всей семьѣ, разсказала ему новость о женитьбѣ маркиза Клода.

— Знаешь, я приняла тебя в этой комнатѣ потому, что мы теперь принимаем исключительно в гостиной. Молодая маркиза завела этот порядок и я одобряю его,— хвастливо объяснила она ему. — Но ты мой племянник, мой родственник, поэтому я могу отвести тебя куда хочу и отведу тебя в библіотеку, в которой, под надзором младшей маркизы, приводятся в порядок книги, и познакомлю тебя там со всѣми.

Нандо, с трудом сдерживая смѣх, упруго и легко ступая, послѣдовал за странной старухой, рѣшив про себя не возобновлять своего визита к ней, но войдя в библіотеку он остолбенѣл от пріятнаго удивленія: бѣлокурая, необыкновенно изящная красавица, сидя на самой верхушкѣ лѣстницы и что-то напѣвая, передвигала книги. Прыгавшій на стержнѣ, над ея головою, зеленый попугай кричал и бранился.

За длинным столом сидѣли двѣ молодыя женщины, точно сошедшія с картины, и что то писали, а на полу скакала на четвереньках и визжала черноокая брюнетка „рѣдкой красоты,“ гоняющаяся за прехорошенькой дѣвочкой и мальчиком в темных кудрях, которые, как и она, изображая четвероногих, бѣгали по ковру.

Эта семейная идилія привела Нандо в неистовый восторг. Он разом почувствовал себя как дома и через нѣсколько минут свел неразрывную дружбу со всѣми присутствующими, не исключая Коко и вѣчно сонной Бланшетт.

С этого дня он стал членом семьи де Валер и дѣятельным помощником Талочки. С этого же дня Долорес побѣдила свой страх перед высокими передвижными лѣстницами библіотеки и их желтыя лакированныя ступени познакомились с ея крохотными туфельками, которыя нерѣдко отвлекали Нандо от дѣла и которыя даже появлялись ему во снѣ.

Старик де Валер часто заходил в библіотеку, садился в высокое рѣзное кресло и с довольной улыбкой наблюдал за веселой работой, кипѣвшей вокруг него. Он сильно привязался к Иринѣ, любил повторять ей, что она душа его дома, утѣшеніе его старости и это наполняло ее радостью, так как она знала, что это обрадует Клода.

Как то, вспомнив просьбу маркиза повліять на выбор туалетов сенноры Сантос, она принялась за старуху, стала ухаживать за нею, привозила ей из города рѣдкостныя сладости, до которых та была падка, как ребенок, дѣлала ей подарки и часто, как бы невзначай, повторяла ей, что у нея профиль камеи и что если бы у нея были сѣдые волосы и она носила бы только темно-сѣрые туалеты, ее можно было бы принять за королеву.

Сначала сеннора Сантос горячо защищала свои светеры, но постепенно стала сдаваться и, в одно прекрасное утро, ей так захотѣлось, хоть раз, увидѣть себя такою, какою описывала ее Ирина, что она попросила ее поѣхать с нею к парикмахеру, шутки ради, примѣрить сѣдой парик.

Ирина с удовольствіем согласилась и онѣ уѣхали, скрыв цѣль своей поѣздки от всей заинтригованной семьи.

У извѣстнаго парикмахера на сеннору Сантос надѣли воздушный серебристо-бѣлый парик. Всѣ служащіе парикмахерской, с шефом во главѣ, так восхищались ея сразу помолодѣвшим лицом, обрамленным сѣдинами, что она не захотѣла ждать, пока отрастут ея накрашенные волосы, и сейчас же купила надѣтый на нее „трансформасіон".

— Теперь к портнихѣ, — попросила она Ирину. — Может быть мы найдем что нибудь готовое.

Когда сеннора Сантос в этот день вошла перед завтраком в гостиную в свѣтло-сѣром шелковом вязанном костюмѣ и воздушных сѣдинах, вся семья встрѣтила ее удивленными возгласами и засыпала ее комплиментами.

Старик де Валер галантно поцѣловал ея руку и в первый раз повел ее к столу. Один Коко был недоволен ея преображеніем и так сердился, так кричал, что взъерошились всѣ его перья от хвоста до самой макушки.

— Моя дорогая, вы не знаете, какое облегченіе принесли мнѣ превратив мою belle-mère из каррикатуры во что то похожее на женщину общества. Повторяю, вы волшебница! Вы моя радость! — Сказал, оставшись вечером с Ириной наединѣ, старый маркиз.

В невольном порывѣ нѣжности к отцу Клода, она наклонилась и поцѣловала его тонкую старческую руку.

— Oh, ma chérie — вырвалось у него. На глазах его появились слезы: Обняв ее, он коснулся губами ея лба. — Моя дорогая, моя любимая дочь.

Поднявшись к себѣ, Ирина тот час же описала эту сценку мужу. Она ежедневно писала ему

перед молитвой и сном. Разсказывала ему о каждом часѣ своей жизни без него.

Клод писал ей не рѣже и письма его были полны такой безпредѣльной любви, что Ирина плакала от счастья перечитывая их много раз.

Эта переписка, поддерживающая душевную связь между нею и мужем, была единственным утѣшеніем, единственной отрадой Ирины, жившей и работавшей весь день лишь для того, чтобы поскорѣе наступил вечер, который она проводила в своей спальнѣ, в спальнѣ Клода с безчисленными тонкими листками, исписанными его рукой.

Письма с фронта приходили неровно. Часто Ирина напрасно ждала их два—три дня и вдруг получала нѣсколько конвертов сразу.

Она и Мари с одинаковым нетерпѣніем ожидали почту, с одинаковым мужеством скрывали от окружающих непрерывную тревогу, сверлящую их сердца, разрушающую их здоровье, превращающую в пытку их внѣшне спокойную жизнь.

Общее горе сильно сблизило их. Онѣ были постоянно вмѣстѣ, постоянно готовы поддержать друг друга, но никогда не говорили о своих внутренних переживаніях.

Графиня де Рено любила своего сына с тою же исключительной нѣжностью, с которою любила Ирина свою Тату. Онѣ весь день проводили с дѣтьми. Гуляли, катались с ними, укладывали их спать и лишь когда в общей дѣтской Таты и Филиппа угасал свѣт и молоденькая гувернантка зажигала ночник, онѣ снова принадлежали себѣ.

Наступал час общаго обѣда, всегда шумнаго и веселаго благодаря Нандо, Талочки и Долорес, в которых ключом кипѣла радостная молодая жизнь. Иногда за ним присутствовали и Рдищевы,

но рѣдко. Генерал хворал, страдал ишіасом, Нина Петровна стала старѣть, полюбила сидѣть дома в кимоно и раскладывать пасьянсы. Однако, раза два в недѣлю они превозмогали себя и пріѣзжали к дочери.

Встав из-за стола, Ирина уходила в свой рабочій кабинет совѣтоваться с поваром и Аннунціатой.

Графиня де Рено, отличная музыкантша, поднималась в большой пустынный зал, за большими окнами котораго зеленоватым заревом мерцало небо, освѣщенное отсвѣтами городских огней, и садилась за рояль.

Часто она долго сидѣла задумавшись, разсѣянно перебирая клавиши, но постепенно, всегда как то неожидано для нея самой, из под пальцев ея начинала струиться какая нибудь мелодія, легкая, печальная... Она постепенно ширилась, углублялась, переходила в молитву Тоски, в жалобу Сульвейг.

Чѣм сильнѣе она сосредоточивалась, чѣм больнѣе пытало ее отчаяніе, тѣм сильнѣе и выразительнѣе становилась ея игра. Иногда она и физически и духовно ощущала вѣрность опредѣленія Белля, утверждавшаго, что руки, — это главное орудіе мозга. Пальцы ея ощущали каждый аккорд, который они создавали, они почти сознательно владѣли сочетаніями и переливами звуков, которых жаждала ея душа.

Как то вечером, когда она играла Бетховена, Ирина скользнула в зал и сѣла у самаго рояля, струны котораго дрожали от могучих, рыдающих во мракѣ жалоб и стонов, каких то борющихся трагичных сил.

Ирина слушала затаив дыханіе, волнуясь. Ей казалось, что сам дух страданія воплотился в му-

зыкальных волнах, что он захватывает ее, угрожает ей чѣм то... Она вся дрожала от необъяснимаго ужаса.

Мари внезапно прервала игру.

— Если бы не этот страх за них, — хриплым стоном вырвалось у нея. — Этот вѣчный... вѣчный страх. Ирина... Ты молчишь? Ирина... я боюсь, что мы обѣ сойдем с ума... Вѣдь они на передовых позиціях... под огнем... Каждую минуту... Ирина, скажи хоть что нибудь...

— Я... пять дней не получала писем...

Гдѣ то раздались смѣющіеся голоса. Дверь зала разом растворилась, загорѣлась люстра, зажженная рукою хохотавшей Долорес. Талочка и Нандо влетѣли в зал и замерли у порога.

— О, простите! — Первою нашлась Долорес.

Свѣт угас. Зал снова опустѣл, наполнился зеленым полумраком. В простѣнках между окнами, как видѣнія, мерцали бѣлыя статуи.

— Прости меня. Мои нервы не выдержали. Нельзя об этом говорить, — почти спокойно произнесла Мари. — Ты замѣтила, что Нандо неравнодушен к твоей сестрѣ и к Долорес, а она увлечена им?

— Да. Ты думаешь, что это пріятно для папа?

— Как тебѣ сказать? Вѣдь в дѣйствительности брак их существует только на бумагѣ. Папа,—это дитя, это фантаст! С тѣх пор, как Клод несмѣтно богат, это не давало ему покоя. Ему было непріятно быть бѣднѣе сына и он рѣшил „жениться на деньгах". Встрѣтив милліонершу Долорес, „искавшую титулованнаго мужа, он быстро сговорился с нею и они в нѣсколько дней совершили эту безсмысленную сдѣлку. До сих пор все шло отлично: перед маркизой Долорес открылись двери

всѣх великосвѣтских гостиных, прежде закрытыя для нея. Наш старый замок в Бретани был обновлен. Куплена удивительная яхта. Организована охота. Прошлую зиму папа много принимал, несмотря на войну. Долорес—патронесса многих каритативных обществ. Все это отлично. Но вѣдь замок обновил бы и Клод! А Долорес до сих пор предпочитала всему на свѣтѣ сидѣть в кино, или визжать и гоняться за Бланшетт по ковру. Удивительная яхта стоит на якорѣ, папа не любит моря, а Долорес страдает морскою болѣзью. Ея увлеченіе Нандо болѣе чѣм понятно. Однако, это все таки очень непріятно.

— Как же быть?

— Время покажет. Может быть это только легкій флирт. Злословія нечего бояться. Вѣдь мы живем теперь так уединенно.

Дверь в зал пріоткрылась. Вошла Талочка.

— Ирина, пойдем. . . Я уложу тебя, — попросила она. — Пойдем же.

Мари тихонько поднялась.

— Да, пойдемте спать, — сказала она закрывая рояль. — Талочка, поцѣлуйте меня. Как вы очаровательны.

Было уже за полночь, когда автомобиль де Валера отвез Талочку домой.

Проводив ее, Ирина еще раз прошла в дѣтскую, чтобы еще раз поцѣловать и перекрестить спавшую Тату. Предчувствуя безсонную ночь, она вернулась в свою спальню, спальню Клода. Это каждый раз радостно изумляло ее, когда она входила в эту комнату, которая столько лѣт казалась ей недостижимым раем.

Достав блокнот и карандаш, она легла в постель писать мужу.

„Гдѣ он получит это письмо? На передовых позиціях. . . Под огнем"... Вспомнились ей слова Мари.

Она вскочила с кровати. Надѣла туфли, халат, открыла окно.

Шел дождь, было свѣжо. Плечи ея передернулись. Она накинула на них шаль. Стала ходить взад и вперед по комнатѣ, стараясь не думать... только не думать... Боясь даже молитвы. Хорошо считать. До пятидесяти... а потом назад. Как это... сорок девять, сорок восемь. Ужасна эта пустота в груди, когда страх... сорок семь... не надо прерывать... сорок шесть. Леля сказала: „Тѣсныя врата"... Ах, к чему это... сорок пять. Пять дней... Этого никогда не бывало... Опять сбилась... сорок четыре, сорок три...

Наконец, утомленіе избавило Ирину от ея душевных мук и, упав на постель, она уснула.

Ранним утром ее разбудил какой то внутренній толчек.

Уже свѣтало, за окнами моросил дождь.

Вдруг она насторожилась, прислушалась... откуда то из нѣдр еще спящаго дома доносилось, непривычное в этот час, движеніе. Кто то бѣжал по лѣстницѣ... потом по коридору... У Ирины захватило дыханіе, сердце ея готово было разорваться...

Дверь разлетѣлась и захлопнулась.

Клод, загорѣвшій, запыленный, в шинели... Он уже на колѣнях у ея изголовья... Охватывает холодными руками ея теплое тѣло, еще полное сна... Его влажная сѣрая пелерина покрывает ее всю... Его губы горят на ея шеѣ, на ея лицѣ, на ея груди...

XXXVI.

Письмо Ирины Еленѣ Сергѣевнѣ.

Париж 15 Августа.

„Дорогая моя Лелечка, сегодня пришел твой отвѣт на мое письмо из Торчелло. Как я рада, что у вас все благополучно, что вы счастливы.

Грѣхом было бы жаловаться мнѣ. Я только что пережила нѣсколько глубоко счастливых дней. Клод прiѣзжал сюда с фронта, чтобы дать здѣсь благотворительный концерт.

Он „похитил“ меня в день своего прiѣзда и увез в Версаль, в очаровательную маленькую гостиницу, гдѣ мы почти недѣлю прожили вдвоем.

В четверг мы вернулись в Париж. В тот-же вечер состоялся концерт Клода; Он пѣл, как поет только он. Голос его не пострадал от походной жизни. Всѣ музыкальные критики нашли, что он никогда еще так не пѣл. Зал был переполнен. Огромный сбор, апплодисменты, оваціи, горы цвѣтов, пачки любовных писем. Всѣ женщины завидовали мнѣ.

Послѣ концерта он сильно торопясь, чтобы не опоздать на поѣзд, переодѣлся в мундир. Я одна провожала его на вокзал. Когда я вернулась домой, мнѣ было очень плохо. Сердце. Позвали ночью доктора. Он мнѣ сдѣлал впрыскиваніе, велѣл полежать нѣсколько дней. Теперь мнѣ лучше. Я уже выхожу. Всѣ здѣсь так добры ко мнѣ, ухаживают за мною, не знают, как меня развлечь. Талочка всегда со мною. Теперь она живет у меня. Боб с маминой и папа в Виши. Мы же всѣ остались на лѣто в Парижѣ, потому что отсюда

быстрѣе сообщеніе с фронтом. Я могла бы послать Тату с Аннунціатой в наш замок в Бретани, но я всегда боюсь разставаться с нею. К тому же, ей здѣсь отлично. Она все утро проводит в саду, весь день в Булонском лѣсу. Она очень выросла, очень забавна, даже остроумна. Это божок всей семьи, всего дома. Но в ней нѣт ни к кому привязанности, ни любви. Ах, меня это пугает! Ты себѣ и представить не можешь, как она тиранит маленькаго Филиппа, сына Мари, который прямо ей служит. Это прелестный, тоненькій и нѣжный мальчик, обожающій мать и отца, который на войнѣ и котораго он не видѣл уж полгода, но не забыл. Он по нѣсколько раз в день подбѣгает к его большому портрету в комнатѣ Мари, долго смотрит на него и шепчет: „Мой папа." Филипп понятнѣе Таты. Но, может быть, ей легче будет жить без баласта слишком утонченных чувств.

Ты пишешь, что занята весь день. Воображаю, сколько у тебя дѣла в твоем лазаретѣ. Талочка работает в Красном крестѣ, но только по утрам. Начиная с осени нам обѣим придется много работать. Мнѣ, главным образом, репрезентативно. Но вѣдь это самая скучная и утомительная дѣятельность.

Часто, часто я думаю о тебѣ и грущу, что ты так далеко от меня. Обѣщай мнѣ, что, как только кончится война, вы всѣ пріѣдете ко мнѣ гостить. У нас такой огромный дом, что в нем есть мѣсто для нѣскольких семей. Я уменьшила его тѣм, что заперла весь третій этаж. Сократила прислугу. Теперь удобнѣе управлять нашим сложным хозяйством, которое веду я одна с помощью Аннунціаты.

Ну вот, теперь ты знаешь всѣ мои новости и мнѣ остается только перекрестить и обнять тебя.

Всѣм сердцем твоя Ирина.

Особенный привѣт Глѣбу и милой моей Любочкѣ."

Надписав адрес на конвертѣ, Ирина вложила в него письмо и запечатала его.

В комнату вошла Талочка.

— Ирина, ты хотѣла поѣхать сегодня со мною ко всенощной, в рю-Дарю. Уже пора. Автомобиль подан, — напомнила она сестрѣ.

В этот вечер в русской церкви оказалось не много молящихся. Только какія то темныя старушки жались по стѣнам.

В слабом полумракѣ гулко раздавался голос дьякона. Перед образами иконостаса печально горѣли неровныя, изогнутыя от тепла, восковыя свѣчи.

Ирина и Талочка стали на свое привычное мѣсто у колонны, вблизи Распятія, перекрестились и тот час же, с каким то сладостным спокойствіем, ощутили в себѣ свои души.

Ничто не умиротворяет так, как церковная тишина, в которой звучат лишь знакомыя с дѣтства молитвы.

Для многих русских женщин каждая церковная служба, на которой онѣ присутствуют, составляет звено длинной цѣпи их духовной жизни, от первой исповѣди до могилы.

Ирина и Талочка были такими женщинами. Полныя вѣры, снизошедшей на них: „как лѣтній дождь, как роса на скошенный луг," онѣ знали отраду и силу молитвы. Выходя из церкви, онѣ всегда чувствовали себя просвѣтленными, кроткими и успокоенными.

Так было и на этот раз.

— Ириночка, поѣдем немного прокатиться в буа, — попросила Талочка спускаясь с лѣстницы с сестрой и продѣвая руку под ея локоть. — Посмотри, какой чудный закат.

— Хорошо. Поѣдем, миленькая.

— Мадам Волгина, — раздался за ними знакомый женскій голос.

Онѣ остановились, обернулись: перед ними стояла Надежда Гавриловна Новилль.

— Мадам Волгина, какой пріятный сюрприз!— Воскликнула она пожимая руку Ирины. — Мнѣ вас одна дама показала: „Вон, „говорит," извѣстная маркиза де Валер." Я прямо разсмѣялась и говорю ей: Вздор какой! Совсѣм не маркиза, а моя хорошая знакомая, мадам Волгина из Москвы. Вот вѣдь придумывают . . .

— Не совсѣм вздор, — улыбаясь вмѣшалась Талочка в разговор. — Сестра вышла замуж за маркиза де Валер.

— Ах, тогда извиняюсь... Поздравляю. Прекрасная партія. Ах, как я рада за вас, мадам, Волгина... маркиза... Ну, мы, как нибудь вечерком, непремѣнно к вам, запросто...

— Муж на фронтѣ. Я не принимаю, — сдержанно отвѣтила ей Ирина, не желая возобновлять знакомства в Новиллями из-за Талочки.

Но холодный тон ея не смутил Надежды Гавриловны, она даже не замѣтила его.

— Ах, это ничего что вы не принимаете, мадам Волгина... маркиза... Мы, конечно, охотно извиним маркиза и придем запросто, — невозмутимо возразила она. — Мадемуазель Талочка, запишите мнѣ ваш адрес. Вот на платкѣ. Он чистый. Ничего, потом сотру.

Талочка набросала нѣсколько слов на кусочкѣ батиста.

— Так вот вы гдѣ живете? — Всплеснула руками Надежда Гавриловна. — Ну, дивный дворец! Это сиреневый? Да? Так вѣдь мы то живем наискось от него, над кондитерской, на углу. Только, только переѣхали туда недѣлю тому назад. И никогда еще с вами не встрѣтились. Ну, вот Ари удивится то . . .

Ирина украдкой взглянула на сестру, лицо которой слегка порозсвѣло. Это так встревожило ее, что она рѣшила энергично отбить нападеніе назойливой госпожи Новилль.

-- Не сердитесь на меня, Надежда Гавриловна, но мы, право, не принимаем никого и живем совершенно уединенно, — сказала она, улыбкой смягчая рѣзкость.

— Ах, мадам Волгина... маркиза, какія церемѣніи. Мы вечерком...

— Как поживает моя маленькая Нини? Я непремѣнно навѣщу ее, — ласково сказала Талочка.

Намѣреніе сестры испугало Ирину. Уж если встрѣтятся Ари и Талочка, то лучше на ея глазах. Она мгновенно перемѣнила тактику и взяв, с увлеченіем разсказывающую о Нини, Надежду Гавриловну под руку, стала спускаться с нею с лѣстницы.

— Так когда же вы к нам? Спросила она, когда онѣ подошли к ея автомобилю.

— Можно сегодня вечером? Зачѣм же откладывать?

—Отлично. Мы будем вас ждать.

— Ах, как это пріятно! Нѣт, вот Ари удивится! Вы знаете, он был в боевом авіаціонном отрядѣ почти цѣлый год. Получил разные ордена. Подумайте, такой молодой, а до капитана дослужился. Потом был ужасно опасно ранен. Долго лежал в больницѣ. Когда он выздоровѣл, его нашли непригодным для фронта. Знаете, у него сердечные припадки, иногда и нервы... Но его все-таки прикомандировали на аэродром авіаціонной школы. Он там обучает начинающих летчиков. На это он еще способен. А так чувствует себя хорошо.

— Вот как... Кланяйтесь ему. Итак, до свиданія, — пожав руку Надежды Гавриловны, Ирина поднялась в автомобиль.

Талочка послѣдовала ея примѣру.

— В буа, — сказала она шоферу.

— До свиданія! — Крикнула им вслѣд Надежда Гавриловна махая рукой.

— Ея навязчивость так наивна, что обезоруживает, — сказала Ирина.

— Да. Но почему ты ее так не хотѣла?

— Лишніе люди утомляют меня. К чему?

— Меня интересует Нини. Я ужасно рада.

— Я это понимаю. Но надѣюсь, что они к нам не зачастят.

— Боюсь, что Ари подойдет к нашей компаніи Нандо — Долорес! Она заведет с ним флирт.

— Знаешь, крошка, я одно время боялась, что ты влюбишься в Нандо.

— Я? — Разсмѣялась Талочка.—Ирина, как ты могла? Нандо и я? Вообрази, мамина мнѣ его прочила в женихи: красавец, милліонер.

— Ах, неисправимая мамина! Но все-таки странно, Талочка, что ты до сих пор не была влюблена.

— Не знаю... Мнѣ, почему то, никто не нравится. Ну, как может нравиться Нандо? Такой паяц! Знаешь, Ириночка, я не тороплюсь полюбить... Вижу по тебѣ, как это трудно любить... По тебѣ и по бѣдной Мари. Ты не замѣтила, как она перемѣнилась? Больше не играет на роялѣ. Послѣ обѣда сейчас же уходит к себѣ.

— Да, она стала странной.

— Я сдѣлала печальное открытіе... Сегодня на столѣ ея ванной комнаты лежал шприц. Она забыла его.

— Талочка! Морфій?

— Вѣроятно.

— Какія нечеловѣческія муки должна была перенести эта сдержанная, сильная женщина, чтобы на это рѣшиться! Я сегодня же попробую с нею об этом поговорить.

— Смотри, какія тучи вокруг! Собирается гроза. Откуда?

— Ужасно душно. Воздух насыщен электричеством. Талочка, вели шоферу ѣхать домой. Ах, как огорчила ты меня этою вѣстью о Мари.

За обѣдом Ирина разсказала о встрѣчѣ с Надеждой Гавриловной и всю исторію знакомства с Новиллями.

— Папа, прошу вас быть снисходительным к ней, — обратилась она к старому маркизу. — Я боюсь, что она не понравится вам.

— О, моя милая, я так привык в послѣднее время игнорировать непріятных мнѣ людей, — колко возразил он цѣля в своего врага сеннору Сантос, которая в этот вечер, ссылаясь на жару, не надѣла парика и приколола в волосы зеленую эгреттку.

Около девяти часов, когда вся семья находилась в гостиной, на порогѣ появился старик лакей и доложил.

— Господин и госпожа Новилль.

Ирина поднялась навстрѣчу гостям.

Смущенная невиданной роскошью и новыми лицами, Надежда Гавриловна почти робко поздоровалась с нею.

Новилль не измѣнился, он только возмужал.

Иринѣ показалось, что он сильно взволнован. Она перевела взгляд на сестру. Что то растерянное, почти испуганное, промелькнуло в Талочкиных чертах, но она быстро овладѣла собою.

— Долорес, позволь мнѣ представить тебѣ замѣчательнаго игрока в теннис, — сказала она обращаясь к бразильянкѣ.

— Вот это отлично! — Задорно блеснув на него своими огромными глазами, воскликнула та. — А танцевать вы любите? Мы теперь разучиваем новое танго, но у нас на двух только один кавалер, мой кузен Нандо. Вот он, познакомьтесь. Талочка, браво! Теперь у нас два танцора. Идемте скорѣе в зал.

— Не лучше ли сначала выпить русскій вечерній чай? — Предложила, познакомившая гостей со всѣми присутствующими, Ирина направляясь в столовую, дверь которой была уже широко открыта метр-д'отелем.

Всѣ, кромѣ маркиза и Мари, послѣдовали за хозяйкой дома.

За чайным столом, не стѣсненная „важным стариком", Надежда Гавриловна пріободрилась и к ней тут же вернулся дар слова.

— Вообразите, мадемуазель Талочка, я разсказала Нини, что встрѣтила вас и, подумайте, ну, это удивительно! Она помнит вас. Я обѣщала ей привести ее сюда завтра утром.

— Я ужасно рада буду ее видѣть! — Сердечно воскликнула Талочка.

Раздался оглушительный удар грома.

Сеннора Сантос подпрыгнула от страха на своем стулѣ.

— Закройте окна! Скорѣе, скорѣе! — Воскликнула она.—Нас всѣх убьет молнія.

Нандо и Новилль бросились исполнять ея просьбу.

— Видишь, Ари, — запальчиво сказала Надежда Гавриловна, — Вѣрно было предсказаніе о грозѣ, о том, что завтра утром будет густой ту-

ман. Значит ты завтра не сможешь испробовать свой биплан.

— Мнѣ не мѣшает туман, — холодно отвѣтил Новилль возвращаясь на свое мѣсто.

— Ну вот, — с досадой сказала Надежда Гавриловна обращаясь ко всѣм сразу.— Он прямо ищет опасности. И глупо... Мнѣ его комендант прямо жаловался, что он прямо безсмысленно ищет выкинуть геройство.

— Для этого я слишком опытен и стар, — под улыбкой скрывая досаду, возразил ея муж. — Я просто увѣрен в своей машинѣ и в себѣ.

— Твой комендант сказал, что завтра ужасно опасно ѣхать, если туман, — упрямо повторила она.

— Ах, господин Новилль, я не понимаю, как вы можете летать! Уй! Уй! Я бы ни за что!— Взвизгнула сеннора Сантос.

Всѣ громко разсмѣялись.

— Господин Новилль, покатайте меня немного на вашей машинѣ, — кокетливо попросила Долорес.

— И думать не смѣй! — Закричала на нее мать. — С тебя хватит. Выброси это из головы. Не забывай, что ты старшая маркиза де Валер и что это обязывает.

— Мама, завтра, когда ты будешь сидѣть в саду с Бланшетт и Коко, я пролечу над твоей головой на бипланѣ и забросаю тебя конфетти. Ты будешь сидѣть под бумажным розовым дождем... Ха-ха-ха!— До слез расхохоталась Долорес. — Господа, вы кончили ваш скучный чай? Тогда пойдемте танцевать. Que m'aime, me suive!

Встав из-за стола, всѣ отправились в зал. Но Ирина вскорѣ незамѣтно исчезла из него и

отправилась к Мари. У нея было очень тревожно на сердцѣ из-за сестры.

„Что за досадная встрѣча с Новиллями“, думала Ирина. „Между Талочкой и Ари сильное тяготѣніе. Он знает, что неравнодушен к ней. Она же, может быть не сознавала своего чувства к нему, но, увидѣв его сегодня, несомнѣнно поняла... Что же дѣлать? Запретить ей видѣться с ним? Откровенно с нею объясниться? Это только подольет масла в огонь. Не надо было приглашать Новиллей в дом! Но они живут напротив нас. Талочка встрѣчалась бы с ними на улицѣ, навѣщала бы Нини... Словно это судьба“...

Подойдя к двери графини де Рено, она тихонько постучала и вошла в комнату.

Графиня уже лежала в постели. Стоявшая возлѣ нея лампа была завѣшена темным шелком.

— Ты нездорова, дорогая? — Спросила ее Ирина.

— Нѣт... Мнѣ хорошо...— С легкой счастливой улыбкой отвѣтила ей та. Я просто так легла... Ты посидишь со мною? Я так люблю тебя. Придвинь кресло поближе. Дай мнѣ руку. Вот так. Разскажи мнѣ что нибудь. Ах, какая смѣшная эта маленькая русская! — Мари разсмѣялась неслышным смѣхом.

„Морфій уже подѣйствовал“, подумала Ирина. „Теперь нельзя с нею об этом говорить. Зачѣм портить ей настроеніе, бѣдняжкѣ“.

Она молча поднесла изящные пальцы Мари к своему лицу и провела по ним губами.

— Моя добрая, моя любимая сестра, какое счастье для нас всѣх, что ты вышла за Клода! От тебя исходит душевное тепло. Тебѣ можно вѣрить... — Сказала Мари, все еще спокойно и

мягко улыбаясь. Слегка приподнявшись с подушек, она потянулась к Иринѣ. — Поцѣлуй меня... Слушай. Я довѣряю тебѣ секрет. В прошлом году я работала в лазаретѣ моей кузины, герцогини де Шомон. Ах, да вѣдь ты знакома с нею... Ну, вот... да... я работала в лазаретѣ, завѣдывала наркотиками. Раз я взяла себѣ нѣсколько коробок морфія, на случай, если... если я захочу умереть. Эти коробки давно лежат у меня. Мнѣ никогда в голову не приходило искать успокоенія в дурманѣ... Нѣсколько дней тому назад я была в ужасном состояніи. Убирая свой шкаф, я случайно нашла эти коробки. Нѣсколько капель и я вдруг воскресла! Если тебѣ будет когда нибудь уж слишком тяжело, я дам тебѣ... Хочешь?

— Мари, дорогая моя, вѣдь это же безуміе... Ты губишь свое здоровье. Как ты могла на это рѣшиться?

— И это спрашиваешь ты? Ты, которая переживаешь тѣ же пытки, что и я? Но ты переживаешь их всего два мѣсяца, — а я два года. Да, го-ода... Ты понимаешь, что это значит? Скажи, понимаешь?

— Да, Мари.

— Вот видишь... Тебѣ больше нечего сказать. Ты сама понимаешь, что мнѣ остается выбор только между морфіем, или сумасшествіем. Я не могу больше выносить этой жизни... Не могу... не могу... не могу.

— Не волнуйся так, дорогая. Да, да, ты права. Ты тысячу раз права. Два года... Ты героиня. Два года! Невообразимо! Да, я понимаю тебя. К тому же, если принимать морфій недолго, он, кажется, здоровью не очень вредит. Может быть скоро кончится эта ужасная война. Я рада, что тебѣ сейчас хорошо, моя мученица бѣдная.

— Ах, мнѣ так блаженно-пріятно. — Мари снова откинулась на подушки. — Я знала, что ты поймешь меня . . . Но никому ни слова.

— Только Клоду, Мари. От него у меня нѣт тайн. Ты знаешь. . .

— У меня тоже. Милый Клод. Мы всегда повѣряли друг другу наши тайны. Я знала все о его любви к тебѣ.

— Ты уже засыпаешь?

— Да. . . жаль засыпать. Так пріятно лежать. Так легко, легко. Тѣло тает. . .

— Спокойной ночи.

Ирина встала и, наклонившись над Мари, перекрестила ее.

— Спасибо, ma chérie. Ты благословила меня. Сколько в тебѣ шарма. Я понимаю, что Клод так беззавѣтно любит тебя. Вѣдь ты его eternelle idole. Он молится на тебя.

Онѣ нѣжно обнялись.

Поднявшись к себѣ, Ирина сѣла писать мужу, чтобы подѣлиться с ним своими тяжелыми заботами о Талочкѣ и Мари.

В это время в залѣ заливался стоявшій на роялѣ граммофон. Талочка и Нандо легкими согласными движеніями танцовали танго, которому Долорес учила Новилля.

Быстро подружившіяся, сеннора Сантос и Надежда Гавриловна, сидѣли у стѣнки, оживленно разговаривая на одинаково плохом французском языкѣ.

— У меня, на той сторонѣ дома, своя половина, — хвастливо разсказывала бразильянка. — Конечно, это не мой дворец в Ріо, но все-таки прекрасныя комнаты, которыя я убрала по своему вкусу. В моей гостиной, в одной из ниш, стоит шкаф со всевозможными сладостями. В нем есть холодильное отдѣленіе. Я купила его на хозяй-

ственной выставкѣ. Хотите, я покажу его вам? Пойдемте.

— Ах, с удовольствіем, синьора.

— Сеннора.

— Да, сеннора. Я прямо как в сказкѣ. Такое богатство! Мой папаша милліонер, мамаша при дворѣ... Но такой роскоши, прямо говорю, зачѣм врать, такой роскоши я никогда не видѣла. И какой благородный маркиз!

— Мммм... маркиз, — презрительно повела плечом сеннора Сантос. — Пройдите, пожалуйста, первою в дверь. Вѣдь вы гостья.

— Ах, что вы, синьора?

— Прошу вас.

— Ах...

Послѣ долгаго обмѣна вѣжливостями, онѣ вошли в коридор.

— Моя мама похитила вашу жену, — сказала Долорес вальсируя с Ари. — Она, навѣрно, повела ее в свою кондитерскую, которою очень гордится. Я покажу вам ее потом. Я закружила вас? Да? Вы устали танцовать?

— Немного. Я не привык. Моя спеціальность — летать.

Доиграв вальс, граммофонная игла запрыгала и затрещала.

Оставив своего кавалера, Талочка бросилась к аппарату, остановила механизм и стала вставлять новую пластинку.

— Нандо, вы не забыли принести мнѣ крестословицу? — Спросила Долорес.

— Нѣт, она здѣсь, в моем карманѣ, на самом сердцѣ.

— И вы молчите? Давайте же мнѣ ее скорѣе. Сядем сюда, за этот столик. Гдѣ ваш карандаш? Скорѣе, скорѣе! Вѣдь ее надо отослать

завтра утром. Нам осталось угадать только два слова.

Ари подошел к Талочкѣ, заводившей граммофон.

Она повернулась к нему, прислонившись к клавіатурѣ рояля.

— Неужели это правда, что Нини помнит меня? — Спросила она его стараясь побѣдить тягостное смущеніе.

— Правда. Она даже вспомнила о каких то блинчиках. Вы тогда учились стряпать.

— Да... бульабез! А вы капризничали в этот день. Даже не попробовали его.

—Я себѣ этого никогда не мог простить. Он, навѣрно, был очень вкусным?

— Если вы раскаялись, я приготовлю вам новый. Но только, если вы обѣщаете мнѣ одну вещь.

В больших зеленых глазах Новилля появилось удивленіе.

— Обѣщайте!

— Сначала я должен знать, что.

— Какой вы формалист.

— Я осторожен.

— Обѣщайте мнѣ, ради Нини!

— Сначала ради бульабеза, теперь ради Нини?

Тон их разговора не налаживался, срывался, выходил то слишком легким, то слишком серьезным. Это волновало, нервировало их.

Талочка, наклонившись к клавіатурѣ и все еще стоя к ней спиной, стала наигрывать одним пальцем какую то мелодію.

— Наталія Михайловна!

— Почему не „Талочка“?

— Можно?

— Вы всегда звали меня так.

— Тогда вы были почти ребенком.

— А теперь мы старые друзья.

— Талочка... Талочка, о чем же вы хотѣли просить меня?

— Чтобы вы не поднимались завтра, если будет туман. Ради Нини, — сказала она опуская рѣсницы.

Он внезапно поблѣднѣл.

— Мнѣ необходимо испробовать биплан. Если бы это было опасно, я не стал бы рисковать машиной. Она стоит маленькое состояніе.

— Тогда, конечно... Я это сказала только потому, что так люблю Нини. Без вас ей было бы плохо! — Талочка встряхнула своими легкими локонами. — Нандо, Долорес, вы рѣшили кресгословицу? Да? Мнѣ хочется еще потанцовать, — сдѣлав не расчитанное движеніе, Талочка сѣла на басовыя ноты. Онѣ издали угрожающее рычаніе.

Всѣ разсмѣялись.

— Рояль рычит на нас за то, что мы предпочитаем ему этот музыкальный ящик, — сказал Нандо открывая граммофон. — Мадемуазель Талочка? Un tango?

Долорес положима руку на рукав Новилля. Обѣ пары стали плавно скользить по паркету.

„Зачѣм я пришел сюда? Зачѣм я еще здѣсь? Разыгрываю дурака... Танцую танго", думал Ари закипая раздраженіем. „Вѣдь я опять влюблен в нее, как сумасшедшій. Она стала кокеткой... Как флиртует с бразильянцем... И, кажется, со мною. А была минута, когда мнѣ показалось... У меня сердце остановилось в груди. О, идіот. Ах, если бы мнѣ удалось размозжить свою голову налетѣв на что нибудь в туманѣ".

— Вы удивительно танцуете! Как быстро вы научились этому танго, — сказала ему Долорес.
— Вы так удивительно ведете!

Граммофон снова захрипѣл. Нандо закрыл его.

— Теперь пойдемте в кондитерскую моей мамы, — предложила Долорес. — У нея сегодня удивительный торт и чудная Малага.

Потушив люстру, они выбѣжали из зала.

Долорес прижала палец к губам.

— Тише... Всѣ солидные обитатели этого дворца спят. Слѣдуйте за мною безшумно, на носках.

— Я поддержу вас, Долли. Иначе вы, навѣрно, слетите с лѣстницы на ваших высоких каблучках, — сказал Нандо, взяв под руку кузину.

Талочка и Ари слѣдовали по их пятам переговариваясь и пересмѣиваясь с ними.

В Новиллѣ бушевала буря. Он не мог естественно разговаривать с Талочкой и это бѣсило его. Он боялся, что она замѣтит его чувство, и вмѣстѣ с этим этого желал.

Когда они проходили по какому то темному будуару, кто то что то опрокинул и снова раздался взрыв смѣха.

Новилль, неожиданно для самого себя, схватил Талочкину руку.

— Что с вами? — Испуганно спросила она.

— Талочка, не нужно смѣяться, — чуть слышно сказал он, не зная что говорить, но почти безсознательный страх разсердить ее, заставил его придать капризно шутливый оттѣнок своему голосу.

— Почему? — Громко, слишком громко, отвѣтила она вопросом.

— Не знаю...

— Ари, какое вы дитя.

— Талочка, не надо танцовать с Нандо. Только со мною.

— Как бы не так? Вы ужасно избалованы. Пойдемте же скорѣе, мы отстали от других.

— Я боюсь темноты.

— Вы неврастеник и ужасно непріятный человѣк.

— Вы любите говорить правду в лицо.

Между ними установилась пикировка, которой они старались придать веселый, шаловливый оттѣнок, но в которой была невыносимая, терзавшая их нервы, натянутость.

— Алло? Талочка? Гдѣ вы пропали? — Раздался голос Долорес в концѣ коридора.

— Мы здѣсь.

— Возьмите под руку вашего кавалера. Разыграем комедію, войдем к мама, как входят в настоящую кондитерскую, — сказала Долорес и открыла дверь в салон матери, весь сверкающій позолотой и зеркалами.

Вошедшіе застали мирную картину: сеннора Сантос сидѣла в ярко-красном капотѣ на диванѣ. Коко дремал на ея плечѣ. Надежда Гавриловна сидѣла в креслѣ поглаживая, спавшую на ея колѣнях, Бланшетт.

На столикѣ перед ними стояли пустые тарелки и стаканы.

Сеннора Сантос обрадовалась гостям. Даже засуетилась.

— Мама, мы собираемся до-чиста опустошить твой волшебный шкаф, — объявила Долорес.

— Очень буду рада. Мнѣ хватит чѣм наполнить его завтра.

— Ари, попробуй вон тот испанскій напиток. Прямо чудесный, — посовѣтовала Надежда Гавриловна.

Он взглянул на нее и внезапно почувствовал к ней такую ненависть, что у него похолодѣли руки.

— Господин Новилль, вот кусочек абрикосоваго торта. Это спеціальность нашего повара,— обратилась к нему Долорес, протягивая тарелочку с чѣм то янтарным под битыми сливками.

Было уже за полночь, когда Новилли возвращались домой.

-- Вот я наѣлась, — зѣвая говорила Надежда Гавриловна. — Ах, как живут, как живут... Вот богатство!

XXXVII.

У Талочкинаго изголовья буйно затрещал будильник.

Она открыла заспанные глаза, разом вскочила с постели и подбѣжала к окну, мимо котораго, дребезжа цинковыми сосудами, как раз проѣзжала тележка с молоком.

„Туман. Так и есть, туман", подумала Талочка и взглянула на часы. „Половина шестого. Он сейчас поѣдет на аэродром и сломает себѣ там шею. Нини останется без отца. Нельзя этого допустить. Нѣт, нѣт, пожалуйста... Я в него не влюблена! Нисколько не влюблена! Но почему то жаль его. В нем что то жалкое иногда, когда он сутулится. Когда его брови сдвигаются, в них какой то милый и жалкій надлом. А в кистях его рук, каких то особенно одухотворенных и подвижных, есть что то вызывающее нѣжность. И эта глупенькая родинка на правой щекѣ... Такая же у Нини. Нѣт, нельзя допустить чтобы он рисковал жизнью".

Талочка быстро умылась, одѣлась и выскользнула из дома.

„Проще всего было бы зайти сейчас к Новиллям“, соображала она. „Но может быть Ари уже уѣхал. А она может подумать Бог знает что. Она так глупа. Лучше ѣхать прямо на аэродром“.

На углу улицы стоял такси с женщиной-шофером.

Талочка сѣла в автомобиль и велѣла ей ѣхать на авіаціонное поле.

„Я это дѣлаю для Нини“, искренно увѣряла она себя по дорогѣ. „Это непріятно, но это мой долг. Ари ужасно легкомысленный человѣк. Ему необходима управляющая рука. Я буду его другом. Заставлю его слушаться меня. А то, что у меня сейчас. . . как то неудобно на душѣ, — это только потому, что, по свѣтским понятіям, я поступаю немного эксцентрично. Но это предразсудок. Лишь бы пріѣхать поскорѣе, не опоздать.“

Воображеніе ея рисовало ей зеленое поле, а посреди него Новилля, сначала хлопочущаго вокруг своего аэроплана, потом бѣгущаго к ней навстрѣчу.

Однако, в дѣйствительности все оказалось иначе и много сложнѣе.

Расплатившись с такси, она очутилась на площади, застроенной бараками и ангарами, между которыми сновали люди в кожаных куртках, в высоких сапогах на мало сгибающихся ногах, в пробковых или шерстяных шлемах, плотно обрамляющих их обвѣтренныя лица.

Талочкины глаза тщетно искали между ними Ари. Его не было нигдѣ. Откуда то доносился оглушительный треск пропеллера. Это еще уси-

ливало ея нервность. Проходившіе мимо нея аргонавты воздуха не удостаивали ее даже взгляда. Она не смѣла заговорить с ними. Но вот пробѣжал мимо нея, что то весело насвистывая, молодой рабочій в синем овералѣ. Она остановила его.

— Капитан Новилль? — Переспросил тот. — Его машину, как раз, выкатили. Вон, за тѣм ангаром.

Талочка поблагодарила и поспѣшно направилась в направленіи указанном его рукой.

Выйдя на открытое поле, она увидѣла, почти в точности, картину, которую по дорогѣ рисовало ея воображеніе, но которая в дѣйствительности, может быть из за голубого тумана, окутывающаго ее, казалась менѣе реальной, чѣм в мечтах.
Вокруг биплана возились механики. Новилль, в плотно прилегающем к тѣлу кожаном костюмѣ, туго опоясанном, стягивающим его тонкій стан ремнем, в кожаном шлемѣ, широко разставив ноги наблюдал за ними и курил.

Один из техников, замѣтив подходящую Талочку, с удивленіем стал всматриваться в нее, что то сказал.

Новилль обернулся, но не бросился ей навстрѣчу, а застыл на мѣстѣ.

— Вас удивляет, что я здѣсь? — Мучительно волнуясь, но стараясь говорить легким свѣтским тоном, спросила его Талочка. — Вы знаете, я всегда такая. Если вобью себѣ что нибудь в голову, то непремѣнно хочу добиться. Я пріѣхала чтобы повторить вам свою просьбу,—не подниматься сегодня. Вы молчите? Ари, сдѣлайте это ради Нини. Будьте же благоразумны.

Новилль молчал. Его зеленые, расширенные от волненія глаза не мигая напряженно смотрѣли на нее. В них был отпор самозащиты, был вопрос:

„Что это,—кокетство? Игра? Наивность, или... или“...

Его взгляд дрогнул в ея сердцѣ, заставил ее забыть осторожность.

— Останьтесь... для меня, — чуть слышно проговорила она, точно отвѣчая на его нѣмой вопрос. — Останетесь? Да?

Он с трудом перевел дыханіе.

— Да. Но только... Талочка, зачѣм кружить мнѣ голову? Вѣдь я с ума от счастья могу сойти.

Он сильно поблѣднѣл под загаром. Ей показалось, что дрожит каждый нерв его тонкаго лица.

— Нѣт, Ари. Не так. Этого нѣт, что вы думаете! Только дружба.

„Она сама не знает, она еще дитя“, промелькнуло в его головѣ. „Нельзя пугать ея чувство. Надо беречь, лелѣять его“.

— Только дружба, Ари.

— Я не надѣялся на большее. Это так много, настоящая дружба!

— О, да, Ари, настоящая! — Воскликнула она с отрадным облегченіем. — Я рѣшила прибрать вас к рукам. Ах, вы так легкомысленны!

Он разразился счастливым смѣхом.

— Я буду с вами очень строга.

— Мнѣ страшно, Талочка.

— Отправляйте вашу птицу в клѣтку и пойдемте.

— Только не домой.

— За ваше послушаніе я возьму вас в кондитерскую пить утренній шоколад. Я голодна. Я еще не завтракала.

— Вот это чудесно. Я знаю здѣсь вблизи очаровательную маленькую кондитерскую. Нѣсколько минут терпѣнія, Талочка. Я только переодѣнусь и дам распоряженія.

Полчаса спустя, Талочка и Новилль сидѣли за мраморным столиком маленькой кондитерской. В воздухѣ витал душистый аромат ванили, смѣшанный с запахом пробковых опилок, которыми был усыпан каменный пол.

Заплаканная разсѣянная барышня поставила перед Талочкой чашку душистаго шоколада и бисквиты. Перед Ари — порцію кофе.

— О, мнѣ этого мало, мадемуазель! — Воскликнул он.—Дайте мнѣ еще два яйца, масла, хлѣба. Вот вам карточки.

— Как можно так много ѣсть, — укоризненно уронила Талочка. — Вы пополнѣете.

— Талочка, что вы за тиран! Мнѣ нельзя летать, когда мнѣ хочется размозжить себѣ голову. Мнѣ нельзя ѣсть, когда я голоден.

— А мнѣ нельзя смѣяться, когда мнѣ смѣшно. Нельзя танцовать с Нандо. Это не тиранія?

— Да, Талочка, вы правы. Взаимная тиранія, — это и есть... дружба.

Талочка насторожилась, недовѣрчиво взглянула на него, но он невинно опустив рѣсницы, стал внимательно намазывать себѣ маслом хлѣбчик.

Она невольно залюбовалась изящным движеніем его тонких пальцев.

— Ари, знаете, по вашим рукам замѣтно, что ваша мать была креолкой, — сказала она улыбаясь.

— Не понимаю.

— Говорят, что креолки особенно граціозны. Вчера я наблюдала за вами, когда вы обмахивались вѣером Долорес. Вы держали его как то особенно. С какою то восточной небрежностью. Не знаю, как объяснить, но казалось, что ваши руки слабы, нѣжны, коварны, опасны. А вѣдь онѣ так увѣренны и сильны.

— Талочка, вы говорите мнѣ комплименты. И какіе...

— Нисколько. Я только не понимаю, как совмѣщается в вас эта, почти женская, впечатлительность и нервность с полным безстрашіем? Вы были героем на войнѣ. Я знаю, вы храбры.

— Не знаю, храбр ли я? — Разсмѣялся Новилль, котораго слова ея точно опьяняли счастьем. — Мальчиком я боялся всего, что надвигалось на меня, даже стула. Заводныя игрушки приводили в ужас. Мнѣ кажется, что моя авіаторская храбрость заключается только в том, что я отлично выношу высоту. В дѣтствѣ я любил залѣзать на самыя высокія деревья. Один выносит высоту, — другой нѣт. Это все.

— Неправда. Это милая скромность с вашей стороны, так объяснять. Но вы не убѣдите меня! Я знаю, что вы герой. Разскажите мнѣ подробно, что вы испытываете, когда поднимаетесь на высоту, когда довѣряете свою жизнь искусственным крыльям вашей хрупкой птицы из шелла и стали.

— Что я испытываю? Ах, Талочка, каждый раз, когда я взлетаю на моей птицѣ, меня охватывает безпредѣльная радость! Всѣ муки жизни, всѣ дрязги остаются на землѣ. Даже искусственныя крылья придают силу и смѣлость душѣ. Онѣ точно освобождают ее от гнета притяженія земли, от ея рабства тѣлу. Вѣдь душа каждаго из нас рвется кверху, к небу, к звѣздам, рвется к полету ввысь. Шелковыя крылья осуществили извѣчную мечту человѣка — летать. Ах, Талочка, как упоительны эти сверхземныя переживанія! Уже в минуту подъема я сростаюсь с моей стальной птицей. Она дѣлается частью моего существа, слушается моей воли, моей руки, которая дает ей жизнь. Механики удерживают ее за трепещу-

щія крылья. Я дѣлаю знак. Они отпускают ее. Она с торжествующим рычаніем бѣжит по землѣ, с непередаваемой легкостью поднимается в воздух, „ррррр“, я направляю ее выше, выше... „ррррр“. Я бросаю ее прямо в небо, прямо к солнцу, „ррррр“... 5.000 метров высоты. В разряженном воздухѣ мотор, как и мое сердце, дает перебои... Я роняю мою птицу вниз. Она вся замирает вмѣстѣ со мною... прекращается гул мотора, свист пропеллера. С головокружительной быстротой мы летим в свѣтлую пропасть... попадаем в густой воздух, мотор бушует, кровь живяще приливает к моему сердцу. „Ррррр“, с упоеніем рокочет моя прирученная птица.

— Ари, какой блеск в ваших глазах! Все ваше лицо горит от возбужденія. Вы поэт среди авіаторов.

— Меня иногда охватывает экзальтація, когда я говорю о моем воздушном ремеслѣ. Этой слабости подвержены многіе из нас „голубых рыцарей воздуха“. Вы и представить себѣ не можете, Талочка, какой мы, авіаторы, странный народ. Мы впечатлительны и суевѣрны, как моряки. Мы вѣрим в примѣты, в колдовство. Наше воздушное царство кажется нам населенным привидѣніями, духами.

— Привидѣнія в воздухѣ... Точно сказка... Ари, разскажите мнѣ какой нибудь примѣр.

— Разскажу вам странное приключеніе, которое, отчасти, пережил я сам в моем авіаціонном отрядѣ на фронтѣ. Еще до моего поступленія в него, в нем служил один пилот, славный, очень любимый товарищами, малый Жюль Форрэ. Как то вечером он добровольно отправился на развѣдку с новичком наблюдателем. Они долго не возвращались. Стемнѣло. Их все не было. Вдруг высоко в черном небѣ раздалась глухая трескотня

пулеметов. Всѣ выбѣжали из бараков, стали прислушиваться с поднятыми головами. Там, наверху, шел ожесточенный бой. Вдруг во мракѣ засверкала огненная комета, — горящій аэроплан. „Это Форрэ“, с ужасом поняли всѣ. Еще нѣсколько жутких минут и огненная масса упала на сосѣднее поле. Всѣ бросились туда. Там, зарывшись в землю, догорал, преслѣдовавшій Форрэ до нашего неба, нѣмецкій моноплан. Пилот его был обугленным трупом. Но куда дѣвался Форрэ? Это навсегда осталось загадкой! Отправленные искать его ранним утром товарищи, нигдѣ не нашли и слѣдов его биплана. Он, точно растворился в воздухѣ, исчез, как видѣніе. Впослѣдствіи, по ночам, там, гдѣ происходил послѣдній бой Форрэ, раздавались перебои мотора, потом глухой взрыв. А нѣсколько минут спустя, в коридорѣ барака раздавались заглушенные шаги и осиротѣвшая собака начинала выть. Сам я крѣпко спал и никогда не слышал всѣх этих звуков, но когда мнѣ утром разсказывали о том, что Форрэ навѣстил нас, мое сердце сжималось. Его появленіе всегда было предупрежденіем и тѣ товарищи, которые улетали в этот день, уж не возвращались больше. Их неминуемо постигало несчастье.

— Ари, и вы жили в таком аду? Разскажите мнѣ, как вы были ранены. Я хочу знать. . . Я так часто думала о вас.

Он весь наклонился вперед.

— Да-а? Вы думали обо мнѣ, Талочка?

— Мы всѣ вспоминали вас. .

— Ах, так! Как меня ранили? Это не интересно.

— Как вы получили крест?

Он небрежно пожал плечами.

— Повторяю, Ари, вы герой!

— Пустое. На фронтѣ не остается ничего другого, как стать героем. Как то входишь во

вкус опасностей стрѣльбы. Я был в отчаяніи, когда меня временно объявили инвалидом, годным только на работу в тылу. Я обречен на то, чтобы обучать мелодежь на аэродромѣ авіаціонной школы. Однако, я надѣюсь, что этому скоро наступит конец. Моя голова, мое сердце, мои нервы теперь в порядкѣ и я скоро добьюсь того, что меня пустят в дѣло. Я рвусь на позиціи. Стыдно в мои годы бездѣльничать в тылу. Кромѣ того, мнѣ необходимо вырваться из обстановки, в которой я живу, в которой я задыхаюсь... Скажите мнѣ, Талочка, вы одобряете мое рѣшеніе —вырваться из Парижа?

— Не знаю, право. Вы так мало говорите о Нини. Вы разлюбили ее?

— Она дороже мнѣ всего на свѣтѣ.

— Вы приведете ее сегодня ко мнѣ?

— Не знаю, смогу ли я? — Нахмурился Новилль, уязвленный тѣм, что она отвела разговор и так равнодушно приняла его намѣреніе уѣхать из Парижа.

— Но вѣдь вы обѣщали Долорес придти играть в теннис, — удивленно возразила Талочка, взглянула на часы-браслет и поспѣшно встала.

— Мнѣ пора в Красный Крест, — сказала она протягивая ему руку. Он холодно пожал ее.

— Ари, вы дуетесь? Почему?

Он опустил глаза и упорно молчал.

— Какой вы несносный!

— Мнѣ всѣ это говорят.

— Какой вы неблагодарный, я встала с петухами, чтобы „спасти вам жизнь", а вы... Ари, не говорите никому об этом. Я не хочу, чтобы знали. Пусть это будет нашей тайной.

Он порывисто взял ея руку и прижал к губам.

Она вспыхнула, мягко высвободила ее и выбѣжала из кондитерской.

Раннее исчезновеніе Талочки из дома осталось незамѣченным.

Когда она вернулась, всѣ уже сидѣли за завтраком. Попросив извиненія за свое опозданіе, она заняла свое мѣсто за столом.

— Мадемуазель Талочка, ваши глаза горят сегодня, как звѣзды. Вы, навѣрно, отлично провели утро в Красном Крестѣ, — шутливо сказал Нандо.

— Вы угадали, — задорно отвѣтила Талочка. — Но как можно сравнивать глаза с звѣздами! Вы очень старомодны, Нандо.

Ирина, удивленная возбужденностью сестры, тревожно взглянула на нее.

В столовую вошел метр-д'отель

— Господин генерал Бутэ просит госпожу графиню подойти к телефону. Я доложил, что господа за столом. Несмотра на это господин генерал просит. . .

Мари не дала ему договорить. Измѣнившись в лицѣ, она быстро вышла из комнаты. Старый маркиз послѣдовал за нею.

— Навѣрно несчастье! — Воскликнула сеньора Сантос.

— Она двѣ недѣли не получала писем, — добавила Долорес.

— В столовой наступило настороженное молчаніе ожиданія.

Наконец, вернулся старый маркиз.

— Хорошая вѣсть, — сказал он улыбаясь. — Конечно, только относительно хорошая вѣсть. Морис взят в плѣн, но уже интернирован в Швейцаріи. Мари безумно счастлива. Она уже телефонировала в швейцарское посольство Ей обѣщали там немедленно выдать визу. Она сейчас

поѣдет за нею и сегодня же вечером уѣдет с Филиппом в Вэвэ. Моя бѣдная дочь совершенно преобразилась, воскресла.

Всѣ с искреннею радостью приняли эту вѣсть.

— Мари так слаба и, навѣрно, очень взволнована, я думаю, будет лучше если я поѣду с нею, — предложила Ирина.

— Буду вам очень признателен за это, моя дорогая, — с облегченіем сказал старый маркиз.

Ирина побѣжала к невѣсткѣ, которая, плача и смѣясь от радости, бросилась к ней.

— Наконец то, наступило мое избавленіе от моих мук, — сказала она обнимая Ирину. — Теперь Морис не может больше участвовать в боях. Он в безопасности и мы не разстанемся больше. Подумай, завтра в девять часов утра мы будем вмѣстѣ.

Онѣ отправились в швейцарское посольство, в префектуру, в банк и в управленіе спальных вагонов, гдѣ им посчастливилось достать маленькое купэ.

Дома их ожидала сенсація: визит маленькой Нини, тоненькой граціозной дѣвочки с шапкой вьющихся каштановых волос, с матовым личиком, в котором горѣли огромные, обрамленные густыми рѣсницами зеленые глаза.

— Совсѣм отец! — Воскликнула графиня. — Какая в ней легкость, грація. Каждое ея движеніе — музыка.

— Она в бабушку-креолку, — с гордостью заявила Надежда Гавриловна. — Всѣ родственники Ари это говорят, да и видно по портретам.

— Мадам Новилль, ваш муж обѣщал мнѣ придти играть в теннис. Гдѣ же он? — Спросила Долорес.

— Ах, госпожа маркиза, извините. У него спѣшная работа. Картина. Он никак не может, — смущенно отвѣтила Надежда Гавриловна.

— Ну, нѣт. Этому не бывать. Нандо, бѣгите к господину Новиллю. Он живет через дорогу, на углу над кондитерской. Бѣгите скорѣе и приведите его сюда! — Приказала Долорес.

Нандо послушно выбѣжал из гостиной.

— Мадемуазель Талочка, напрасно только побезпокоили этого молодого человѣка,—по русски обратилась к Талочкѣ Надежда Гавриловна. — У мужа опять меланхолія. В такіе дни с ним ничего не сдѣлаешь. Знаете, мой папаша такіе фокусы называет—„вожжа под хвост попала". Как Ари закинется, — кончено! Вот уж нетерпѣливые эти французы, как что, сейчас на стѣну лѣзут. Ужасный у мужа характер. Жаль, что напрасно побезпокоили молодого человѣка.

Надежда Гавриловна не ошиблась. Нандо вернулся ни с чѣм.

— Господин Новилль работает, — объяснил он. — Ему не до наших игр. Он просит извинить его.

— Как жаль! — Воскликнула Долорес.

Талочка не сказала ни слова и ушла в сад с Нини.

Между ними снова вспыхнула горячая привязанность. Впечатлительная нервная дѣвочка так влюбилась в Талочку, о которой хранила слабое, но самое волнующее воспоминаніе своей жизни, что не хотѣла уйти с матерью домой.

Талочка упросила Надежду Гавриловну оставить ей дѣвочку на эту ночь, как в Ниццѣ, и та, гордая знакомством с „богатым домом", охотно на это согласилась.

Но из одной ночи вышла цѣлая недѣля, послѣ которой Надежда Гавриловна, считая „бон-

тоннѣе" взять дочь к себѣ, силой оторвала от Талочки рыдающую дѣвочку и увела ее домой.

Талочка весь вечер бродила по дому блѣднѣе тѣни, отказалась танцовать в залѣ, ушла к себѣ.

Она положительно тосковала по Нини. Ее смущала эта страсть к чужому ребенку, огорчало необъяснимое поведеніе Ари, котораго она не видѣла с той минуты, как простилась с ним в маленькой кондитерской.

Иринѣ же, знавшей жизнь и любовь, поведеніе Новилля было понятно. Она угадывала, что он, связанный семьей, имѣющій лишь скромныя средства и скромное общественное положеніе, боится своего чувства к Талочкѣ и ожесточенно борется с ним.

Ей было жаль его, жаль сестру, хотѣлось помочь им забыть друг друга. С этою цѣлью она рѣшила попросить Талочку поѣхать с Татой и Аннунціатой в Бретань, но все не могла собраться на это с духом. Она боялась, что отъѣзд Талочки только вызовет и ускорит объясненіе между нею и Ари.

Надежда Гавриловна, подружившись с сеннорой Сантос, ежедневно навѣщала ее, ѣздила с нею кататься и в кинематограф.

Талочка каждый день надѣялась на то, что она приведет с собою Нини. Наконец, не выдержала и за общим чаем спросила ее, почему она не берет с собою дочь, когда навѣщает их.

— Хотѣла сегодня, мадемуазель Талочка, — отвѣтила Надежда Гавриловна. — Муж ни за что не позволяет! Говорит, Нини слишком нервная. Она теперь без вас не плачет. Лучше ее сразу от вас отучить. Чтобы она сюда не рвалась.

— В этом он, пожалуй, прав, — сказала Ирина.

— Однако, какой ваш муж тиран, мадам Новилль, — разсмѣялась Долорес.

Разговор шел на французском языкѣ, на котором Надежда Гавриловна все еще говорила невѣроятно плохо, но нисколько не смущаясь сыпала как попало словами, попадающимися ей на язык.

Соболѣзнующее восклицаніе Долорес вызвало ее на откровенность.

— Ах, мадам маркиза! Ари капризный. Никогда не слушает меня. Я ему сегодня говорю: „пойдем к маркизѣ, мадам Волгиной. Сегодня воскресенье. Кто работает в воскресенье?“ Нѣт, не послушался. Да и не только меня, он никого на свѣтѣ не послушается, когда на него упрямство наскочит. Никого, никого...

— Держу пари, что я приведу его сюда! — Вся загорѣлась азартом Долли.

— Нѣт, мадам маркиза, лучше не ходить за ним, а то он разсердится, — испуганно предупредила ее Надежда Гавриловна.

— Нандо, идемте за этим дикарем. Его судьба рѣшена! — Смѣясь и выбѣгая из комнаты воскликнула Долорес.

Нандо послѣдовал за нею.

Они вернулись полчаса спустя ведя Новилля, как преступника. Руки его были связаны пестрым шарфом Долли. Он смѣялся и дѣлал вид, что ему очень весело и смѣшно. Здороваясь он поцѣловал руку Ирины и сенноры Сантос, пожал руку Талочки, не глядя на нее, и не замѣтил жены.

Долорес тот час же увела его в зал танцовать. Талочка и Нандо послѣдовали за ними.

Сеннора Сантос и Надежда Гавриловна поѣхали кататься.

Ирина, вспомнив о просьбѣ мужа, отобрать ненужное ему бѣлье и отослать его солдатам на фронт, отправилась в шкафную комнату, окна которой выходили на теннис, и принялась за дѣло.

Она могла бы поручить его Аннунціатѣ, но ей доставляло радость самой исполнять всѣ порученія Клода, перебирать его вещи думая о нем.

На нѣкоторых отложенных рубашках не хватало пуговиц.

Сѣв к рабочему столу у окна, Ирина стала пришивать их.

Вдруг до ея слуха долетѣл взволнованный голос сестры. Отстранив кисейную занавѣску она выглянула в окно.

Талочка сидѣла на второй ступенькѣ садовой лѣстницы, приставленной к сквозной, обросшей ползучими розами, стѣнѣ тенниса. Ноги ея упирались о нижнюю ступеньку, локти были опущены на колѣни, сплетенные пальцы поддерживали подбородок.

Перед нею на опрокинутой тачкѣ примостился Новилль и смотрѣл на нее снизу вверх, взглядом побитой собаки.

— Я так давно не видѣла Нини,—срывающимся от раздраженія голосом говорила Талочка.

— Но вѣдь вы запретили приводить ее ко мнѣ.

— Если бы вы видѣли, как она страдает без вас. Как взрослая!

— Но зачѣм же, зачѣм ей быть без меня? Не понимаю этой жестокости к ребенку... и ко мнѣ. Объясните мнѣ...

Талочка сорвала бѣлую розу, висѣвшую на высотѣ ея руки ,и, ожидая отвѣта Ари, стала нетерпѣливо теребить ее, обрывая губами ея лепестки.

Новилль упорно и виновато молчал.

Потеряв терпѣніе, Талочка бросила розу на гравій, соскочила с лѣстницы и убѣжала.

Новилль долго сидѣл согнувшись, закрыв лицо руками, потом медленно выпрямился, хотѣл встать, но увидѣв брошенный Талочкой цвѣток, поднял его, бережно собрал всѣ его лепестки, вдохнул их аромат, держа их в ладонях полураскрытых соединенных рук, и вдруг порывисто погрузил в них лицо.

Ирина опустила занавѣску.

Когда она спустилась с Татой в сад, на теннисѣ уже начиналась игра.

— Play! — Сказала Талочка Новиллю подняв ракету. Губы ея улыбались, но во взглядѣ горѣл почти враждебный вызов.

Глаза Новилля приняли этот нѣмой призыв к борьбѣ.

— Ready! — Кротко, с чуть иронической усмѣшкой, отвѣтил он.

Мяч рѣзко и низко перескочил сѣть. Ари отбил его великолѣпным боковым полуударом. Талочка подала его ему назад коварным отбоем. Мяч летѣл с быстротою молніи, но Ари поймал его краем ракеты и отослал ей его ликующим жестом побѣдителя.

Мяч вызывающе взлетѣл. Талочка так разъяренно отбила его, что ракета ея засвистѣла в воздухѣ. Ари разсмѣялся и пропустил мяч, который пролетѣл над его головою.

— Аут! Наконец то! — Воскликнул Нандо. — Пора и нам поиграть.

Его мяч учтивым изгибом перелетѣл сѣтку. Долорес отбила его мѣтким движеніем назад.

Талочка не удостаивала Ари даже взгляда, но улыбка не сходила с его губ. Он был болѣзненно возбужден и как то особенно ловок.

— Ready! — Бросил он Талочкѣ, когда наступил его черед.

— Play! — Небрежно отвѣтила она и легко поймав мяч ловко отшибла его, вѣрно расчитанным ударом.

Ари вернул ей его и вдруг они оба почувствовали, что его полет между ними, как прикосновеніе, соединяет их.

С этой минуты они с напряженіем всего своего вниманія, всѣх своих мускулов, как если бы это было вопросом жизни и смерти, стали оберегать его вѣско расчитанный безпрерывный полет.

— Что за заколдованная серія! — Разсмѣялась Долорес.

Талочка вздрогнула, точно проснулась. Мяч упал к ея ногам.

— Аут!

Ея руки дрожали от сильнаго напряженія. Однако, когда мяч ея снова полетѣл к Новиллю, он снова, как заколдованный, залетал между их ракетами.

Она блестяще выиграла партію, но закончила ее, как в туманѣ, ощущая какую то глубокую горячую полноту в сердцѣ и глазах.

Ирина, с тревогой наблюдавшая за этой игрой, рѣшила в тот же вечер попросить сестру увезти Тату в Бретань, но в этот вечер молодежь так расшалилась, что Иринѣ снова не удалось переговорить с сестрой.

Послѣ тенниса всѣ поднялись в столовую обѣдать, а встав из-за стола, пошли играть „в веревочку".

В этой игрѣ участвовала вся семья, даже Тата и старый маркиз, поймавшій кольцо в ту секунду, когда Ари старался передать его Талочкѣ, а та не брала его.

Около девяти часов, позднѣе обыкновеннаго, Ирина увела Тату спать, старый маркиз уѣхал в свой клуб, сеннора Сантос увела Надежду Гавриловну к себѣ, а остальные пошли играть в билліард.

Однако, Талочка не захотѣла принять участія в игрѣ и вскорѣ выскользнула из комнаты.

Стояла тихая теплая ночь. Ей захотѣлось пойти в сад, но как то не хватало на это рѣшимости и она опустилась на низкій подоконник залитаго лунным свѣтом будуара, по которому как раз проходила.

Она была в глубоком смятеніи, ея любовь к Ари только что открылась в одном случайном прикосновеніи его руки. Она внезапно поняла, что страсть скрывалась под ея враждебностью к нему, что она любит его давно, с перваго дня их встрѣчи, и душа ея была полна страхом перед этим грѣшным чувством к мужу другой женщины, которая была матерью его ребенка. Теперь его поведеніе стало ей понятным и ей было больно и стыдно за свое безсознательное кокетство с ним.

„Уѣду в Ниццу к папа и маминѣ. Скручу себя там в бараній рог", почти с ненавистью к себѣ думала она. „Как могла я быть такою глупой, такой наивной дѣвченкой! Его увлеченіе мною я замѣтила на авіаціонном полѣ, но как то не придала ему значенія, считая его ухаживаніе игрой. Теперь я знаю, что он любит меня. Как он вздрогнул, когда наши руки встрѣтились у двери. Как он смотрѣл сегодня на меня, когда мы поссорились. Как защищал от меня Нини... О, я сама избавлю от себя и его и ее."

Вдруг Талочка невольно схватилась за сердце, послышались знакомые легкіе шаги Новилля.

Он медленно вошел в будуар, медленно перешел разстояніе отдѣляющее его от нея.

Лунный свѣт так ярко освѣщал их обоих, что они ясно видѣли друг друга.

Слегка отвернувшись Талочка подняла свое прелестное личико к лунѣ. Под ея блѣдным свѣтом оно казалось особенно нѣжным, почти прозрачным. От длинных рѣсниц лежали темныя тѣни вокруг ея глаз. Что то непреодолимо трогательное было в ея крѣпко сжатых еще дѣтских губах, в лилейном переходѣ ея шеи к плечу.

Новилль принимал в себя ея свѣтлый облик, сладостно переживал его своею больной любовью, всѣм своим художественным чутьем.

— Мы все еще враги? — Чуть слышно спросил он садясь на противоположный конец подоконника.

— Нѣт... Не обращайте вниманія на мои капризы.

— Я приведу к вам завтра Нини.

— Не надо... Вы были правы.

— Не надо?

Он поблѣднѣл. Всѣ эти недѣли он стремился забыть ее, прервать сношенія с нею. Но теперь, когда он понял, что и она этого желает, у него от душевной боли прервалось дыханіе.

„Пулю в лоб", промелькнуло в его головѣ.

В ту же минуту Талочка почувствовала, что не может никогда больше не видѣть Нини, что она должна хоть еще только раз взять ее к себѣ, чтобы проститься с нею.

— В который час вы приведете ее? — Сорвалось с ея губ.

Новилль перевел дыханіе. Вернулся к жизни.

— Утром?

— Да, и она останется у меня ночевать... на один... на два дня?

— Я отдам вам ее.

Столько любви, столько сдержанной страсти было в этих словах, что у Талочки закружилась голова. Сладостная слабость охватила ее всю.

Однако, она превозмогла ее. С трудом приподнялась, храбро встрѣтила умоляющій, почти безумный взгляд Новилля и, крѣпко сжав свои ледяныя руки, молча вышла из будуара.

Они не сказали друг другу ни слова, таящаго грѣх, но с этой минуты уже больше не знали покоя.

Когда на другое утро Новилль привел Нини, ее приняла от него Аннунціата, передавшая ему но порученію Талочки, что синьорина занята и просит извинить ее.

Он ушел стиснув зубы, заперся в своем ателье, не выходил из него нѣсколько дней. Потом снова стал ѣздить на авіаціонное поле, реставрировать какую то картину в какой то церкви, но нога его ни разу не переступала порога дома де Валеров, в котором жила его дочь и проводила цѣлые дни его жена.

— „Мой" темнѣе тучи, — жаловалась Надежда Гавриловна своим новым друзьям. — Опять у него головныя боли начались. Опять перебои в сердцѣ. Доктор запретил ему летать, а он, как насмѣх, летает, или реставрирует в холодной церкви стѣнную картину. А теперь осень. Долго ли простудиться!

Надежда Гавриловна часто повторяла эти жалобы.

В такіе дни Талочка, которая никак не могла рѣшиться ни уѣхать в Ниццу, ни разстаться с Нини, была сама не своя.

В часы, в которые он летал, она не находила себѣ мѣста, мучительно волновалась, ждала у окна, выходящаго на улицу, его возвращенія домой и только тогда облегченно вздыхала, возвращалась к жизни.

Он угадывал, что она ждет его, но проѣзжая мимо окна, не поднимал головы.

Как то вечером она не выдержала, позвала его к телефону.

— Ари, вас хочет видѣть Нини. Приходите сейчас же.

— Я очень занят.

— Вы должны придти, иначе меня будет мучить совѣсть, что я отнимаю у вас дочь.

— Она ежедневно навѣщает меня.

— Этого мало. Вы придете?

— Нѣт.

— Я хочу...

— Талочка...

— Я хочу! Нѣт, не приходите...

— Иду.

Когда Новилль перескакивая ступени бѣжал по мраморной лѣстницѣ дома де Валера, до его слуха донеслись звуки граммофона. Он направился в зал. Там вальсировало нѣсколько пар. Талочка стояла у рояля перебирая пластинки.

Он подлетѣл к ней скользя по паркету и смѣясь закружил ее в вальсѣ.

— У вас сегодня бал? — Спросил он. „Милая, милая, безумно любимая“, шептали его глаза.

— Сегодня случайно съѣхалась к нам молодежь. Двѣ подруги Долли и два племянника маркиза. Они в отпуску, — отвѣтила она стараясь утвердить свой голос, совладать со своим бѣшенно бьющимся сердцем. — Надо бы нам бросить эту привычку танцовать, когда на фронтѣ...

— Пустяки. Молодость одна. Это такое невинное веселье.

Взлетѣвшая прядь ея легких вьющихся волос коснулась его лица.

— Oh 'pardon, — смущенно сказала она, тряхнув головой, чтобы отбросить локоны.

Рука его невольно тѣснѣе охватила ея стан.

— Довольно танцовать, — прошептала она поблѣднѣв.

— Нѣт, еще... еще...

— Я больше не могу...

Он танцуя увлек ее в небольшой зеркальный аванзал, бережно усадил ее в кресло, а сам опустился на ковер и, по турецки скрестив ноги, закурил папиросу.

— Можно? Вам не помѣшает дым? — Спросил он всматриваясь в ея лицо, слабо освѣщенное свѣтом из зала.

— Нѣт, не мѣшает. Как подвигается ваша реставрація в церкви?

— Прекрасно. Знаете, я декламирую во время работы. Это у меня новая привычка.

— Вы стали поэтом?

— Нѣт, но я как то нашел нѣсколько пожелтѣвших страничек, выпавших из чьей то библіи, у алтаря. Это была часть „Пѣсни Пѣсней". Она привела меня в восторг. Я перечитывал ее, пока не запомнил наизусть.

— И вот теперь, во время работы, вы декламируете ее?

— Не совсѣм. Я импровизирую подражая Соломону. Это очень увлекательно. Хотите образчик?

— Интересно.

— У ног твоих лежу... смѣю цѣловать лишь слѣды серебряных сандалій твоих.. — не-

громко начал Новилль, подавшись вперед и подняв к Талочкѣ потемнѣвшіе, полные страсти глаза. — Ты яркая звѣзда в далеком небѣ. Я смѣю цѣловать лишь отраженіе твое на черном зеркалѣ ночных вод. Любовь моя в груди моей бушует. Цѣломудріе твое опъяняет меня. Ты, как хрупкая орхидея дѣвственных лѣсов, готовишь смерть тому, кто захочет сорвать тебя. Моя рука сорвет тебя, ибо любовь сильнѣе смерти...

— Довольно... Нѣт, продолжайте. Красиво!

— Мы, как дѣти, заблудившіяся в райском саду в полуденный зной... Мои поцѣлуи, как повилика, оплетают колени твои... Покрой алым воском губы твои и положи их на сердце мое, как печать...

— Довольно, — чуть слышно слетѣло с Талочкиных губ. Легкій волан ея платья задѣл его руки. Проскользнув мимо него, она исчезла в темнотѣ.

XXXVIII.

В концѣ октября в Парижѣ, как и во всей Европѣ, особенно сильно стала чувствоваться усталость и подавленность всего населенія.

Несмотря на то, что горячій патріотизм— вторая натура французов, и на то, что каждый из них готов все отдать своей родинѣ, — послѣ трехлѣтней войны всѣ устали от безпрестаннаго страха за близких, находящихся на фронтѣ, от тяжелых утрат, от всевозможных жертв и постоянных лишеній.

Налеты вражеских аэропланов по ночам наполняли паническим ужасом мирных жителей „города свѣта“, тонувшаго в глубокой тьмѣ в эти страшные осадные часы.

Во дворцѣ де Валера царила напряженная атмосфера и мертвая тишина. Прекратились танцы в залѣ. Талочка весь день работала в Красном Крестѣ. Долорес почти не бывала дома, объясняя свое отсутствіе усиленною благотворительною дѣятельностью. Нандо исчез с горизонта.

Ирина угадала, что они встрѣчаются внѣ дома и совершают при этом большія неосторожности, чѣм компрометируют и себя и стараго маркиза. Сначала она хотѣла переговорить со своею легкомысленной свекровью, потом рѣшила ничего не предпринимать до пріѣзда мужа, котораго ждала со дня на день.

Очередной концерт его откладывался уже нѣсколько раз. На передовых позиціях шли непрерывные бои.

Ирина жила в состояніи непрестаннаго страха. Но дни ея были переполнены материнскими, хозяйственными и особенно свѣтскими обязанностями.

Де Валер находил, что в тяжелыя времена, переживаемыя Франціей, всѣ женщины французской аристократіи должны жить на виду, подавая примѣр своей неутомимой дѣятельностью на благо родинѣ и ближним.

Исполняя его волю, Ирина была предсѣдательницей многих благотворительных обществ и много выѣзжала со старым маркизом, сильно привязавшимся к ней.

Рдищевы навѣщали ее иногда по вечерам. Они были убиты вѣстями из Россіи. Все их движимое имущество погибло. Они были совершенно разорены. Но крупное состояніе их дѣтей было спасено тѣм, что так и осталось в Бельгіи.

— Мы теперь на вашей шеѣ, — жаловалась мамина падчерицам, которыя только и думали,

как бы утѣшить ее, как бы доставить ей какую нибудь радость.

— Ирина ждала только пріѣзда мужа, чтобы перевести на имя родителей виллу Бельвю и часть своих личных средств.

Концерт де Валера был назначен на первое Ноября, но Ирина, привыкшая к разочарованіям, сомнѣвалась в том, что он состоится.

Мужеству ея подходил конец и уже нѣсколько раз ночью, не выдержав пытки вѣчнаго страха, она приняла нѣсколько прозрачных капель морфія, оставленнаго Мари.

Наступил день концерта. Де Валер должен был пріѣхать уже утром. Не только Ирина, весь дом ждал его с лихорадочным нетерпѣніем.

Ирина ѣздила встрѣчать его на нѣсколько поѣздов. Напрасная мука. Из подлетающих к перрону поѣздов торопливо выходили пассажиры. Большею частью военные. Ирина напряженно и тщетно искала дорогое лицо в этой сѣрой толпѣ, а потом на перронѣ до тѣх пор, пока на нем оставались одни носильщики и вокзал становился невообразимо высоким и пустым.

Тогда камердинер де Валера, Пьер, подходил к Иринѣ почтительно подняв фуражку. Слѣдуя за ним она возвращалась к ожидавшему ее автомобилю.

Когда она вернулась домой в послѣдній раз, было уже темно.

— Шесть часов, — огорченным голосом сообщил ей старый маркиз. — В семь назначено начало концерта. Теперь надо ѣхать в концертный зал. Клод, навѣрно, проѣдет прямо туда. Пусть Пьер возьмет с собою его фрак и все что ему необходимо, чтобы переодѣться.

Когда де Валеры вошли в концертный зал, было без четверти семь.

В сосѣдней ложѣ уже сидѣли Рдищевы с Бобом. Талочка перешла к ним.

Иринѣ было почти дурно. Опершись спиною о подушки кресла и крѣпко сжав руки, она сидѣла не шевелясь. Ей казалось, что вот-вот откроется дверь ложи, в нее без улыбки войдет какой то изысканно вѣжливый господим и скажет... ужасное... Или, может быть, он в ложу не войдет, а скажет со сцены...

— Не страдайте так, дорогая. Все сойдет благополучно, увидите, — попробовал успокоить ее старый маркиз.

В переполненном элегантной публикой концертном залѣ чувствовалось нервное, напряженное ожиданіе.

Кѣм то был пущен слух, что де Валер убит, что продаются об этом экстренные листки.

Многіе мужчины стремительно покинули свои мѣста, чтобы заручиться ими.

Как холодное дуновеніе пробѣжала между рядами публики эта трагическая вѣсть.

Многіе глаза устремились на Ирину. Она сидѣла ни жива ни мертва.

Вдруг она тихонько вскрикнула. На сцену не вышел, а вбѣжал смѣющійся Клод.

Он был в выцвѣтшем походном мундирѣ. Правая рука его была на черной перевязкѣ.

— Mesdames, messieurs, — обратился он к замершей от удивленія публикѣ. — Прошу вас извинить мое запозданіе и то, что я не успѣл переодѣться.

Весь зал затрещал от рукоплесканій и восторженных выкриков.

— Vive! Де Валер, пѣвец и герой великой войны. Vive! Vive! — Надрываясь кричала кучка молодежи.

— Vive! Герой де Валер!

— Vive! Vive! Vive!

Де Валер раскланивался улыбаясь всѣм своим тонким породистым лицом. Глаза его уже давно нашли Ирину и безпрестанно возвращались к ней.

Аккомпаніатор сѣл за рояль, раскрыл ноты, однако публика не унималась. Она все еще неистовствовала празднуя любимаго пѣвца.

Но вот аккомпаніатор ударил по клавишам и все замолкло.

Раздался голос де Валера, неповторяемый удивительный голос, у котораго виртуозная техника не отняла горячей жизнерадостности и медіумизма.

Он пѣл арію Валентина, уходящаго в поход. Потом цѣлый ряд арій и романсов.

Когда отшумѣли бурныя оваціи и наступил антракт, Ирина пошла в уборную мужа. Он уже с нетерпѣніем ждал ее.

— Наконец то... Наконец то, — повторял он, покрывая поцѣлуями ея лицо. — Я даже обнять тебя не могу, как бы хотѣл...

— Ты ранен? Давно?

— Я был ранен в плечо, но падая сломал себѣ руку. Она в гипсѣ.

— Почему ты не позвал меня?

— Твое присутствіе в тяжелой обстановкѣ больницы было бы мученіем для меня. К тому же, я не хотѣл, чтобы ты видѣла меня безпомощным, больным. Вѣдь ты mon eternelle idole.

— Как я была бы счастлива ухаживая за тобою. Ты отнял это у меня..

— Твоя близость слишком волновала бы меня. Ты это знаешь. Вѣдь да? Не брани меня и не слишком сердись на глупую пулю, зацѣпившую меня. Благодаря ей, я получил длинный отпуск. Мы завтра же уѣдем на Ривьеру. Надолго... Вдвоем.

Пока Ирина и Клод строили планы на близкое будущее, старый маркиз и, совсѣм не плохо исполнявшая обязанности старшей маркизы, Долорес принимали в своей аван-ложѣ друзей и знакомых.

Сеннора Сантос в сѣром шелку и серебристом парикѣ стояла у барьера ложи и разсматривала публику в бинокль. Увидѣв во втором ряду Новиллей, она энергичным знаком руки позвала их к себѣ. Когда они вошли к ней в ложу, она нѣжно обнялась с Надеждой Гавриловной.

— Милочка, я вас два дня не видѣла и совсѣм соскучилась! — Воскликнула она. — Мнѣ вам столько надо разсказать. Бланшетт испортила себѣ желудок.

— Да неужели? Ах, сеннора, и у меня новости! Представьте себѣ, я встрѣтила на улицѣ знакомую из Москвы и она мнѣ разсказала, что папаша во время перевел в Швейцарію свой капитал, купил там роскошную виллу со своею пристанью, украшенною львами! Прямо у него там свой залив!

— Непремѣнно, непремѣнно напишите ему. Он, навѣрно, вас простит.

Выразительное лицо Новилля дрогнуло досадой.

— Не хочу мѣшать. Дамы предпочитают разговаривать одни, — сказал он и слегка поклонившись вышел из ложи.

— Вот, он всегда так, — начала жаловаться Надежда Гавриловна. — Чѣм дальше, тѣм хуже. Прежде он меня и „Пупетт" и „шери" называл. А теперь. . . Ну, точно меня нѣт.

— Это непонятно, милочка. Вы такая картинка и веселенькая, — сочувственно сказала сеннора Сантос. — Чего ему еще?

— Уж и не знаю! Кажется мог бы быть доволен. Из-за него я от такого богатства ушла...

— Напишите же вашему отцу.

— Да я уж написала. Как придет отвѣт, сейчас же вам разскажу. Но боюсь, что папаша не простит. Он кремень... А-а-а-ах, какой кремень.

Это „а-а-а-ах", смѣшанное с французской рѣчью, вышло у Надежды Гавриловны особенно забавно.

В переполненной изысканной публикой аванложѣ, Новилля остановил, разговаривающій с Талочкой, Нандо.

— Алло! Ари! — Воскликнул он. — Мы не видѣлись цѣлую вѣчность. Что подѣлывает ваша стальная птица? Мнѣ бы хотѣлось подняться с вами, как нибудь.

— Пожалуйста. Я каждое утро, с семи до одиннадцати, на авіаціонном полѣ. Пріѣзжайте...

— Нандо! — Позвала Долорес. — Мнѣ надо сказать вам что то.

Талочка и Новилль остались одни. Они не видѣлись с того вечера, когда он импровизировал ей свою „Пѣснь Пѣсней".

Добросовѣстно избѣгая друг друга, они страдали от разлуки, от постояннаго насилія над собою, и эта случайная встрѣча среди толпы уже казалась им счастьем.

Взволнованные и смущенные они боялись коснуться друг друга даже взглядом, не находили слов чтобы начать разговор.

— Талочка, у меня к вам просьба... Большая просьба, — неувѣренным голосом прервал, наконец, горячее молчаніе Новилль. — Я сам удивляюсь моей смѣлости, но де Валер так пѣл, что вырвал меня из міра будней, наполнил меня охотой жить, почти отвагой. Я чувствую, что на-

пишу лучшую картину в моей жизни, если вы согласитесь позировать мнѣ. Я напишу вас с Нини... Я много писал вас наизусть, но это не то...

— Я приду. Когда?

— Завтра. Так в половинѣ двенадцатаго?

— Что мнѣ надѣть?

— Вот это платье. Тюль, как голубая дымка...

Глаза их внезапно встрѣтились. Они поблѣднѣли.

В аван-ложу вошла, вся свѣтящаяся счастьем, Ирина и всѣ присутствующіе подались к ней, окружили ее поздравляя с успѣхом мужа.

Нѣсколько минут спустя началась вторая часть концерта.

XXXIX.

Шесть недѣль на Ривьерѣ пробѣжали для Ирины и Клода с жестокой быстротой.

В серединѣ Декабря они вернулись в Париж.

Рука де Валера зажила. Он совершенно поправился и считал своим долгом немедленно вернуться на фронт.

Однако, суждено было иначе. Сам Пуанкаре, во время одного из своих пріемов, обратился к нему с просьбой, выступить нѣсколько раз в оперѣ с благотворительной цѣлью.

— Подумайте, мой милый маркиз, какую услугу вы этим окажете нашей родинѣ, — горячо убѣждал его президент республики. — Мы сможем на сборы с ваших спектаклей открыть новый обширный лазарет и содержать его, по край-

ней мѣрѣ в продолженіи года. Вы этим дадите Франціи больше, чѣм безпрестанно рискуя вашей драгоцѣнной жизнью. Вѣдь вы были ранены уже два раза.

Де Валер сдался. Ирина ликовала. Их дом наполнился жизнью, стал одним из самых подающих тон в Парижѣ.

В пріемные дни Ирины в нем собирались извѣстные литераторы, артисты, представители аристократіи, дипломатіи и музыкальнаго міра.

Амфилада пріемных комнат была переполнена цвѣтами, присланными многочисленными поклонницами Клода. Выдержанные лакеи безшумно скользили с серебряными подносами среди гостей.

— Как в счастливыя прежнія времена, — улыбаясь говорил старый маркиз. — Разница только в том, что чай подается теперь с сахарином. И эти хлѣбные пайки...

Сеннора Сантос была в восторгѣ от того, что наконец то дорвалась, как она говорила, до „битых сливок, самых битых сливок“ французской аристократіи. Она появлялась на всѣх пріемах младшей маркизы в серебристом парикѣ и намекала на то, что многіе „безсмертные“ к ней неравнодушны. Напримѣр, Ростан, который нечаянно наступил ей на трен и сказал только: „Oh, pardon“! Но как он это сказал.

Ее немного уязвляло, что младшая маркиза играет в домѣ роль старшей, однако, она сознавала в душѣ, что это в порядкѣ вещей.

Долорес помогала Иринѣ принимать, но от прежней жизнерадостности ея не осталось и слѣда. Она была разсѣянна, нервна и оживлялась лишь тогда, когда появлялся Нандо. Веселая естественность их прежних отношеній исчезла.

Они не только избѣгали разговаривать, но боялись смотрѣть друг на друга, что особенно бросалось в глаза всѣм близким.

— Слѣдует положить этому конец, — сказал, как то, Иринѣ де Валер. — Этот открытый, то есть скорѣе наивно замаскированный, флирт на глазах у всѣх слишком безвкусен. Если это игра, то они должны ее прекратить. Если они любят друг друга, пускай обвѣнчаются.

— Но папа?

— Он будет рад. Он слишком деликатен, чтобы в этом сознаться. Раз он написал мнѣ на фронт. „Я был на благотворительном базарѣ с обѣими маркизами, с настоящей и опереточной". Не особенно пріятно так говорить о своей супругѣ! Мнѣ кажется, у него нѣт к ней даже симпатіи. Я как нибудь поговорю с ним осторожно. Мнѣ невыносима мысль, что мой отец может стать мишенью насмѣшек. Обманутый муж, будь он хоть геній, или святой, — всегда смѣшная фигура.

Развязка романа Долорес настала раньше, чѣм предполагал де Валер и случайно произошла в его присутствіи.

Во время рождественскаго пріема Ирины, он, устав от сильнаго свѣта и шума голосов, ушел в темную тихую библіотеку, чтобы выкурить там, сидя в глубоком креслѣ, папиросу.

Однако, он не успѣл зажечь ее, как в комнату, лишь слабо освѣщенную уличными фонарями, вошли Нандо и Долорес.

— Почему ты не пришла вчера? — Горячо спросил он ее. — Как я ждал тебя... Как хотѣл... Я был в самом сумасшедшем настроеніи...

— Муж получил анонимное письмо и объяснился со мною. Он требует, чтобы мы разстались, или чтобы ты женился на мнѣ.

— Скажите, какой нашелся опекун! Разведись с ним. Тогда ты будешь свободна и можешь жить, как хочешь.

— Он даст мнѣ развод только в том случаѣ, если ты до этого письменно обязуешься жениться на мнѣ. Он не желает, чтобы маркиза де Валер вела жизнь одинокой авантюристки.

— „Он не желает“, „он не желает“... Да что, я его раб?

— Послушай, Нандо, ты, как будто, отвиливаешь от женитьбы на мнѣ?

— От женитьбы на женѣ другого ... Ха-ха-ха...

— Ты знаешь, что я никогда не была его женой. Ты не можешь этого не знать.

— Долорес, моя кошечка, ты знаешь, что я тебя люблю, что с ума схожу по тебѣ... Но вѣдь мы оба богаты, оба молоды. Зачѣм нам связывать себя браком? Свободная любовь много увлекательнѣе...

Раздалась звонкая пощечина.

— Вон отсюда, негодяй! — Крикнула, не помня себя, Долорес. — Убирайся! Не смѣй больше никогда показываться мнѣ на глаза!

— Долорес, ты с ума сошла? Ты моя... моя...

— Тогда женись.

— Нѣт, нѣт и нѣт. Я хочу, чтобы ты любила меня без условій, — упрямо возразил Нандо топнув ногой.

— Чтобы я любила тебя? Да ты мнѣ теперь противен, отвратителен. Я видѣть тебя не могу! Презираю тебя... В этом домѣ мужчины уважают женщин, которых любят, а ты, ты хочешь чтобы я была твоей любовницей как каботинка какая нибудь... Ты слыхал, что я сказала тебѣ? Убирайся вон!

—Это твое послѣднее слово?

— Самое послѣднее... Мнѣ стыдно, что я любила тебя.

— Ах, вот как? Тогда прощай. Ты больше не увидишь меня...

— Прекрасно.

— Долорес, опомнись...

— Опомнись ты. Ах, как могла я только увлечься таким пустоголовым фатам?

— Это слишком.

— Этого мало.

— Прощай.

Сорвавшись с мѣста Нандо выбѣжал из комнаты.

Де Валер хотѣл удержать уходящую Долорес, заговорить с нею, но сдержался, боясь смутить, оскорбить ее.

Когда она скрылась за дверью, он с удовольствіем закурил и затянулся папиросой.

Послышались легкіе шаги.

— Ты? — С безконечной нѣжностью спросил де Валер.

— Я иду на огонек.

— На наше свиданіе.

— Я всегда знаю, гдѣ найти тебя.

— Это не трудно. Вѣдь это кресло наших свиданій, когда у тебя пріемы.

Бросив папиросу в бронзовую чашу, де Валер привлек Ирину на свои колѣни.

Она вся приникла к нему.

— Скажи, когда успокоится моя любовь к тебѣ? Когда я смогу обнять тебя не волнуясь? — Говорил он чуть прерывающимся голосом у самаго ея лица. — Дай мнѣ твои губы...

— Я должна идти.

— Один только поцѣлуй. Один глоток, чтобы утолить жажду...

— Да...

В коридорѣ раздались шаги. Де Валер разжал объятія.

— В этом домѣ нам не дают покоя, — с досадой проговорил он.

— Меня, навѣрно, уже ищут, — поправляя волосы сказала Ирина.

— Ах, интересная новость, дорогая, — вспомнил вдруг де Валер и подробно передал женѣ слышанное им объясненіе между Нандо и Долорес.

— Она держалась молодцом! — Воскликнул он заканчивая свой разсказ. — Ни одной просьбы, ни одной слезы!

— Бѣдная дѣвочка. Надо как нибудь поддержать, утѣшить ее. Клод мой милый, мы должны вернуться к нашим гостям. Я ушла, когда сестры Рамо сѣли играть на двух роялях. Слышишь их? Пойдем скорѣе. Мы должны быть там, когда онѣ закончат свой концерт.

Де Валеры вошли в зал, когда раздались аплодисменты.

Гости стали разъѣзжаться. К обѣду остались только близкіе знакомые, между которыми оказались и Новилли.

Ари уже почти закончил Талочкин портрет и собирался выставить его в салонѣ.

Необходимые для него сеансы заставляли их часто видѣться, проводить вмѣстѣ долгіе часы. Иногда в присутствіи Надежны Гавриловны, или Нини, иногда вдвоем.

Тогда муки искушенія подступали к ним. Кисть выпадала из руки Новилля, пламенные глаза его загорались таким экстазом любви, что в Талочкѣ начинал дрожать каждый нерв от невѣдомаго и сладостнаго чувства пробуждающейся страсти.

Однако, они отчаянно боролись с собою, надѣясь выстраданным благоразуміем своим сохранить хоть право часто видѣться, все друг о другѣ знать.

Но это молчаніе подавленной любви становилось со дня на день опаснѣе и они оба чувствовали, что близка страшная, но блаженная минута, в которую они забудут все, и которая разлучит их навсегда.

За рождественским обѣдом у де Валеров Новилль был как то особенно взвинчен. Его раздражал плохой французскій язык, неумолчно болтавшей всякій вздор, жены, выводили из терпѣнія общіе разспросы о портретѣ Талочки.

— В какой позѣ вы изобразили на вашей картинѣ мадемуазель Рдищеву? Разскажите же нам это, — пристала к нему сеннора Сантос.

— Ах, в замѣчательной позѣ,—отвѣтила за мужа Надежда Гавриловна. — Мадемуазель Рдищева сидит в саду на каменной скамейкѣ с далеким видом до самаго дворца. У ног мадемуазель Талочки сидит Нини на травѣ. Онѣ вмѣстѣ разматывают темно-розовую шерсть, намотанную на ручки Нини. У мадемуазель Талочки в руках клубок. Вот так, — Надежда Гавриловна показала позу Талочки на картинѣ. — Очень, очень мило вышло! — Одобрительно добавила она.

Новилль стиснул челюсти. Ему стоило неимовѣрных усилій спокойно высидѣть весь обѣд.

Когда всѣ встали из за стола и направились пить кофе в гостиную, он незамѣтно выскользнул в холл и стал спускаться с мраморной лѣстницы.

Талочка, замѣтившая его маневр, послѣдовала за ним.

— Ари, — остановила она его. — Куда? Почему?

— Я завтра должен очень рано быть на авіаціонном полѣ.

— Тогда, конечно. Только возьмите с собою бисквиты для Нини. Она любит грызть их перед сном. Пойдемте ко мнѣ.

Новилль послушно взбѣжал по ступенькам, с которых только что спустился, и послѣдовал за Талочкой.

— Подождите здѣсь минутку, — сказала она у дверей своей комнаты. — Я сейчас принесу коробку.

— „У врат обители святой, стоял, просящій подаянья", — с легкой улыбкой продекламировал Новилль. — Талочка, можно мнѣ взглянуть на святую обитель, в которой вы живете, думаете, спите. . . Только взглянуть. . .

— Это не принято. Нельзя. Подождите, я сейчас.

Талочка скрылась за дверью, но тот час же вернулась с коробкой в руках.

Новилль стоял сутуло прислонившись к косяку двери, руки его были засунуты в карманы, брови сдвинуты в том страдальческом надломѣ, который всегда находил какой то мучительно нѣжный отклик в Талочкином сердцѣ.

— Что с вами? — Чуть слышно спросила она.

— Я сейчас вернусь домой... в мое ателье... брошусь поперек дивана и буду кричать от... одиночества.

Она пріотворила свою дверь.

— Войдите.

— Нѣт. .. нѣт. . . Вѣдь нельзя. . .

Взяв его под руку она чуть улыбаясь потянула его за собой.

В комнатѣ было темно. Талочка искала рукою выключатель у двери, но от волненія не находила его.

Новилль хотѣл придти ей на помощь. Их руки встрѣтились, ея дыханіе коснулось его лица.

Потеряв голову, он схватил ее, прижал к себѣ в безумном порывѣ. Нашел ея губы, жадно, безумно к ним приник, оторвался от них, чтобы перевести дыханіе, и снова безпощадно к ним прильнул. Огненная волна затопила его сознаніе, наполнила его дикою необузданною радостью. Но вдруг он опомнился, понял, что должен бѣжать, если не хочет потерять разсудок до послѣдних слѣдов сознанія.

Сдѣлав над собою неимовѣрное усиліе, он оторвался от Талочки, шатаясь вышел в коридор, сбѣжал с лѣстницы, пробѣжал без шляпы и пальто мимо удивленнаго Проспера. Потом долго, как безумный, бѣгал по улицам подняв блѣдное улыбающееся лицо к рождественским звѣздам, которыя дрожали и метали искры в его слезах.

Талочка долго не могла придти в себя послѣ бѣгства Ари. Смутное сознаніе грѣха было недостаточно сильно, чтобы заглушить в ней райскій восторг перваго поцѣлуя, горячее волненіе проснувшейся страсти. Вся, еще дѣтская, душа ея трепетала от страха, сомнѣній и радужных надежд.

„Господи, Господи", — — в пламенном порывѣ моленія повторяла она, упав на колѣни перед своею узкой дѣвичьей кроватью, над которой висѣло Распятіе. „Господи, Господи, сдѣлай так, чтобы любовь моя к Ари не была грѣшной! Сдѣлай так, чтобы нам не нужно было разставаться... Сдѣлай так, чтобы я стала его женой... Господи, Господи, Ты можешь все"...

XL.

В Февралѣ блестяще закончились гастроли де Валера в оперѣ, отшумѣли оваціи, прекратились пріемы в его домѣ и снова настал тяжелый для него и для Ирины день разлуки.

Около семи часов был подан автомобиль, помчавшій их на вокзал.

Они сидѣли тѣсно прижавшись друг к другу, полные страсти и отчаянія.

— Ирина, обѣщай мнѣ беречь себя, не позволять себѣ слишком страдать, — говорил де Валер заглядывая женѣ в лицо. — Вѣдь теперь мы должны думать не только о себѣ...

— Как бы я была теперь счастлива, Клод, если бы ты был со мною... Я столько лѣт не смѣла и мечтать о счастьи стать матерью твоего ребенка, а теперь, когда оно начало сбываться, я как то неспособна осознать его. Я не испытываю ничего, кромѣ страха за тебя, за тебя... Кромѣ отчаянія разлуки с тобою... Мнѣ страшно думать о наступающих днях, недѣлях...

— Я буду пріѣзжать... Скоро кончится война...

— Мы уже подъѣзжаем к вокзалу. Клод... Клод... Милый, как ты поблѣднѣл. Не бойся за меня... Я... — Рыданіе вырвалось из груди Ирины.

Де Валер опустился на колѣни перед нею, припал к ея ногам.

Вернувшись домой, Ирина прошла прямо к себѣ, намѣреваясь лечь в постель.

В ея комнату вошла Талочка с подносом.

— Ирина, ты ничего не кушала за обѣдом. Я принесла тебѣ закусить, — сказала она сестрѣ. — Я обѣщала Клоду заботиться о тебѣ.

Накрыв маленькій стол салфеткой, она поставила на него тарелки, налила в чашку горячій чай.

Ирина, устало опустившаяся в кресло, слѣдила горящими от слез глазами за плавными движеніями ея увѣренных изящных рук.

„Как она похудѣла", промелькнуло у нея в головѣ. „Кольцо соскальзывает с ея пальца и она должна удерживать его".

У Талочки был дѣйствительно больной вид. Она слишком много работала, намѣренно утомляясь, чтобы не думать, забыть.

За экзальтаціей счастья, вызванной их первым поцѣлуем, для Талочки и Новилля послѣдовало тягостное отрезвленіе.

Когда Талочка проснулась на другое утро, все случившееся наканунѣ показалось ей сном. Однако, она поняла, что теперь ея долг перестать видѣться с Новиллем.

То же пережил и он послѣ безумной ночи проведенной им, как в блаженном бреду.

Вернувшись домой и взяв холодный душ, он точно с облаков упал. Дѣйствительность снова завладѣла им. Он вспомнил все то, что уже часто себѣ повторял, вспомнил, что не может развестись с женою, которая ради него пожертвовала всѣм, что не может разстаться с ребенком, котораго он боготворит и котораго отняла бы у него послѣ развода жена. Помимо всего этого, он не партія для Талочки. Он не может ей дать ни имени, ни положенія в свѣтѣ. Если она, несмотря на это, увлечена им, то только потому, что она неопытное дитя и он был бы самым без-

честным человѣком, если бы воспользовался этим.

Он весь день мучился, бичевал себя, хватался за револьвер, собирался уѣхать из Парижа. Но под конец удовлетворился тѣм, что наложил на себя эпитемію — не видѣть Талочки нѣсколько недѣль, чтобы доказать ей этим свое раскаяніе.

В началѣ она ждала его, на что то надѣялась, молилась о чудѣ по ночам. Потом одобрила в душѣ Новилля за то, что он исчез из ея жизни и покорилась. Запретила себѣ ждать его возвращенія у окна, рѣже брала к себѣ Нини, возвращалась только к обѣду из Краснаго Креста и часто, замѣняя сестер милосердія, брала на себя ночныя дежурства в русском лазаретѣ.

Ирина угадывала, что между нею и Ари что то произошло, но, уважая ея молчаніе, не хотѣла вызвать ее на откровенность.

„Бѣдная дѣвочка“, думала она. „И для нее любовь оказалась страданіем. Всѣ мы под этой кровлей бродим, как тѣни: — она, я и Долорес“.

— Мамина телефонировала, — сказала Талочка передавая ей чашки. — Завтра они пріѣдут к нам обѣдать.

— Надо заказать для Боба вафли с каймаком.

— А для папа—майонез из дичи...

В то время как онѣ, стараясь отвлечь друг друга от тяжелых мыслей, составляли меню семейнаго обѣда, Надежда Гавриловна за рюмкой малаги и фруктовым тортом выкладывала свою душу сеннорѣ Сантос.

— С моим мужем просто сил нѣт, — говорила она дрожа от раздраженія. — Прямо наказаніе с ним жить, то у него сердечные припадки,

то головокруженія, то еще что нибудь... Теперь у него новая мода, — никогда не возвращается к завтраку домой. Говорит—„занят"... Все отговорки. А главное, — на меня он нуль вниманія! Вот что меня бѣсит... Ну, прямо нуль вниманія...

— Милочка, мнѣ кажется, вы сами виноваты. Я наблюдала за вами. С мужчинами нужно умѣть, — с фривольной улыбкой перебила ее бразильянка. — Я в молодости умѣла удивительно! А вы — нѣт! Вы совсѣм без кокетства. Этак нельзя. Мужчины любят, чтобы с ними и так и сяк. Вот наша молодая маркиза на это мастерица! Как мужа заворожила. Он ей в глаза так и смотрит, старается каждое ея желаніе угадать. Вот, это ловкая женщина, а вы, милочка, слишком простодушны. Напримѣр, как вы одѣты? Вы должны как нибудь особенно одѣваться, чтобы он замѣчал. Вот я подарю вам мою красную испанскую шаль. Она к вам пойдет. Накиньте ее сегодня, когда вернетесь домой, и будьте с ним женственнѣе. Будьте с ним кошечкой... Вот именно кошечкой...

За окнами раздался протяжный жуткій звук сирены.

— Alarme! Нападеніе проклятых нѣмецких летчиков! — Поблѣднѣв воскликнула сеньора Сантос. — Скорѣе, скорѣе в погреб.

— Ах, Боже мой! Да как же Ари? Нини?

— Телефонируйте ему, чтобы он поскорѣе принес ее сюда. Ваш дом так мал и погреб так плох. Ваш муж еще успѣет с нею перебѣжать дорогу.

Надежда Гавриловна бросилась к телефону.

В домѣ поднялась суматоха. Угасли огни.

Нѣсколько минут спустя вся семья собралась в большом теплом погербѣ, уже лѣтом при-

способленном на случай налетов вражеских аэропланов.

Стѣны его были обтянуты сѣрым холстом, пол покрыт ковром, на котором группами были разставлены диваны и кресла.

В длинном стѣнном шкафу хранились консервы, вина, минеральныя воды. На нижней полкѣ стояли никкелевыя кастрюли, посуда, спиртовка, фонари со свѣчами, приготовленные на случай, если испортится электрическій провод. Как и весь дом, погреб был отоплен паровым отопленіем.

— Сегодня уже пятый раз, как мы собираемся здѣсь, — сказал старый маркиз усаживаясь в свое глубокое кресло. — Я здѣсь всегда прекрасно сплю... Однако, как непріятно кричит этот попугай!

Долорес передала ему газету, набросила плед на его колѣни.

Он поцѣловал ея руку.

Со дня исчезновенія Нандо, их отношенія сильно измѣнились. Долорес с дочернею нѣжностью заботилась о мужѣ, старалась доказать ему свою привязанность, свою благодарность за его рыцарское отношеніе к ней. Он был пріятно удивлен, присматривался к ней, любовался ею.

— Долорес, — ревниво позвала ее мать. — Помоги же мнѣ лечь. Подложи мнѣ под голову подушку. Ах, какая ночь! Подумать только, что мы, может быть, будем заживо погребены! Закрой клѣтку Коко платком, чтобы он замолчал! Подними ко мнѣ Бланшетт.

Ирина сидѣла у дѣтской кроватки, в которой лежала Тата, и разсказывала ей сказку, надѣясь, что под тихій говор она уснет,

Талочка и Надежда Гавриловна безпокоились о Нинѣ.

— С Ари хватит, он возьмет да и не принесет ее, — сердилась Надежда Гавриловна.

— Да он еще не может быть здѣсь, — возразила сеннора Сантос. — Вѣдь он должен был дѣвочку разбудить, одѣть. Все это требует времени. Ах, да вот и он. Легок на поминѣ...

Новилль вошел с Нини на руках, завернутой в одѣяло.

— Вот и мы, — смущенно проговорил он. — И оба благодарим за любезное приглашеніе.

— Иди к мамѣ, Нинишка, -- сказала Надежда Гавриловна протягивая руки к дочери, но та потянулась к Талочкѣ и, обвив тоненькими ручками ея шею, прижалась к ней.

— Унеси меня, — прошептала она испуганная незнакомой комнатой, полною людей, завѣшанной лампами.

— Капризная дѣвченка, — погрозила ей пальцем мать. — Нельзя капризничать в гостях.

— Вы видите, что она испугана, — рѣзко сорвалось у Талочки. — Ее теперь надо оставить в покоѣ. Она сейчас уснет.

— Ах, мадемуазель Талочка, вот не понимаю вашего терпѣнія с дѣтьми, — пожала плечами Надежда Гавриловна.

— Милочка, лягте на мой маленькій диванчик, подвиньте его к моему. Давайте поболтаем, — позвала ее сеннора Сантос.

— Ари, придвиньте мнѣ большое кресло вон в тот угол, так чтобы я смогла сѣсть лицом к стѣнѣ, и дайте мнѣ подушку, — обратилась Талочка к Новиллю не поднимая глаз.

Он исполнил ея желаніе и, пока она усаживалась в кресло, взял у нея Нини.

— Вот так. Теперь давайте мнѣ ее.

Талочка уложила дѣвочку на свои колѣни так, что головка ея оказалась на подушкѣ, поло-

женной на лѣвый поручень, и тепло укутала ее в одѣяло.

— Как бы она не простудилась, — озабоченно проговорила она.

— Нѣт. Вѣдь на ней теплое вязаное платьице и чулочки. Кухарка помогла мнѣ одѣть ее, а то бы я ничего не нашел.

Огромные глаза Нини горѣли волненіем. Приподнявшись с подушки, она вся прижалась к Талочкѣ, точно искала у нея защиты.

— Унеси меня, — снова прошептала она и ротик ея дрогнул от близких слез.

— Да что ты, крошка? Смотри, как тебѣ здѣсь хорошо со мною, — уговаривала ее Талочка лаская ее. — Папа принесет тебѣ бисквитов и чаю в малюсенькой чашечкѣ. Хочешь?

Личико Нини оживилось.

— Гдѣ чашечка? Какая? — Удивленно спросила она.

— Вот увидишь. Папа сейчас принесет.

Глаза Новилля были мягки и нѣжны, когда он пошел исполнять порученіе Талочки.

— Новилль, помогите мнѣ, — позвала его Долорес, варившая на спиртовкѣ чай. — Достаньте чашки и помогите мнѣ их разносить. Спасибо. Ах, кому эта кофейная чашечка?

— Для Нини.

— Как мило! Налью ей первой!

Нини радостно захлопала в ладоши, когда отец принес ей обѣщанную чашечку и бисквиты, которые она осторожно стала вынимать тоненькими пальчиками из жестяной коробки.

— Теперь мы утѣшены, — разсмѣялась Талочка. — Ари, вы можете спокойно идти помогать Долорес. — Мы поиграем и уснем.

— Спасибо, — чуть слышно проговорил он.

Она озарила его ярким взглядом, ея губы дрогнули медленной чуть усталой улыбкой.

— Новилль, за дѣло, за дѣло, — позвала его Долорес. — Вы обѣщали помогать мнѣ.

— С восторгом, — весело отвѣтил он ей, почувствовав внезапный прилив неудержимой радости. — Кому эту чашку? Господину маркизу?

— Нѣт, ему и Иринѣ я отнесла сама. Эта чашка для мама, а эта — для вашей супруги.

Новилль бережно понес через комнату поднос.

— Какой шикарный у нас гарсон! — Воскликнула сеннора Сантос.

— Ари, как ты мил, что принес мнѣ чай, — игриво произнесла Надежда Гавриловна драпируясь в красную шаль. Нравлюсь я тебѣ в своей обновкѣ? Да? Тогда дай бэко твоей Пупетт!

— Дайте, дайте бэко вашей Пупетт,—поддержала сеннора Сантос свою послушную ученицу. — Нечего стѣсняться. Вѣдь вы у друзей.

— Я привык стѣсняться именно у друзей, сеннора, — отвѣтил ей Новилль, небрежною шуткой маскируя закипѣвшее в нем бѣшенство против жены, продолжавшей охорашиваться и вертѣться перед ним в испанских позах.

— Новилль, вот ваш чай. По русски, в стаканѣ. Идите же сюда, — поторопилась перевести разговор и сгладить безтактность матери Долорес.

Ирина продолжала разсказывать сказки разгулявшейся Татѣ.

— Говори же, да говори же, — раздраженно требовала дѣвочка, как только она умолкала.

„Я должна отдохнуть“, думала Ирина. „Я совершенно разбита! Это плохо для маленькаго. Как бы не случилось несчастья... У меня все болит, и спина, и голова, и поясница... Я не должна рисковать только для того, чтобы забавлять Тату. Но как уйти от нея, она заплачет, закричит“.

В комнату вошла Аннунціата, вызванная, по просьбѣ Тялочки, Новиллем из сосѣдняго помѣщенія, в котором находилась вся прислуга.

— Синьора маркиза должна лечь, — энергично заявила она. — Я отвѣчаю за ея здоровье перед синьором маркизом. Пусть синьора не безпокоится. Маленькая покапризничает, но от этого только лучше уснет.

Ирина покорилась, но Тата подняла такой невѣроятный визг и крик, что проснулись и Нини, и Коко, и Бланшетт, которые, в свою очередь, громко стали выражать свое неудовольствіе.

Старый маркиз зажал уши.

— Что за концерт!

— Надо потушить свѣт, — предложила Ирина. А то дѣти не заснут.

Никто не возразил ей, Аннунціата потушила всѣ лампы исключая той, которая стояла у кресла стараго маркиза. Долорес покрыла ее темным шарфом и, взяв книгу, подсѣла к мужу.

Постепенно все затихло и в комнатѣ наступила тишина.

Когда полчаса спустя вернулся в нее, курившій и разговаривавшій с Проспором в помѣщеніи для прислуги, Новилль, ему показалось, что он попал в заколдованное царство спящей красавицы. Всѣ присутствующіе были неподвижны и мѣрно

дышали. С дивана сенноры Сантос доносился легкій храп.

Новилль безшумно пробрался к креслу Талочки и опустился возлѣ него на стопку пледов, стоящую в углу.

Талочка подняла длинныя рѣсницы и улыбнулась ему глазами.

— Спит, — шепнула она склоняясь к Нини.

— Талочка... скажите, мы теперь опять можем видѣться? Да? Вѣдь я жестоко наказал себя. Я прощен? — Чуть слышно проговорил он.

Она молча наклонила голову.

Он молитвенно смотрѣл на нее, пораженный дѣвственным очарованіем, исходившим от ея бѣлаго лица, с материнскою нѣжностью склоненнаго над его ребенком.

— Я напишу с вас Пресвятую Дѣву, — горячо прошептал он. — Нѣт, я не сумѣю передать... Талочка, я могу только молиться на вас...

— Ари, не надо так.

— Я видѣл вас каждый день.

— Как?

— Против помѣщенія вашего Краснаго Креста есть ресторан. Я каждый день сидѣл там в двѣнадцать часов, завтракая у занавѣшеннаго окна. В это время вы выходили из подъѣзда. Это была минута счастья, для которой я потом жил двадцать четыре часа.

— Тише, Ари...

— Завтра воскресенье. Хотите, сдѣлаем маленькую прогулку в буа? Встрѣтимся у озера?

Вмѣсто отвѣта она опустила рѣсницы.

— Талочка, маленькая святая, довѣрьтесь мнѣ. Я знаю, что смѣю только издали молиться на вас и больше не забуду этого.

Она прижала палец к губам.

— Ни слова больше, Ари. Спите.

— Я должен сегодня насмотрѣться на вас за нѣсколько недѣль.

— Ари, сумасшедшій... Всѣ замѣтят, что мы так долго шепчемся.

— Покоряюсь... Молчу.

Он поднял воротник жакета, удобно прислонился к стѣнѣ и, грызя ментоловый мундштук, продолжал ласкать Талочку неотрывным взглядом своих полузакрытых влюбленных глаз.

Ирина не спала. Разлука с Клодом больно горѣла в ея душѣ. Страх за мужа, принимавшій маніакальный характер, снова овладѣл всѣми ея мыслями, всѣми ея чувствами.

„Если вражескіе аэропланы теперь над Парижем", думала она, „то они могут быть и на пути к передовым позиціям. Одна бомба, попавшая в поѣзд Клода, — и все кончено... Если война не скоро кончится, я, навѣрно, сойду с ума".

— Синьора должна думать о маленьком, — шепнула ей, сидѣвшая в креслѣ у ея изголовья, знающая ея радостную тайну, Аннунціата.

— Cara, только никому ни слова об этом пока.

— Нѣт, синьора. Но синьор маркиз приказал мнѣ всегда напоминать синьорѣ о маленьком, когда она будет печальна.

Ирина невольно положила руку под сердце и нѣжно улыбнулась.

XLI.

Весною настроеніе в Парижѣ стало напряженным до послѣдняго предѣла.

Нѣмцы быстро подступали. Слышны были взрывы снарядов. Каждый выстрѣл „Толстой Берты“ наводил паническій ужас на нервных людей. Истые парижане скрывали свою подавленность под шутками, высмѣивая врага и не признавая опасности. Однако, многіе дома, многія больницы были разрушены. Самая потрясающая катастрофа произошла в полной людьми церкви S. Germain des Près, взорванной нѣмцами во время какой то торжественной службы. Многіе молящіеся были убиты на мѣстѣ, многіе тяжело ранены. Между ними были женщины, дѣти, старики.

Паника все сильнѣе охватывала город, который быстро пустѣл. Музеи были закрыты. Всѣ их драгоцѣнныя произведенія искусства были спрятаны, частью зарыты в землю, или перевезены в Бордо, куда были переведены и государственныя учрежденія.

Вокзалы были переполнены бѣгущею в провинцію взволнованной публикой, нагруженной ручным багажем, домашним скарбом и дѣтьми.

Де Валер, в каждом письмѣ своем с фронта, умолял Ирину уѣхать на Ривьеру или в Швейцарію, но она не хотѣла разставаться с Парижем, куда он мог пріѣзжать и куда скорѣе доходили его письма.

Тату она еще до Пасхи поручила, уѣхавшим в Ниццу, Рдищевым.

Они непремѣнно хотѣли увезти с собою и Талочку, но та нашла столько предлогов, чтобы

остаться у сестры, что им пришлось уступить и уѣхать без нея.

Старый маркиз уѣхал к дочери в Вэвэ.

Сеннора Сантос, падавшая в обморок при каждом ударѣ пушки, отправилась в Женеву с камеристкой, Коко и Бланшетт, в Женеву. Но Долорес отказалась ѣхать с нею и осталась в Парижѣ.

Она сильно измѣнилась. Угас ея задор, замолк ея заразительный смѣх. Даже амулеты ея браслетов звенѣли как то нерѣшительно и печально. Она жила как на чеку, постоянно ожидая чего то. Она с утра наряжалась, переодѣвалась нѣсколько раз в день, блѣднѣла, когда ей подавали почту, когда звонил телефон.

Ирина догадывалась, что она непрестанно ждет возвращенія Нандо.

— Бѣдныя мы, покинутыя „три граціи", — любила повторять Долорес, когда онѣ послѣ обѣда сидѣли с рукодѣліями в маленькой гостиной Ирины, куда Аннунціата подавала им чай.

Онѣ любили это одиночество по вечерам и никогда не приглашали гостей.

Только Надежда Гавриловна заходила к ним иногда и наводила на них уныніе и тоску потоками своего пустословія.

Новилль не показывался в домѣ де Валеров, но каждое утро встрѣчался с Талочкой в Булонском лѣсу.

Они таили свою любовь за броней непроницаемаго горячаго молчанія, научились разговаривать друг с другом шутливо — веселым тоном, встрѣчаться и расходиться, как друзья, однако, чувствовали оба, что слѣпая, непреодолимая сила вела их к какой то неизбѣжной драмѣ.

Новилль был одержим своею любовью к Талочкѣ. Он всегда и вездѣ видѣл перед собою доро-

гой ему облик ея свѣтлой мечтательной головки, ея тонкаго, но женственнаго тѣла. Пламенные образы жгли его мозг. Бывали минуты, когда он не мог смотрѣть на нее не блѣднѣя. Он все сильнѣе поддавался своей мукѣ. Голодная тоска по Талочкѣ все сильнѣе пытала его в одинокія ночи, которыя он проводил в своем ателье. Непрерывная грызущая боль в его сердцѣ, все чаще разражалась взрывами его неукротимых чувств. Он с отчаяніем искал и не находил выхода из своего душевнаго конфликта. Мысль о самоубійствѣ все упорнѣе приходила ему на ум, все сильнѣе ввинчивалась в его измученный мозг, со дня на день росла и укрѣплялась в нем.

„Мое исчезновеніе все уладит", думал он по ночам, кружась как тигр в клѣткѣ по своему ателье. „Как только меня не станет, жена вернется к богатому отцу, который, конечно, примет и простит овдовѣвшую дочь и ея ребенка. Талочка забудет меня... Сдѣлает подходящую партію.. Я должен вырвать себя из жизни... Вот и все. Тогда всѣм будет хорошо, а я перестану горѣть на кострѣ".

Он до изнуренія передумывал все тѣ же мысли и укрѣплялся в них, наслаждаясь своим страданіе, своею жестокостью к себѣ. „Да, он исчезнет... Принесет себя в жертву. Для себя он хочет только один день счастья перед тѣм, как наступит его послѣдній страшный час! Этот день он хочет провести с Талочкой вдвоем, гдѣ нибудь около Парижа. Он уговорит совершить с ним небольшой полет над городом, но спустится с нею гдѣ нибудь в окрестностях... Можно сослаться на мотор. Лишь бы согласилась она подняться с ним на его шелковой птицѣ, которая так пугает ее. Пожалуй трудно будет ее уговорить"...

Однако, это опасеніе Новилля оказалось ошибочным.

Талочка с воодушевленіем приняла его предложеніе, сдѣлать с ним прогулку на его „Серебряной Цаплѣ".

— Я давно мечтала об этом, — созналась она. —Но не рѣшалась вам сказать. Почему то думала, что это не разрѣшено. Когда же мы летим?

— Хотите, завтра? — Спросил Новилль, мысленно подписывая свой смертный приговор.

— Отлично. Но я должна скрыть наш полет от Ирины. Она слишком бы безпокоилась обо мнѣ, а в ея положеніи это вредно. Я скажу ей, что приглашена на цѣлый день в Версаль к Арлетт де Фонтеа, моей пріятельницѣ по Красному Кресту. Я уже часто бывала у нея. Ах, Ари, как я волнуюсь... Мнѣ чуть-чуть жутко, но так интересно!

На другое утро, солнечное и жаркое, они встрѣтились на аэродромѣ.

— Вы слишком легко одѣты! — Воскликнул Новилль увидѣв ея тоненькое платьице и непромокаемое пальто. — Этого мало. В моем поднебесном царствѣ свѣжо. Надѣньте сверху мое кожаное пальто. Вот шлем и очки, приготовленные для вас.

Аэроплан ярко сверкал под лучами солнца. Крылья его казались вылитыми из серебра, но когда Талочка, пробуя, коснулась их рукою, она изумилась тонкости ткани, обтягивающей их.

— Вам страшно? — Улыбаясь спросил Новилль.

— Нисколько, — разсмѣялась она стараясь казаться храброй, но чувствуя не совсѣм пріятную пустоту в желудкѣ и слабость в ногах.

— Тогда садитесь вот сюда. Вам удобно? Все готово! Можно летѣть.

Сѣв за руль, Новилль сдѣлал знак механикам отпустить „Серебряную Цаплю", которая так легко побѣжала по землѣ и так плавно поднялась на воздух, что Талочка не ощутила взлета. Однако, сердце ея трепетно забилось, когда она замѣтила, как стремительно уплывала от нея покинутая ею земля. Сначала с жуткою быстротою, точно разливаясь, стал расширяться горизонт, потом стала стушевываться выпуклость мѣстностей, над которыми они летѣли. Когда дома превратились в свѣтлыя блестки, Талочкѣ стало так не по себѣ, что она перестала смотрѣть в глубину.

Новилль улыбаясь повернулся к ней, вопросительно взглянув на нее.

Она смѣясь закивала ему головой. Страх внезапно исчез из ея сердца и оно наполнилось веселой отвагой. Чудесно было летѣть с Ари по голубому воздуху, иногда, точно срываясь, падать вниз и снова взлетать, чуть задыхаясь от волненія и вѣтра.

Но вот Новилль снова обернулся. Блестящіе бѣлые зубы сверкнули в улыбкѣ на его загорѣвшем лицѣ. Мимическими движеніями он стал объяснять Талочкѣ, что им необходимо снизиться: „Нѣт, нѣт... Никакой опасности, но что то с мотором".

Аэроплан стал круто спускаться к землѣ. У Талочки захолонуло на сердцѣ. Она закрыла глаза. Когда она снова рѣшилась заглянуть в глубину, она неожиданно близко увидѣла ярко-зеленое поле. „Серебряная Цапля" промелькнула на нем темным крестом. Еще нѣсколько мгновеній и она, легко прокатившись по шелковистой, испещрен-

ной желтыми цвѣточками травѣ, остановилась в нѣскольких шагах от пасущагося стада.

Коровы и пастух, застыв в неподвижности от удивленія, с одинаковым выраженіем тупого любопытства смотрѣли на диковинную птицу.

— Ари, что с нами? Почему мы снизились? — Спросила Талочка выскочив из аэроплана.

— Перебои в моторѣ... Пустяки... Я спустился только из предосторожности, потому что вы со мною.

— Вы сами можете исправить мотор?

— Да, но мнѣ для этого надо кое-что купить. Хорошо, что мы попали в какой то городок. Какое славное мѣстечко. Хотите, погуляем здѣсь, позавтракаем?

— С восторгом. Здѣсь прелестно. Эти золотые цвѣточки, сочная травка. Очаровательно. Но как же с аэропланом?

— Он не улетит один, разсмѣялся Новилль. Сбросив кожаные доспѣхи, он остался в одѣтом снизу свѣтло-сѣром костюмѣ. — Пойдемте в город. До него не больше как десять минут ходьбы! Оттуда я телефонирую на аэродром в Париж и пошлю кого нибудь стеречь нашу птицу. Что это там за соломенная крыша на столбах?

— Какой то недогорѣвшій овин, или молотилка.

— Я поставлю под нее нашу „цаплю".

— Я помогу вам.

Когда аэроплан оказался в своем новом ангарѣ, Талочка сняла авіаціонное пальто. На ней было легкое голубое платьице и туфли из голубой кожи.

— Талочка, в вас сегодня что то весенне-пасхальное... Что то праздничное, — сказал Новилль складывая кожаныя одежды в аэроплан и запирая его дверцу на ключ.

— Да вѣдь сегодня и есть третій день Пасхи, — отвѣтила ему Талочка. — Но совсѣм, совсѣм лѣтняя жара!

— Послушай-ка, мой друг, — обратился Новилль к пастуху, все еще стоявшему разинув рот. — Смотри, чтобы твои коровы не подходили слишком близко к моей машинѣ. А то она выстрѣлит. Ты понял меня? Вот тебѣ за это цѣлый франк.

Мальчик закивал головой и что то пробурчал косясь на аэроплан.

— Ну, в дорогу, Талочка! Кто из нас скорѣе добѣжит вон до того холма с деревом, усѣяннаго гнѣздами? Раз, два, три. . .

Талочка помчалась по мягкой травѣ, честолюбиво стремясь придти к цѣли первой.

Новилль намѣренно отставал от нея любуясь ея граціей, каждым движеніем ея гибкаго тѣла. Она бѣжала тѣсно прижав локти к стану, отбросив голову назад. Мягкіе локоны ея развивались по воздуху, сверкали на солнцѣ металлическим блеском. Быстрыя и стройныя ножки ея, с изящными тонкими связками, отливали золотом палеваго чулка.

Вот побѣжали голубыя туфельки по доскѣ, переброшенной через широкій свѣтлый ручей. В нем отразился край голубого платья.

— Не так быстро, Талочка! — Крикнул Новилль.

Она прибавила шагу и стрелой взлетѣла на холм. Новилль пришел секундой позднѣе.

Они оба, смѣясь и с трудом переводя дыханіе, бросились на траву.

— Ари, как вы думаете, есть уж птенчики в гнѣздах? — Спросила Талочка закинув голову к узловатым обнаженным вѣтвям. — Знаете,

гнѣзда еще, как в дѣтствѣ, вызывают во мнѣ радость, любопытство... Прямо сердце бьется глядя на них.

— И у меня, — разсмѣялся Новилль. — Хотите, я взлѣзу на дерево и посмотрю?

— Нѣт, нѣт. Может быть матка сидит на яйцах. Вы испугаете ее. Ах, как здѣсь хорошо! Какой здѣсь славный вид!

С возвышенія, на котором они находились, был виден весь провинціальный городок, в который они шли.

— Смотрите, Ари, какой великолѣпный двух-этажный отель! — Воскликнула Талочка. — Мы будем там завтракать? Да? Я ужасно голодна! Пойдемте же скорѣе. Я прямо умираю от голода.

Сбѣжав с холма они быстро зашагали по спускающейся к городу дорогѣ.

Однако, когда они вошли в ресторан отеля, носящаго гордое названіе—„Имперіаль", у них прошло желаніе завтракать в нем. Уж слишком общипанными и пыльными показались им искусственныя пальмы, украшающія стоящій посреди комнаты покрытый бѣлой скатертью длинный стол, на котором симметрично были разставлены тарелки, стаканы, вазочки с зубочистками и, состоящими из многочисленных тусклых бутылочек, салатные приборы.

— У меня идея, Ари, — шепнула Талочка. Мы закупим провіант и отправимся завтракать в лѣс.

— Отлично! Идеально! Божественно! Я только телефонирую в Париж и попрошу хозяина гостиницы послать надежнаго человѣка охранять нашу птицу, — отвѣтил ей Новилль.

Нѣсколько минут спустя они уже шли по главной улицѣ городка, останавливались у витрин,

заходили в магазины. Вскорѣ у них оказалось столько пакетов, что им пришлось купить в „базарѣ“ вышитую яркою шерстью соломенную сумку, чтобы сложить их в нее.

Блѣдно-зеленый, еще прозрачный, лѣс принял их заливчатым щебетом птиц и влажным бурленіем пѣнистаго потока, бѣгущаго среди покатых изумрудных берегов.

Талочка пришла в восторг от его хрустальнаго сіянія, от быстрой игры его блестящих струй.

— Расположимся здѣсь, Ари, — предложила она. — Я не могу оторваться от этой буйной воды.

— Прекрасно. Устроимся на этой лужайкѣ! Вот хоть бы под этой двойной березой. Она вся покрыта зеленым пухом и уже бросает тѣнь.

— Смотрите, Ари, ея висячія вѣтви спускаются над нами шатром. Давайте здѣсь накрывать „на стол“.

Они опустились на теплую землю и, разстелив бумажную салфетку на перистой, усѣянной головками куриной слѣпоты, травѣ, стали, смѣясь и болтая, разставлять на нее свои припасы.

Впечатлительный до крайности Новилль, забыв трагичную причину этой прогулки, радовался, как дитя.

Талочкины лучистые глаза так и свѣтились счастьем.

Уничтожив „изумительные паштеты“, бутерброды и пирожныя, и выпив из пергаментных стаканчиков весь лимонад, они пожалѣли, что так быстро закончился их вкусный завтрак.

Никогда еще Новилль не видѣл Талочки такой ослѣпительной. Никогда еще тонкая и ясная красота ея не поражала его так, как в это солнечное утро. В нем проснулся художник.

— Талочка, позвольте мнѣ вас зарисовать так, как вы сидите сейчас под этой легкой плакучей березкой, на этой ярко зеленой, испещренной желтыми звѣздочками, травѣ? — Попросил он складывая руки, как это дѣлала во время молитвы, Нини. — С этого наброска я напишу картину, которая будет называться—„Весна". Вы будете на ней олицетвореніем весны. Я надѣну на вашу головку вѣнчик из медвяных цвѣтов, чтобы над нею кружился цѣлый рой бѣлых бабочек, — с воодушевленіем разсказывал он, доставая из кармана тетрадь и карандаши и располагаясь в нѣскольких шагах от Талочки, чтобы рисовать.

— Я гдѣ то читала, что бабочки не выносят духов, — разсѣянно сказала Талочка, устало прислоняясь к бѣлому стволу. — Онѣ умирают, бѣдняжки, в надушенном воздухѣ.

— Вот как? Возможно. Но сами онѣ так прелестно благоухают. Вы не замѣтили, Талочка? Бѣлыя пахнут лимоном. Коричневыя — ванилью. А голубые, знаете тѣ, что так в солнечном угарѣ шатаются по воздуху, — корицей, говорил Новилль щурясь и всматриваясь и что то быстро зарисовывая своею нервной умѣлой рукой.

— Ари, это долго будет продолжаться? — Лѣниво спросила Талочка.

— Нѣт... нѣт...

— Ну, сколько? Десять минут? Полчаса?

— Ах, Талочка, время измѣряется не по циферблату в лѣсу!

— А как же?

— Ну вот напримѣр: я закончу мой набросок, когда эта пчелка, летающая между нами и гудящая, как струна, опустится на седьмой цвѣток. Или когда растворится в небѣ это подвижное юное облачко.

Талочка слушала его улыбаясь задумчивой улыбкой ребенка, слушающаго сказку.

— Еще, Ари...

Его сердце рванулось к ней и внезапно он осознал весь трагизм этого послѣдняго свиданія с нею, близость конца.

У него содрогнулась душа. Отбросив тетрадь, он плашмя бросился на землю и уронил голову на судорожно сжатыя руки.

Блѣдность залила Талочкино лицо. Она нерѣшительно встала, медленно подошла и опустилась на колѣни перед Новиллем.

— Ари... Ари... что с вами? — Дрожащим голосом спросила она. — Ари, отвѣтьте. Не пугайте меня...

Он поднял к ней измученное, разом осунувшееся лицо.

— Талочка, я негодяй: Я обманом заставил вас сдѣлать эту прогулку. Мой мотор в порядкѣ.

— Глупый Ари, — вспыхнув и смѣясь перебила она его. — Вѣдь я давно об этом догадалась и в восторгѣ от вашей находчивости!

— Талочка, вы ангел! За эти слова я встал бы перед вами на колѣни, если бы и так не лежал перед вами ниц. Но вы говорите так, потому что слишком довѣрчивы.

— Да, я довѣряю вам. Мнѣ с вами хорошо. Спокойно...

— Спокойно? Талочка, какое вы дитя! Вы не знаете что такое любовь.

— И это вы говорите мнѣ?

— Да... я вам... С тѣх пор, как я увидѣл вас, я горю на медленном огнѣ... Я с ума схожу в тѣ часы, когда не могу быть с вами. Когда мы вмѣстѣ, я страдаю еще сильнѣй. А вам со мною „спокойно"...

— Должно быть спокойно! Вы это знаете.

— Да. Но примириться с этим я не могу. Я не могу больше горѣть на кострѣ. Поэтому я и завез вас сюда, чтобы насмотрѣться на вас в послѣдній раз... Я завтра уѣзжаю... на фронт.

— Ари!

— Это рѣшено Так не может продолжаться. Я не могу разстаться с глупой куклой, которая носит мое имя. Я не могу разстаться с ребенком... Но если бы даже... Я не партія для вас... Всѣ ваши близкіе были бы против меня и были бы правы... Талочка, вы воплощеніе недостижимаго счастья для меня...

— Если хотѣть, можно всего достигнуть!

— Я не волевой человѣк, а боящійся дѣйствительности артист,—фантаст... Я никогда не бросал вызова судьбѣ и она меня за это презирает, как презирает всѣх подобных мнѣ... Из нѣскольких тысяч таких, как я, она возносит одного, чтобы исключеніем подтвердить жестокое правило... Нѣт, нѣт, такіе, как я, не имѣют права втягивать тѣх, кого любят, в свою жизнь. Талочка, мы сегодня должны проститься навсегда... Я хочу только, чтобы вы помнили, что я любил вас безумно .. как только можно любить...

— Тогда вы не говорили бы так. Вы бы знали, что я всегда буду жить только для вас...

— „Для вас"... Талочка, мое чудное дитя... Моя благоразумная дѣвочка! Талочка, я хотѣл бы умереть, чтобы ты была счастлива... — Придви-

нувшись к ней, он тихонько положил голову на ея колѣни.

Она робко провела пальцами по его волосам.

Взволнованные и блѣдные, от затаенной страсти, они с трудом переводили дыханіе.

Закинутое кверху лицо его, ласкаясь к ея тѣлу, поднялось к ея груди Их губы были близки. Его руки порывисто охватили ея стан.

— Прощай, — прошептал он у ея рта и приник к нему в безпамятном поцѣлуѣ.

Уступая тяжести ея обезсиленнаго тѣла, он, не разжимая объятій, опустил его на землю и и стал покрывать горячими ласками

— Оттолкни меня... вырвись из моих рук... О, ты мое безуміе,— моя сладостная мука, — шептал он в угарѣ страсти. — Оттолкни же меня...

Но Талочка не слышала его. Горячій вихрь затушил ея сознаніе.

Ея слабость, ея покорность воспламеняли его желаніе.

Однако любовь побѣдила страсть.

Вскочив на ноги, Новилль шатаясь, но быстро, стал спускаться к потоку, перешел переброшенный через него узкій мост и, точно спасаясь от погони, пустился бѣжать по лѣсной тропинкѣ.

— Боясь, что он замышляет что нибудь страшное, что он рѣшил что то сдѣлать над собою, Талочка со всѣх ног бросилась за ним, настигла в просѣкѣ, схватила за рукав.

Он остановился тяжело дыша.

— Ты видишь, какой я слабый ничтожный человѣк, — с ненавистью к себѣ проговорил он. Черты его выражали неподдѣльное отчаяніе.

— Зачѣм... зачѣм так мучить себя?

— Ты должна меня остерегаться. Вѣдь я опять способен голову потерять.

— Ну так теряй... Только не мучайся так... Вѣдь я люблю тебя... Вѣдь твоя—моя жизнь... Возьми ее...

— Талочка... Ты не знаешь, что ты говоришь...

— Зачѣм так отчаиваться? Мы так молоды. Мы можем ждать. Ирина и Клод ждали так долго.

Де Валер—человѣк желѣзной воли, способный управлять собою, своею судьбой. Я преклоняюсь перед ним. Счастье создано для таких, как он.

— А для таких, как я?

-- О, да!

— Но я могу быть счастливой только с тобой.

Он молча привлек ее к себѣ. Изломанныя брови его были скорбно сдвинуты, слезы блеснули на его глазах.

„Зачѣм я говорю ей все это, зачѣм мучаю ее вмѣсто того, чтобы наслаждаться ея присутствіем", промелькнуло у него в головѣ. „Я отравляю ей и себѣ этот чудный день".

— Прости меня, — прошептал он. — Прости. Ты права. Мы будем ждать.

— Ты не уѣдешь завтра?

— Забудем об этом.

— Милый, останься. Мы объяснимся с твоей женой.

— Собирается гроза... Какія тучи! Вернемся в город... Справимся о поѣздах.

— Зачѣм?

— Ты должна вернуться в Париж по желѣзной дорогѣ.

— Почему?

— Погода не нравится мнѣ. Поднимается вѣтер. Я буду спокойнѣе усадив тебя в вагон, а не в аэроплан.

Новилль говорил спокойно. Даже улыбался. У Талочки немного отлегло от сердца.

— Ари, этот отъѣзд на фронт был только угрозой судьбѣ? Да? — Спросила она заглядывая ему в лицо.—Ты не можешь покинуть меня. Причинить мнѣ столько горя. Обѣщай же мнѣ остаться.

— Это трудно. Но я скоро вернусь.

— Я не отпущу тебя!

— Талочка, мы должны вернуться в гостиницу, иначе нас застанет здѣсь гроза.

— Ах, нѣт! Она еще далеко. Так жалко разставаться с лѣсом.

„И с жизнью", подумал он.

Талочка взглянула на часы-браслет.

— Боже мой! Уже скоро семь! — Удивленно воскликнула она.

— А до города еще довольно далеко. Идем, Талочка! Скорѣе, скорѣе! — Стараясь овладѣть собою, Новилль взял Талочку под руку.

Тѣсно прижавшись друг к другу, они быстро зашагали по лѣсной дорогѣ.

Долгіе и мягкіе порывы вѣтра трепетно пробѣгали по молодой травкѣ, вздымали и колыхали гибкія вѣтви деревьев.

На шоссе, по направленію к горизонту, загроможденному воздушными горами грозовых туч, за которыми сквозили алыя полосы заката, трусила курчавая розоватая отара, поднимая за собою пыль. Пастух в темных лохмотьях нес под мышкой крошечную темноглазую овечку, с мягкими висящими ушами, и наигрывал что то печальное на деревянной свирѣли.

— Красиво, — сказала Талочка.

Новилль крѣпко сжал ея руку.

Спустившись на тропинку, бѣгущую вдоль дороги, они прибавили шагу, чтобы обогнать пылящее стадо.

Рѣзвая молодая овчарка сбѣжала к ним, повертѣлась, попрыгала вокруг них привѣтливо лая и заглядывая им в глаза. Потом стремглав помчалась упругими прыжками учить порядку и сбивать в кучу своих нескладных, толкающихся, набѣгающих друг на друга и разслабленно блеющих овец.

Гдѣ то вдали прокатился протяжный и угрожающій удар грома.

— Скорѣе... скорѣе, — нервно проговорил Новилль.

— Дойдем. Теперь уж близко. Видна уж колокольня, — успокаивающим голосом отвѣтила ему Талочка.

„Послѣдняя гроза... Послѣднее стадо и это великолѣпное трагичное небо“, думал Новилль, но как то туманно, не испытывая при этом особенной боли.

Вѣтер все усиливался. Становилось все темнѣе и как только они вошли в отель „Имперіаль“, за окнами разразился рьяный ливень.

— Как раз добѣжали, — оживленно сказала Талочка. — Ари, давайте пить чай. Я умираю от жажды.

— Я сейчас закажу, Талочка, пройдите в столовую. Я только справлюсь о поѣздах.

Талочка заняла в ресторанѣ самый дальній столик у окна. К нему подлетѣл гарсон, смахнул с него салфеткой невидимыя крошки, зажег лампу на стѣнѣ и застыл в вопросительно предупредительной позѣ.

Талочка попросила его убрать со стола вазочку с пыльной шелковой розой, отдѣланной дубовым листком, зубочистки и горчицу. Потом заказала двѣ порціи чаю с ромом, медом и вареньем.

— Все уже заказано, — обратилась она к подошедшему Новиллю.

— Поѣзд уходит в двадцать один час. В двадцать три часа вы будете в Парижѣ.

— Как невѣроятно быстро пролетѣл день!

— Слишком быстро.

— Я с удовольствіем выпью чаю. На шоссе было вѣтрено и свѣжо.

— Ваша шляпа и пальто остались в аэропланѣ, — вспомнил Новилль. — Я съѣзжу за ними на извозчикѣ.

— И я поѣду с вами.

— Вы простудитесь.

— Мнѣ здѣсь дадут какой нибудь плед. Мы от аэроплана прямо поѣдем на станцію.

— Если хотите.

— Ари, ваш завтрашній отъѣзд, — это серьезно?

— Вполнѣ.

— В котором часу вы уѣдете?

— Не помню. . . В десять.

— Вы зайдете к нам проститься?

— Как же.

— Ари, во всем этом что то не так. Вы что то скрываете от меня. У меня так тяжело на душѣ.

— Талочка, пожалуйста, не будем об этом говорить. И мнѣ не легко.

— Но неужели нѣт другого выхода?

— Нѣт.

Молнія освѣтила голубым свѣтом окно. Стекла задрожали от тяжелаго дробнаго удара грома.

— Ари, мнѣ страшно. С нами случится что то ужасное, — вырвалось у Талочки.

— Полно. Это нервы. Гроза. Я тоже в незавидном душевном состояніи. А вот и чай. Он нас немного подбодрит.

Талочку радовало приготовлять Ари тартинки, наливать ему чай. Но он не мог ничего ѣсть. Внутренняя тревога его росла. Чѣм ближе подходила рѣшительная минута, тѣм сильнѣе утверждалась в нем какая то тупая и упорная жестокость к себѣ.

— Ари, почему вы так жутко молчите? О чем вы думаете? — Встревоженно спросила Талочка, положив руку на его рукав.

— Пора... Мы должны торопиться.

Он подозвал гарсона, расплатился с ним.

Портье одолжил Талочкѣ плед, с просьбой передать его потом извозчику.

Было очень свѣжо. Шел сильный дождь.

Усадив Талочку в закрытую пролетку, Новилль сѣл рядом с нею.

Извозчик пустил лошадь.

— Тебѣ не холодно? — Спросил Новилль обнимая Талочку и крѣпко прижимая ее к себѣ.

— Если ты захочешь, ты можешь остаться? Это зависит от тебя?

— Я мог попросить отсрочку...

— Ари, сдѣлай это для меня... Умоляю тебя... Если ты любишь меня—останься. Мы найдем другой выход... Нѣт, ты не уѣдешь. Я не пущу тебя.

Талочка порывисто обвила его шею руками. Он приник к ея губам.

Выѣхав из городка, пролетка, слегка покачиваясь, осторожно покатилась по узкой темной дорогѣ, слабо освѣщенной мигающим свѣтом ея тусклых фонарей.

Упитанная бѣлая лошадка с подвязанным хвостом задерживалась перед каждой лужей, пугалась далеких и слабых зарниц.

Послѣдняя из них вырвала из мрака абрис соломеннаго навѣса. Пролетка остановилась. Новилль выскочил из нея и побѣжал по мокрой травѣ.

— Алло! — Крикнул он в темноту.

— Voila, monsieur, — отвѣтил ему голос сторожа.

Отперев дверцу аэроплана своим ключем, Новилль достал из него сильный электрическій фонарь, надѣл свой, тѣсно прилегающій к тѣлу, кожаный костюм, взял Талочкины вещи и, велѣв сторожу подождать его еще полчаса, вернулся в пролетку.

Надѣв свое пальто Талочка осознала, что дрожит не только от волненія. Ноги и руки ея закоченѣли от холода.

Новилль закутал ее в плед.

— На станцію, — бросил он извозчику.

— Поѣдем со мною. Безуміе подниматься в такую погоду. В такую тьму, — робко попросила Талочка.

— И не в такую погоду летал я на моей „цаплѣ“, — возразил Новилль.

— Ты не уѣдешь завтра на фронт?

— Нѣт. . .

— Ты не слышишь того, что я говорю?

— Талочка, такое счастье чувствовать твое присутствіе, твою близость. Дай мнѣ твои губы. Я хочу выпить твою душу. . . тебя всю. . .

Когда Талочка и Новилль вошли на узкую платформу, она была совершенно пуста. Дождь уныло шумѣл дробно ударяясь о ея покатый навѣс.

За зоной ея свѣта, доходящей до влажно мерцающих шин, царила ночь и тишина.

Но вдруг протяжно и мелодично загудѣли телеграфные провода, двѣ красныя луны выплыли из мрака низко над землей.

— Это уж поѣзд! — Воскликнула Талочка. — Чуть не опоздали.

Новилль молча прижал ея холодныя руки к своим губам. Глаза их встрѣтились. Талочкины — удерживали, молили, его — жадно принимали в себя ея образ.

Грохот паровоза, особенно оглушительный в полной тишинѣ маленькой станціи, заставил их вздрогнуть, броситься друг к другу.

Новилль с отчаянной силой прижал Талочку к себѣ, подсадил ее в вагон, кинулся к ея окну.

Он все сильнѣе блѣднѣл. Лицо его было искажено страданіем.

— Я останусь, — глухо сказала Талочка перевѣшиваясь из окна. — Я останусь с тобою навсегда.

— Талочка моя!

— Ты не уѣдешь?

— Нѣт.

— Придешь завтра утром ко мнѣ?

— Приду...

Поѣзд тронулся.

Новилль пошел, потом побѣжал не отставая от Талочкинаго окна. Добѣжал так до конца перрона, спрыгнул с него, побѣжал по скользкой размытой тропинкѣ желѣзнодорожной насыпи... Но освѣщенное окно, у котораго стояла Талочка, все быстрѣе уплывало от него и внезапно исчезло при легком поворотѣ вагона.

Новилль остановился задыхаясь и смотрѣл поѣзду вслѣд, пока не скрылся тот в глубокой тьмѣ.

Тогда он безсознательно вытер, мокрое от слез и дождя, лицо платком и медленно вернулся к ждавшему его извозчику.

— В поле, к аэроплану, — с трудом произнес он садясь в пролетку.

Бѣлая лошадка неохотно снялась с мѣста и лѣниво побѣжала по блестящему, омытому дождем, булыжнику. Выѣхав за город она рѣшила забастовать, пятилась от каждой лужи, от каждаго куста.

Вскорѣ ея строптивое настроеніе передалось и извозчику, который либо дѣйствительно сердился, либо набивал цѣну. Сначала он что то ворчал себѣ под нос, но потом все громче и громче стал ругать себя за то, что ломает ноги своей лошади по темным дорогам, на которых и зги не видать, за то, что сам промок до костей, и зловѣще предсказывал, что пролетка кончит тѣм, что полетит в канаву.

Однако, когда Новилль расплатился с ним при свѣтѣ своего электрическаго фонаря, он совершенно преобразился, разсыпался в любезностях и даже, не совсѣм твердо, запротестовал против слишком высокой платы.

— У меня, к сожаленію, нѣт сдачи для monsieur, — притворяясь смущенным и роясь в своих карманах говорил он.

— Не нужно сдачи, — возразил Новилль. — Только вот отвезите сторожа домой. Подождите его пока мы выкатим аппарат.

— С удовольствіем, monsieur! Желаю, monsieur, пріятнаго полета. Однако, благоразумнѣе было бы подождать до утра!

Не слушая его, Новилль, освѣщая себѣ путь бѣлой струей свѣта, льющагося из его карманнаго электрическаго фонаря, подошел к аэроплану и,

с помощью сердито хмурящагося сторожа, выкатил его из под навѣса.

Когда Новилль отдал все, что было у него в бумажникѣ, враждебно косившемуся на него сторожу, с ним произошло то же превращеніе, как и с извозчиком.

— О, это слишком, monsieur. — Замялся он.

— Подождите, вот вам еще, — остановил его Новилль вынимая мелочь из кармана.

„На что мнѣ это?" Промелькнуло в его мыслях. „Все равно деньги растеряются, или сгорят вмѣстѣ со мною".

— Monsieur слишком любезен. Не могу ли я еще чѣм нибудь быть полезным monsieur?

— Нѣт, спасибо. Идите. Извозчик довезет вас домой.

— Тысяча благодарностей, monsieur!

Сторож расшаркался на мокрой травѣ, как на паркетѣ, и направился к дорогѣ, на которой ждал его извозчик.

— Послушайте, Жозеф, мнѣ кажется, что этот сумасшедшій авіатор совершенно пьян, — негромко сказал ему тот наклоняясь с козел. — У него совершенно невмѣняемое лицо, он шатается. Надо бы отговорить его подниматься в таком видѣ, да еще ночью.

— Я и сам думал. Да лучше не вмѣшиваться в такія дѣла. Вернемся-ка по добру по здорову в город. Это самое благоразумное, — рѣшительно произнес сторож залѣзая в пролетку.

— Жалко парня. Как бы не сломал он себѣ шею, — уж больше для очистки совѣсти, чѣм из сочувствія, сказал извозчик подбирая возжи и пуская лошадь. — Ну, теперь пошла без фокусов, — строго приказал он ей. — Я не дождусь

пропустить нѣсколько стаканчиков послѣ этой трепки под дождем.

— И я с вами выпью, — отозвался сторож, с довольной улыбкой ощупывая свой карман.

Новилль методично провѣрил свой аэроплан, обошел его с карманным фонарем, потом вошел в него, захлопнул дверцу и удобно расположился на кожаном сидѣніи.

„Ну вот. Теперь все готово для полета в смерть“, почти спокойно подумал он. „Проберусь через облака. . . увижу звѣзды. . . брошусь к ним. Сдѣлаю рекорд высоты! Буду подниматься, пока не откажется мотор. Тогда я выключу газ, „Серебряная Цапля“ камнем полетит к землѣ, — и acta est fabula! Досадно только, что мнѣ так скверно. Перебои в сердцѣ, боль в желудкѣ, дурнота“. . .

Он достал фляжку с коньяком, выпил нѣсколько глотков. Ему стало лучше. Тот порыв души к полету, котораго он ждал, котораго страстно желал, подхватил его с неудержимой силой.

Его руки дрожали от нетерпѣнія пуская мотор.

„Скорѣе, скорѣе... Еще раз захлебнуться необъятным простором. Забыть все земное. . . Забыть себя. . . Быть только освобожденным от матеріи духом. Быть только порывом ввысь“. . .

Стальная птица свободно взлетѣла с земли, ракетой поднялась в черное небо, но в то же мгновеніе холодный пот покрыл все тѣло Новилля. Он потерял сознаніе.

XLII.

Талочка еле держалась на ногах, когда вернулась домой. Душа ея болѣла, измученная тяжелыми переживаніями и страшными предчувствіями. Тѣло было вымотано безграничной усталостью и простудой.

Однако, она не поддалась соблазву подняться прямо к себѣ и броситься в постель, а, исполняя принятое по дорогѣ рѣшеніе, несмотря на поздній час отправилась к сестрѣ, чтобы открыться ей во всем и попросить у нея совѣта и помощи.

Ирина испугалась увидѣв ее.

— Маленькая, ты больна? — Встревоженно спросила она.

Талочка молча опустилась в кресло и закрыла лицо руками. Она внезапно почувствовала, что не в силах говорить.

Ирина опустилась на колѣни перед нею взяла ея горячія руки в свои.

— Ты была с ним? Да? Случилось какое нибудь несчастье? — Спрашивала она заглядывая ей в лицо. — Говори же. Мы все уладим. Только ничего не скрывай от меня.

— Ты знаешь?

— Давно. Раньше тебя. Я догадалась еще в Ниццѣ. Но видишь, не сумѣла оберечь тебя. Дѣточка моя, ты вся дрожишь. Да ты вся в жару.

— Я простудилась.

— Пойдем к тебѣ. Ты ляжешь и в постели разскажешь мнѣ.

Ирина позвонила Аннунціатѣ и попросила ее принести горячаго чаю и аспирину в комнату сестры.

Нѣсколько минут спустя Талочка уставшая, дрожащая от лихорадки, но успокоенная лаской и уходом сестры, уже лежала в своей кровати. Свѣт был завѣшен. Ирина сидѣла возлѣ нея и поила ее чаем.

— Не лучше ли нам отложить разговор до завтра? Не лучше ли тебѣ сейчас же уснуть, моя крошка? — Спросила она ее.

— Нѣт, Ириночка, я не усну, пока ты не узнаешь... пока я не обсужу с тобою. Вѣдь ты мнѣ ближе всѣх на свѣтѣ... Даже ближе его. Придвинься поближе.Дай мнѣ твою руку.

Талочка стала безсвязно разсказывать пересохшими губами о своей любви к Новиллю, о том, как измучил он сегодня и себя и ее, о только что проведеном с ним днѣ.

— Ты вѣришь тому, что его командировали в боевой отряд, Ирина? — Спросила она сестру. Я, нѣт! Он что то задумал... За сегодняшній вечер я спокойна. Вѣдь он должен доставить „Серебряную Цаплю" на аэродром. А чувство долга, до педантизма, развито в нем. Но завтра, Ириночка, мы с утра должны взяться за него. Он придет. Я увѣрена, что придет. А ты?

— Конечно.

— Я пораньше встану и, на всякій случай, протелефонирую ему.

— Нѣт, Талочка, лучше сдѣлаю это я. Ты выспись хорошенько, чтобы встать здоровой. Увидишь, дорогая, я уговорю его остаться. Если же мнѣ это не удастся, то я разбужу тебя.

— Спасибо, Ириночка... Ах, что то будет!

— Я примусь за Надежду Гавриловну. Уговорю ее развестись с ним. Вы оба слишком мрачно смотрите на будущее. Новилль впечатлителен, как женщина, но вѣдь ты то у меня молодец! С тобою он вылѣчит и свое сердце и свои больные нервы.

— Ты считаешь возможным, что я выйду за него замуж? Ах, ты мой ангел утѣшитель. . . У меня от твоих слов сразу от сердца отлегло. Зачѣм только я так долго все это скрывала от тебя? Ты думаешь, правда, все образуется?

— Мы все сдѣлаем для этого и добьемся своего. А теперь закрой глазки. Спи!

— Когда ты позвонишь ему?

— Рано утром. Ну, спокойной ночи. Аннунціата ляжет здѣсь на кушеткѣ. Постарайся поскорѣе выздоровѣть, чтобы мы вмѣстѣ могли приняться за освобожденіе бѣднаго Ари. Ну, храни тебя Господь.

Ирина перекрестила мечтательно улыбавшуюся сестру и, ласково кивнув Аннунціатѣ, вышла из комнаты.

Она была довольна тѣм, что ей удалось успокоить Талочку. Однако, то, что та разсказала ей о душевном состояніи Новилля, сильно тревожило ее. Высказанное им Талочкѣ намѣреніе доставить аэроплан на аэродром, не казалось ей особенно убѣдительной гарантіей того, что он благополучно вернется домой. Она подозрѣвала его в том, что он рѣшился покончить с собою. А что может казаться цѣнным, человѣку уходящему из жизни.

„Если все благополучно обошлось сегодня, он должен быть уже дома“, подумала она подходя к телефону и называя номер Новиллей.

— Алло! — Отвѣтил голос Надежды Гавриловны. — Кто там?

— Это я, Ирина де Валер. Простите, что звоню так поздно, но у меня завтра есть ложа в Фемина. Хотите поѣхать с нами?

— Ах, с восторгом! Мерси. Подумайте, маркиза, мой пропал. Я справлялась на авіаціонном полѣ. Мнѣ сказали, что он улетѣл сегодня утром, должен был снизиться гдѣ то в провинціи, но обѣщал вернуться под вечер. С тѣх пор ни слуху, ни духу. Что вы на это скажете? А?

— Он, навѣрно, не захотѣл подняться в такую плохую погоду и прилетит завтра утром.

— Возможно. Но мнѣ то каково? А?

— Совѣтую вам лечь спать и не безпокоиться. Он, навѣрно, вернется завтра. Итак, до свиданія.

— Мерси за приглашеніе. Очень рада.

— Спокойной ночи, — Ирина повѣсила трубку и вернулась к себѣ.

Ее мучило предчувствіе какой то драмы в жизни Талочки. Она долго не могла уснуть и проснулась позднѣе обыкновеннаго.

— Синьоринѣ много лучше, — доложила Аннунціата, подавая ей кофе в постель. — Синьорина хорошо спала и спит еще.

— Тѣм лучше, но все таки телефонируйте доктору.

Раздался стук в дверь. Аннунціата вышла в коридор и тот час же вернулась.

— Синьора Новилль внизу. Она желает немедленно говорить с синьорой маркизой.

— Попросите ее сюда.

Надежда Гавриловна блѣдная и растрепанная вбѣжала в комнату и упала в кресло, стоящее у постели Ирины. Губы ея так дрожали, что она долго не могла говорить.

Аннунціата подала ей воды с валеріановыми каплями.

— Несчастье с мужем, -- проговорила она наконец. — Он поднялся вчера вечером. С аппаратом что то случилось. Падая, он застрял на деревьях. Ари ударился обо что то головой. Сотрясеніе мозга. Пострадали глаза. Он ослѣп. Что я теперь буду дѣлать со слѣпым то? А?

— Он в сознаніи?

— Нѣт.

-- Вы видѣли его?

— Ни за что! Я боюсь слѣпых. Я прямо бросилась к вам за совѣтом.

— Пока никому ни слова об этом здѣсь, Надежда Гавриловна. Вернитесь домой, дорогая. Постарайтесь успокоиться. Я сейчас же поѣду в больницу к вашему мужу. Все узнаю и пріѣду к вам. Может быть его зрѣніе пострадало только временно.

— Профессор сказал, что нѣт никакой надежды на прозрѣніе.

— Профессора часто ошибаются. Хотите, Аннунціата проводит вас домой?

— Нѣт, что вы. Мнѣ уже лучше. До свиданія. Большое спасибо.

Поспѣшно одѣвшись, Ирина прошла к Талочкѣ. Та только что проснулась и тревожно приподнялась с подушек увидѣв сестру.

— Ну, что? — Спросила она.

— Представь себѣ, Ари тоже простудился и, конечно, не уѣдет на фронт. Он просит тебя быть спокойной и беречь себя. Сейчас пріѣдет доктор. Аннунціата останется с тобою.

— А ты!

— Я должна ѣхать на открытіе одного лазарета. Скоро вернусь.

— Ириночка, мнѣ лучше. Я встану.

— Нѣт, нѣт. Лежи пока я вернусь. И не звони Новиллю. Он в постели.

— Мы оба простудились вчера. Холод был ужасный!

— До свиданія, крошка. Я тороплюсь.

В больницѣ Ирину очень любезно принял главный врач, доктор Марти, восторженный поклонник де Валера.

— Ужасное несчастье, — с искренним участіем говорил он. — Такой талантливый, смѣлый человѣк. Несмотря на свою молодость, он создал себѣ имя, как авіатор и как художник. За жизнь его я отвѣчаю. У него сильная натура и он выздоровѣет. Но зрѣніе, — доктор пожал плечами. — Зрительный нерв, к счастью, не поврежден, как говорил профессор, но роговая оболочка сильно пострадала и, кажется, сѣтчатая плева. Он думает, что нѣт надежды.

— Доктор, прошу вас не отнимать ее у больного, — попросила Ирина. Мы созовем консиліум, сдѣлаем все, что в человѣческих силах, чтобы излѣчить его. Он нам очень близок. Это большой друг нашей семьи. Я хотѣла бы взглянуть на него.

Новилль неподвижно лежал на спинѣ. Вся голова его была забинтована марлевым бинтом так, что почти не видно было лица.

У его кровати сидѣла монахиня в большом накрахмаленном бѣлом чепцѣ.

Убѣдившись в том, что у него хорошая комната и отличный уход, Ирина простилась с доктором, обѣщавшим ей взять Новилля под свое личное наблюденіе, и поѣхала к Надеждѣ Гавриловнѣ.

Она застала ее укладывающей сундук среди разбросанных вещей.

— Не могу я больше, маркиза! — Воскликнула она в отвѣт на удивленный взгляд Ирины.

— Вот вѣрьте не вѣрьте, сил нѣт, как мнѣ здѣсь все надоѣло! Я давно уж собиралась его бросить и вернуться к папашѣ, да все не рѣшалась как то... А теперь рѣшилась. Я уж давно от папаши отвѣт получила, на мою просьбу простить меня и принять к себѣ. Он мнѣ написал опредѣленно: „если вернешься одна, без своего ферлакура и потомства, — приму, будешь жить у меня, как раньше, разведу тебя и все свое имущество тебѣ откажу". Дура я была бы безпардонная, если бы не послушалась его. А главное, не могу я быть со слѣпым... До ужаса я слѣпых боюсь. Что же, мнѣ сидѣлкой быть всю мою жизнь при нем? Да еще с его бѣшенным характером? Нѣт, мерси!...

— А как же Нини? — Перебила ее Ирина.

— Ах, маркиза, я вас хотѣла попросить... Вы так любезны и мадемуазель Талочка тоже... Не возьмете ли вы Нини к себѣ, пока Ари в больницѣ? А то мнѣ придется оставить ее здѣсь с кухаркой. Взять ее с собой я не могу. Папаша — кремень... Что сказал, — так отрубил.

— Вы навсегда отказываетесь от ребенка?

— Что же мнѣ дѣлать, маркиза? Не могу же я из за нее испортить всю мою жизнь. Вѣдь у папаши я царицей буду жить. Могу еще партію сдѣлать, за богатаго, или титулованнаго, как вы...

— Я могу взять Нини, если вы дадите мнѣ письменное заявленіе о том, что навсегда отказываетесь от нея.

— С удовольствіем, маркиза.

— Даже с удовольствіем! — Сорвалось у Ирины.

— Ах, маркиза, вы не понимаете меня!

— Нѣт, да вѣдь это и лишнее,—холодно отвѣтила Ирина. — Будьте добры написать мнѣ это заявленіе.

— Вот бумага. Ну как же писать? „Отказываюсь от дочери моей Нини Новилль в пользу моего мужа и передаю ее на попеченіе маркизы де Валер. Надежда Новилль".

Надежда Гавриловна писала старательно, вырисовывая буквы, и подписалась с длинным росчерком.

— Вот, маркиза.

— Число?

— Ах, да... Ну, а когда можно прислать к вам Нини?

— Я сейчас же возьму ее с собою.

— Я уложу вам ея вещи.

— Если хотите. Но вѣдь ей все Татино впору. А гдѣ же она?

— Не знаю. Навѣрно в кухнѣ. Нини! Нини! — Закричала Надежда Гавриловна открывая двери.

Но Нини не прибѣжала на ея зов и она пошла искать ее.

„Она, навѣрно, в ателье", почему то подумала Ирина. Не говоря о своем предположеніи Надеждѣ Гавриловнѣ, она вышла в коридор и по узкой деревянной лѣстницѣ поднялась в „святое святых" Новилля.

Там дѣйствительно, свернувшись жалким клубочком и уткнувшись лицом в уголок дивана, лежала тихонько всклипывая Нини. Услышав шум открывающейся двери, она подняла свое блѣдное заплаканное личико.

Ирина подошла к ней, с горячей нѣжностью прижала ее к себѣ.

— О чем? — Ласково спросила она ее.

— Папа слѣпой... Никогда не увидит Нини... Никогда не будет здѣсь писать картины, — стала разсказывать дѣвочка, заглядывая ей в лицо полными слез глазам и, охватив ея шею тоненьки-

ми ручонками, снова зарыдала прижавшись щекой к ея плечу.

— Кто это тебѣ сказал, Нини? — Спросила Ирина.

— Мама.

— Мама ошиблась. Я сейчас была у папа. Он выздоровѣет и даже очень скоро. Ты увидишь. . .

Нини выпрямилась, соскочила с колѣн Ирины и смѣясь и прыгая захлопала в ладоши.

— Правда? Правда? — Спрашивала она, не помня себя от радости.

— Конечно правда. И знаешь новость? Пока папа нездоров, ты будешь жить с Талочкой и со мной. Я сейчас возьму тебя с собою. Хочешь?

При этих словах Нини пришла в такой неистовый восторг, что ея радость передалась Иринѣ.

— Ну, пойдем, маленькая. Уже два часа. Тебѣ давно пора кушать и ты, навѣрно, голодна. Тебя, навѣрно, забыли накормить. Ты кушала?

— Нѣт.

— Ну, пойдем.

Онѣ спустились в квартиру.

— Зачѣм ты в ателье бѣгала? Сколько раз тебѣ запрещали! А я тебя здѣсь и в саду ищу, — упреками встрѣтила Надежда Гавриловна дочь. — Как вы нашли ее, маркиза?

— Я заперла ателье. Вот ключ. Что вы думаете дѣлать с ним? — Не отвѣчая на вопрос, спросила Ирина.

— Ах, маркиза, возьмите его к себѣ! А ключ от квартиры принесет вам сегодня кухарка, когда я уѣду. Я отказала ей.

— Я пришлю Аннунціату. Она сдѣлает инвентарь и запрет квартиру за кухаркой.

— Ах, мерси, маркиза. Я вам очень признательна. Пожалуйста, кланяйтесь мадемуазель Талочкѣ, старшей маркизѣ и всѣм. . . Ну, Нини, поди сюда. Прощайся с мамой, — сказала она обнимая дочь. — Не забывай никогда, что у тебя мама была, которая тебя очень любила и баловала,— театральным тоном добавила она, чтобы произвести пріятное впечатлѣніе на Ирину, но та уже с трудом сдерживала раздраженіе.

— Нини ничего еще не кушала, — перебила она изліянія нѣжной матери. — До свиданія, Надежда Гавриловна. Желаю вам счастливаго пути.

— Ах, мерси! Я вам непремѣнно напишу от папаши. Вот вам мой адрес. Я записала на случай. Нини, смотри, слушайся маркизу. Ну, поцѣлуй меня.

Нини разсѣянно поцѣловала мать.

Ирина взяла ее за руку и поспѣшно вышла с нею из передней.

Кухарка несла за ними узел с вещами Нини и положила его к их ногам, когда онѣ сѣли в автомобиль.

Вернувшись домой и сдав Нини на попеченіе Аннунціаты, Ирина отправилась к сестрѣ. Она рѣшила сказать ей правду и дать ей надежду на прозрѣніе Новилля, чтобы смягчить удар и дать ей время привыкнуть к страшной мысли.

Это удалось ей лучше чѣм она ожидала. Извѣстіе о том, что Новилль, каким то чудом, не был убит при паденіи „Серебряной Цапли", о том, что он свободен и о том, что Нини навсегда отдана ему,—наполнило ее таким ликующим невообразимым счастьем, что она полна была оптимизма.

— Я недавно читала, что теперь дѣлают такія удивительныя глазныя операціи,—возбужденно го-

ворила она Иринѣ.—Не может быть, чтобы современныя свѣтила науки не излѣчили его. Скажи, когда мнѣ можно к нему?

— Когда ты поправишься, дорогая.

— У меня нѣт жара. Доктор позволил мнѣ встать.

Тогда поѣдем завтра, вмѣстѣ.

— Ну, теперь я займусь моей Нини!

Ирина в тот же вечер написала мужу о трагедіи Новилля, прося его пріѣхать, а если это невозможно, письменно посовѣтовать ей, что предпринять, чтобы помочь сестрѣ в ея трудном положеніи.

На другое утро доктор Мартини телефонировал Иринѣ, что Новилль пришел в сознаніе и мужественно принял сообщеніе профессора о том, что он временно ослѣп.

— Он попросил меня позвонить на его квартиру, там никто не отвѣчает, — добавил доктор Марти. — Как быть?

— Прошу вас сказать господину Новиллю, что его дочка у нас и что сестра сейчас пріѣдет его навѣстить, — отвѣтила Ирина. — У нас есть для него очень радостная вѣсть. Скажите, радостное волненіе не вредно ему?

— Наоборот.

— Спасибо, доктор. До свиданія.

Талочка, не помня себя от счастья, мчалась в больницу, но войдя в комнату Новилля, увидѣв его забинтованным и неподвижным, она внезапно поняла, что его состояніе много тяжелѣе и опаснѣе, чѣм она предполагала.

Она робко подошла к его постели и прильнула губами к его, лежащей на одѣялѣ, рукѣ.

— Талочка... счастье мое... Вот не думал... — Слабо проговорил он.

— Ари, милый, слушай... Только не волнуйся...

— Что такое? О какой радостной вѣсти намекал мнѣ доктор?

— Твоя жена навсегда уѣхала к отцу и добровольно отказалась от Нини, — негромко проговорила Талочка склонившись над ним. — Теперь ты свободен и я твоя невѣста.

Он судорожно сжал ея руку. Его тонко вырѣзанныя ноздри задрожали. Он не мог говорить.

— Как только ты выздоровѣешь,—мы обвѣнчаемся.

— Я не хочу, чтобы у тебя был слѣпой муж.

— Во-первых, ты очень скоро будешь видѣть. А во-вторых, ты не можешь так скомпрометировать меня, — отвѣтила она, стараясь говорить шутливо. — Ирина все знает и уже сообщила Клоду. Я уж написала маминѣ и папа, что выхожу за тебя.

— Талочка... сумасшедшая, — невольно улыбнулся он счастливой улыбкой.

— Вот так то лучше, чѣм вѣчно со мною спорить. Но теперь помолчим. Я не отойду больше от тебя.

XLIII.

На сѣверном фронтѣ, на котором находился де Валер, шли безпрестанные ожесточенные бои. Нѣмцы наступали, армія Фоша ожесточенно боролась с ними, оттѣсняя их.

Списки убитых и раненых становились все длиннѣе. Все мирное населеніе Парижа было измучено, истощено. К тому же, начал свирѣпство-

вать „испанскій грипп“. Смертность была так велика, что не хватало гробов. Почти в каждом домѣ кто нибудь умирал. Сидѣлки были на расхват.

Во дворцѣ де Валера заболѣла большая часть прислуги. Несмотря на то, то больные тот час же были отправлены в больницу и всѣ комнаты дезинфицированы, заболѣла маркиза Долорес.

Иринѣ долго не удавалось найти для нея сидѣлку и за нею ухаживала, никогда не болѣвшая и не боявшаяся заразы, Аннунціата. Нѣсколько дней спустя заболѣла молоденькая гувернантка, взятая Талочкой для Нини. Ее отправили на половину старшей маркизы, под опеку Аннунціаты.

Наконец, на десятый день Иринѣ удалось, с помощью доктора Марти, получить сестру милосердія. В тот же вечер заболѣла Нини. Ее положили в ту же комнату, в которой лежала ея гувернантка.

Талочка огорчалась, что не могла ходить за нею сама, так как боялась перенести заразу быстро поправлявшемуся Новиллю, у постели котораго она проводила весь день.

Ирина должна была беречь себя в виду своего положенія. Она дрожала за ребенка Клода и, боясь заразы, жила в двух комнатах, сносясь с внѣшним міром только через вернувшуюся к ней Аннунціату.

Тяжелы были, в этой гнетущей обстановкѣ, одинокіе дни и ночи, часто проведенные без сна, отравленные страшными мыслями и предчувствіями.

Ей казалось, что „Тѣсныя Врата“ ея жизни все съуживаются, сдавливают ее. Что не счастье, а скорбная гибель ожидает ее.

Болѣе двух недѣль прошло с тѣх пор, как она написала Клоду о Новиллѣ, но отвѣт его все не приходил. Это небывало долгое молчаніе мужа заставляло ее жить в постоянной судорогѣ страха. Она, как потерянная, бродила по своим комнатам. Ничего не могла ѣсть. Ничѣм не могла заняться.

Как то ночью она так металась и стонала во снѣ, что Аннунціата смѣрила ей температуру. Ртуть градусника поднялась до тридцати девяти.

Вызванный доктор опредѣлил „испанскій грипп".

Так боявшаяся, из-за ребенка, этой болѣзни Ирина, приняла ее спокойно. Она слишком устала душевно бороться против неуловимых токов, грозящих ей несчастій. Она предалась своей судьбѣ и нашла в этом что то похожее на успокоеніе. Жар горячим туманом заволок от нея дѣйствительность, смѣшал ея мысли и составлял из них длинныя цѣпи безразличных и нелѣпых снов. Только один из них часто повторялся и заставлял ее страдать. Она видѣла себя в больничной палатѣ, слабо освѣщенной керосиновой лампой, с низко опущеным абажуром из зеленаго картона. Посреди комнаты стояли длинные ряды постелей, на которых спали раненые. Она наклонялась над каждым из них, всматриваясь в их бородатыя лица, мучительно отыскивая между ними Клода и не находя его.

Просыпаясь, она разсказывала этот сон Аннунціатѣ, каждый раз забывая, что дѣлала это уже так часто.

Аннунціата мѣняла компрессы на ея головѣ, приглаживала ея волосы, утѣшала ее, как могла.

На третій день болѣзни Ирина почувствовала боли в поясницѣ. Встревоженный этим профессор Болье, уже много лѣт лѣчившій де Валеров, немедленно вызвал гинеколога. Тот подтвердил его предположеніе о том, что начались преждевременныя роды.

Ирина сильно страдала весь день, а вечером безутѣшно рыдала оплакивая своего ребенка, ребенка Клода, котораго она любила, берегла и потеряла, никогда не увидѣв его.

Талочка и Аннунціата всю ночь просидѣли с нею, утѣшая ее, ухаживая за ней.

Талочка была в отчаяніи, не зная что ей предпринять. Ирина запретила ей писать о ея болѣзни Рдищевым, боясь что они пріѣдут с Татой в полный заразы дом и просила ее не волновать этим извѣстіем Клода.

Однако, посовѣтовавшись с профессором Болье, она все таки написала экстренную открытку де Валеру.

Это было на пятый день болѣзни Ирины, в который ей было особенно плохо.

Ночью температура поднялась до сорока. Все тот же удушливый сон пытал своей яркостью ея пылающій мозг.

Вдруг она почувствовала прохладную руку на своем лицѣ. Руку, по которой так долго тосковала, которую так любила. Боясь, что это только продолженіе сна, она схватила ее, прижала к своим губам, боясь проснуться... Боясь открыть глаза.

— Она, кажется, не спит, — проговорил над нею голос де Валера.

Тогда длинныя рѣсницы ея медленно поднялись с горящих, удлиненных жаром, глаз, которые впились в лицо мужа, точно боясь спугнуть видѣніе. Однако, наконец, поняв, что он дѣйстви-

тельно здѣсь, дѣйствительно с нею, она радостно вскрикнула и охватила его шею руками. Но вдруг омомнилась.

— Уйди. Не трогай меня. Ты заразишься.

— Я для этого слишком закален. Я не только не заболѣю, а быстро заражу тебя своим здоровьем.

—Мнѣ уже лучше. Много лучше. Дай мнѣ воды... Который час?

— Пять. Уже свѣтает.

— Тебя вызвала Талочка?

— Я не получил ея письма. Я командирован в Париж. Мнѣ дано важное порученіе. Теперь я долго, долго останусь с тобою, моя бѣдная, моя любимая, — говорил де Валер покрывая поцѣлуями ея руки. — Как тяжело мнѣ, что я не был с тобою, когда ты страдала из-за меня. Это слишком жестоко.

— Что страданіе, Клод? Но мы потеряли его...

— Он вернется к нам. Вѣдь душа его еще не воплотилась в нем. Она воплотится в новом тѣлѣ и мы еще больше будем любить его. Только постарайся поскорѣе выздоровѣть... Постарайся, ради меня...

— Ты здѣсь и внезапно весь мир стал другим. Ты со мною и я самая счастливая женщина на свѣтѣ. Я почти здорова. Нѣт, совсѣм, совсѣм здорова... Только слаба...

Пріѣхавшій в полдень профессор Болье удивился быстрому улучшенію ея здоровья.

— Кризис наступил раньше, чѣм я думал, — сказал он де Валеру освидѣтельствовав свою паціентку. — Кромѣ того, мои вспрыскиванія совершают чудеса.

— Но самый чудотворный цѣлитель, — это счастье, профессор, повѣрьте мнѣ! — Смѣясь

воскликнула Ирина. — Ах, я так упоительно чувствую себя.

— Рад это слышать, маркиза. Могу вам сдѣлать пріятное сообщеніе: всѣ мои паціентки в этом домѣ почти здоровы.

— Слава Богу, — с облегченіем проговорила Ирина. — Бѣдный мой Клод, ты попал в зачумленный замок.

Недѣлю спустя, в заново дезинфицированном домѣ де Валеров снова водворилась здоровая и спокойная жизнь.

Ирина и Клод были безпредѣльно счастливы, отдыхая вмѣстѣ от страданія вѣчных разлук. Они, с болѣзненной утонченностью, цѣнили каждый час проведенный вмѣстѣ и, щадя друг друга, не говорили ни о войнѣ, ни об утраченном ребенкѣ, ни о близком будущем, в котором им предстояли новыя жизненныя испытанія.

Однако, полные друг другом, они не забывали о своих близких и были особенно озабочены Талочкиной судьбой.

Развод Новилля начался. Здоровье его возстановилось. Он должен был уже выйти из больницы, но Талочка так огорчалась при мысли, что ему придется слѣпым одиноко жить в своей прежней квартирѣ, что она под разными предлогами затягивала его пребываніе в привычной ему теперь больничной обстановкѣ, под надзором доктора Марти.

— Бѣдная дѣвочка. Ужасно ее жаль, — сказал, как то утром, Иринѣ де Валер. — Знаешь, мнѣ кажется, что я нашел отличный выход. Пусть Новилль переѣзжает к нам. Здѣсь Талочка сама может ухаживать за ним. Если это вызовет толки, или сплетни,—то нужно просто игнорировать их, ибо они могут быть пущены только негодями. Всякій честный человѣк должен преклониться пе-

ред дѣвушкой, видящей все счастье своей жизни в том, чтобы служить слѣпому человѣку и его ребенку. Маленькая Талочка идет по твоим стопам, Ирина. Вѣдь и ты не отказалась бы от меня, если бы я стал инвалидом.

— Клод, как ты можешь...

Ирина поблѣднѣла. Прижалась к его груди.

— Прости, — прошептал де Валер. — Я часто об этом думал там. Но не будем говорить об этом... Забудь! Пойдем, скажем Талочкѣ. Может быть она еще дома.

Как раз в эту минуту Талочка вошла в комнату с Нини.

— Я помѣшала? — Спросила она улыбаясь.

— Наоборот, дорогая, ты нам очень нужна. У Клода есть новость для тебя.

Выслушав предложеніе де Валера, Талочка вдруг схватила его руку и прижала ее к губам.

— Нѣт, это слишком, Клод. Да ты не знаешь, от какого горя избавляешь меня, — порывисто проговорила она глотая слезы. — Только я ужасно боюсь, что Ари не захочет.

—Ну так мы всѣ пойдем просить его об этом: ты, Нини и я. Посмотрим, удастся ли ему отдѣлаться от нас?

— Автомобиль уже ждет меня у подъѣзда,— взволнованно сказала Талочка.

— Ну, так в дорогу! — Весело воскликнул де Валер.

— И я с вами, — нерѣшительно проговорила Ирина.

— Нѣт, ты слишком слаба. Через час я вернусь за тобою и повезу тебя в буа.

Пріѣхав в больницу, де Валер попросил Талочку подождать с Нини в коридорѣ и вошел к Новиллю один.

— Что вы здѣсь натворили без меня, бѣдный мой мальчик? — Сердечно проговорил он пожимая ему руку.

— Маркиз? — Новилль по тону узнал его голос.

— Называйте меня Клодом. Вѣдь вы скоро будете моим beau frèr'ом.

Новилль откинул голову на подушку кресла, на котором сидѣл, руки его сжали поручни.

— Не волнуйтесь так, Ари. О чем же?

— Я не могу, не могу жениться на Талочкѣ! Я не могу разрушить ея блистательное будущее, сдѣлать из нее няньку, сидѣлку, поводыря... Помогите мнѣ, маркиз, отговорить ее.

— И не подумаю, мой милый, — с глубокой серьезностью возразил ему де Валер садясь возлѣ него. — Талочка вас любит. Значит все счастье ея жизни в вас, а не в каком то „блистательном будущем“. Если вы заставите ее отказаться от вас, вы сдѣлаете ее несчастной. Но вам это и не удастся. Поэтому, избавьте ее и себя от мучительных сомнѣній и объясненій. Покоритесь своему счастью. Это не так трудно.

— Боже мой, маркиз, что вы всѣ за люди!.. Ваша супруга, Талочка, вы...

— Ирина и Талочка дѣйствительно исключительныя женщины. Мы должны молиться на них, Ари.

— Вот именно. Я чувствую себя недостойным Талочки.

— Она не полюбила бы недостойнаго ея человѣка, а она вас любит и не разлюбит никогда. Довольно сомнѣній, довольно истязаній, Ари. Вѣдь и Талочка страдает от них. Довѣрьтесь ей, довѣрьтесь вашему счастью. Тогда будет счастлива и она.

— Вы, вы совѣтуете мнѣ это? Вам я не могу не вѣрить. Вы так много дали мнѣ своим

искусством, своею личностью. Я преклоняюсь перед вами, перед вашим патріотизмом. Вѣдь с самаго начала войны вы отказались от своего искусства для себя, пѣли только для того, чтобы облегчить нужду тѣх. . .

— Которые жертвуют для родины единственным и послѣдним, что имѣют, Новилль,—жизнью, семьей. . . Для тѣх, которые жертвуют лепту вдовицы. Им отдаю я то, без чего легко могу обойтись.

— Вы, как и они, ежеминутно рискуете вашей жизнью на передовых позиціях. . . Повторяю, Клод, я преклоняюсь перед вами.

— Вы любите меня? Я требую доказательства.

— Все, что хотите.

— Вы сегодня же переѣдете в мой дом и будете жить с нами. Это необходимо для Талочки. Она не хочет разставаться с вами, а в вашей квартирѣ ей неудобно бывать. Итак, вы наш плѣнник. И добровольный плѣнник. Да?

— Чѣм могу я отплатить вам всѣм?

— Чувствуя себя счастливым между нами и давая счастье нашей Талочкѣ. Она здѣсь с Нини. Онѣ сейчас же увезут вас отсюда. Итак, мы встрѣтимся за завтраком.

— Ах, Клод, у меня голова кругом идет.

— Талочка поставит вам ее на мѣсто.

— Я, кажется, безумно счастлив. . .

— Вот это дѣло, мой дорогой! Обѣщайте мнѣ всегда обо всем откровенно говорить со мною, считать меня вашим другом и ничего не предпринимать не посовѣтовавшись со мною.

— Обѣщаю и за все, за все благодарю.

— Итак, до свиданія. Талочка и Нини навѣрно заждались, — обняв Новилля, де Валер быстрыми шагами вышел из комнаты.

— Ну что? — Порывисто спросила его Талочка, когда он вышел в коридор.

— Согласен.

— Нини, папа согласен жить с нами,—объяснила Талочка Нини. — Скорѣе, скорѣе побѣжим к нему.

Полныя бурной радости, онѣ бросились в комнату Новилля.

XLIV.

Уже в началѣ Іюля Рдищевы вернулись в Париж и на этот раз остановились у Ирины.

Михаил Анатольевич был сильно огорчен намѣреніем Талочки выйти замуж за слѣпого Новилля, однако он уже знал по опыту, что родители безсильны измѣнить судьбу своих дѣтей и молча покорился неизбѣжному.

Новилль был уже разведен. Он перешел в православіе. Свадьба его и Талочки была назначена на двѣнадцатое Іюля.

Опасаясь, что тихая свадьба, в виду убожества Новилля, примет слишком печальный характер, де Валер настоял на том, чтобы она была отпразднована как можно торжественнѣе.

Несмотря на то, что Париж был почти пуст, было разослано много приглашеній и в русской церкви ожидался большой съѣзд.

Послѣ вѣнчанія должен был состояться званый обѣд у де Валеров.

В этот знаменательный день, солнечный и яркій, в их домѣ, как и пологается, царило радостное волненіе, в центрѣ котораго находилась, так и свѣтившаяся счастьем, Талочка.

Всѣ смотрѣли на нее с особенной улыбкой, всѣ обращались с нею с особенной нѣжностью.

Даже каменное лицо метр-д'отеля становилось мягким, когда он докладывал ей, что принесли еще корзину цвѣтов, что пришла еще пачка телеграмм.

Лишь Новилль, который по русскому обычаю должен был встрѣтиться с Талочкой только в церкви, с самаго утра не знал не только радости, но и покоя.

Чѣм ближе подходил рѣшительный час, тѣм сильнѣе терзали его сомнѣнія в том, имѣет ли он право связать жизнь Талочки со своею?

Он так возбужденно бѣгал по своей комнатѣ взад и вперед, что его лакей, боясь, что он может ушибиться или упасть, послал за де Валером.

— Ари, я пришел за вами, — сказал тот входя в комнату.—Поѣдемте в буа. Надо же чѣм нибудь убить время. Нашим дамам сегодня не до нас. Мы совершенно покинуты.

— Клод, я рад, что вы пришли. Умоляю вас, попробуйте отговорить Талочку, пока не поздно. Я знаю, я останусь слѣпым. Как это повліяет на мой характер? Сумѣю ли я сдерживать горечь... Я безумно ревнив и никогда не буду знать, кто смотрит на мою жену. На кого смотрит она...

— Ари, сомнѣваться в Талочкѣ, — это грѣшно! Опять вы бередите свои раны вмѣсто того, чтобы наслаждаться своим счастьем. Это же безуміе. Если бы вы видѣли, как сіяет сегодня ваша невѣста...

— Талочка... — С безконечной любовью и тоской вырвалось у Новилля.

— Я сейчас устрою вам тайное свиданіе с нею. Хотите? Она лучше меня проберет вас за

ваши душевныя самоистязанія, — не слушая возраженій Новилля, де Валер вышел из комнаты.

Нѣсколько минут спустя прибѣжала Талочка и бросилась на шею жениху.

— Ари, несносный... Клод мнѣ сказал. Ну, что мнѣ с тобой дѣлать? Здравствуй. Мы не видѣлись сегодня. Ты не хочешь меня поцѣловать?

От нея вѣяло свѣжестью, нѣжными духами. Кожа ея лица была под его губами шелковиста и нѣжна, как лепестки цвѣтов.

— Довольно, — прошептала Талочка, невольно прижимаясь к его груди.

— Талочка, послушай, — прерывающимся голосом заговорил он. — У тебя еще есть время. Одумайся! Нельзя судить по тому, как все между нами теперь. Я так счастлив, так полон тобою, что не осознаю моего убожества вполнѣ. Но хватит ли у меня силы примириться с жизнью в вѣчном мракѣ, в вѣчной зависимости от других? Я вспыльчив, я необуздан. Я, кажется, ревнив. Подумай, какова будет твоя жизнь со слѣпым деспотом, с больным, безпомощным человѣком.

— Довольно же, Ари! Я все это слышала уже тысячу раз и тысячу раз отвѣчала тебѣ: „Ну и пусть ты будешь деспотом, ну и пусть я буду несчастна! Несчастье с тобою все же много лучше, чѣм жизнь без тебя. Пойми же, наконец, что я не могу жить без тебя, как и ты без меня. Пойми, наконец, что ты никогда, никогда не отдѣлаешься от меня и примирись с этим, несчастный!“ Видишь, ты улыбаешься... Глупый, гадкій! Боже мой, как я счастлива... Как я тебя люблю!

— Талочка...

— Ты увезешь меня сегодня?

— Нѣт. Ты меня...

— Да, я тебя. Это еще лучше.

— Чудесное свадебное путешествіе для тебя, — в глазную больницу.

— Настоящее свадебное путешествіе мы сдѣлаем послѣ твоей операціи. Прямо из Цюриха помчимся в Гетари.

— Талочка, не создавай себѣ напрасных надежд! Я останусь слѣпым. Видишь, я был прав. Нужно было отложить свадьбу до того времени, когда окончательно выяснился бы вопрос о моем зрѣніи. Тогда у тебя не осталось бы иллюзій...

— Ари, я желаю, чтобы ты прозрѣл для тебя. Только для тебя. Мнѣ ты еще дороже таким. Когда ты весь мой, тогда я все для тебя: твоя радость, твоя жизнь, твои глаза... Когда ты мысленно видишь только меня. Вѣдь и я ревнива. Кромѣ того, я хочу всѣ твои мысли, все твое время для себя одной. Я гадкая эгоистка. Я знаю...

— Ах, Талочка, как я не достоин тебя! Какой ты маленькій герой... Одно успокаивает меня. Это то, что существует развод.

— Ари, Бог знает до чего ты договорился! Перестань мучить меня и себя. Я счастлива безумно. Ирина говорит, что плакала в день своей свадьбы, что у нея были плохія предчувствія. А у меня наоборот, так воздушно, так свято на душѣ.

— Ах, я забыла разсказать тебѣ. Сегодня была статья в газетѣ о нашей свадьбѣ. В ней написано, что „молодой герой этой войны“, совершившій какія то чудеса храбрости, ставшій командантом в двадцать пять лѣт, имѣющій такіе то и такіе то ордена, — женится на какой то русской барышнѣ из высшаго свѣта... Ты женишься на ничтожествѣ, глупый!

Новилль так порывисто обнял Талочку, что поднял ее на воздух.

Они оба громко разсмѣялись.

— Теперь отпусти меня, милый, — сказала Талочка пробуя освободиться из его рук. — Мамина разсердится, если узнает, что я была у тебя.

Раздался легкій стук в дверь.

— Вот видишь, меня уже ищут. Клод дает мнѣ условный знак. До свиданія, мой жених. Я в послѣдній раз разговариваю с моим женихом.

— Я в послѣдній раз цѣлую мою невѣсту... Милая... Милая...

Снова раздался стук в дверь.

Талочка высвободилась из объятій Новилля, усадила его в кресло и выбѣжала из комнаты.

Около пяти часов вечера, послѣ краткой церемоніи гражданскаго брака в мэріи, при которой присутствовали только самые близкіе, Ари и Талочка поѣхали в русскую церковь.

Ирина ввела Новилля в церковь, полную свадебных гостей.

Его высокая тонкая фигура была затянута в парадный авіаторскій мундир, украшенный орденами. Темныя очки придавали особенную блѣдность его красивому нервному лицу, но он двигался так рѣшительно и увѣренно, что не производил впечатленія слѣпого. Казалось, что он ведет Ирину, а не она его.

Шопот симпатіи пробѣжал среди присутствующих.

Вдруг грянул хор, открылись двери и появилась Талочка под руку с отцом.

Она была похожа на легкое воздушное видѣніе. Блѣдно-золотые локоны ея слегка выбивались из под діадемы из мирт. Фата, из тонкаго тюля, бѣлой дымкой окутывала ея стройную гибкую фигурку, плыла за нею, как легкій туман до кон-

ца ея длиннаго трена, который несли, одѣтыя в одинаковыя, очень коротенькія и пышныя розовыя платьица, Тата и Нини.

— Как она хороша! Не женщина, а мечта! — Проговорил кто то вблизи от Новилля. Он вздрогнул весь от муки. Всѣ, всѣ видят его невѣсту. Всѣ, кромѣ него.

Но вот подошел к нему кто то. Ирина незамѣтно подвинула его вперед.

„Священник", догадался он по шуршанію парчевых тканей, по крупной мужской рукѣ, взявшей его руку.

— Я веду вас к невѣстѣ, — шепнул ему добрый старческій голос.

Новилль, слѣдя за собою, легкой увѣренной походкой послѣдовал за ним.

На него повѣяло сладким ароматом флер д'оранжа и Талочкиных духов. Рука его задѣла фату, цвѣты, но вот скользнули в нее любимые нѣжные пальцы. Их радостный трепет передался ему.

Когда священник повел жениха и невѣсту, в голубых волнах фиміама, к алтарю, от прекрасных юных лиц их исходила такая освѣтленность, такая полнота счастья, что присутствующіе с невольным умиленіем любовались ими и в самых черствых сердцах загорѣлась искра благожелательства к ним.

Слезы блеснули в глазах Ирины.

— Как они трогательны, как милы, — шепнула ей на ухо Нина Петровна.

Когда жених и невѣста обходили аналой, над Новиллем нес золотой венец де Валер, а над Талочкой — семнадцатилѣтній Боб.

Он уже на пол головы перерос свою высокую сестру, гордился своими бѣлокурыми усиками и был красив, как всѣ Рдищевы.

Ирина устроила так, что первою Талочку поздравила Нини.

— Мама, — шепнула ей дѣвочка повиснув на ея шеѣ.

Талочка порывисто прижала ее к себѣ и подняла к мужу.

Молодые авіаторы, друзья и ученики Новилля, выстроились в два ряда по всей лѣстницѣ. Они держали длинные стебли лилій в руках и, скрестив их, как шпаги, составили длинный цвѣточный шатер, под которым прошли молодые.

— Да здравствует Новилль, наш національный герой!

— Да здравствует его молодая супруга!

— Да здравствует Новилль, рыцарь голубого воздуха! — Кричали они им вслѣд.

Когда молодые сѣли в автомобиль, цѣлые снопы лилій были сложены к их ногам.

— Талочка, это точно сон, — сказал Новилль, когда тронулся Ролльс-Ройс. — Впечатлѣніе нереальности еще усиливается моей слѣпотой. Гдѣ ты, любовь моя? Моя благоуханная! Моя нѣжная! Твоя фата мѣшает мнѣ обнять тебя. Помнишь мою „Пѣснь Пѣсней?“ Ты, бѣлая роза, напоенная росой. . . Такою я мысленно вижу тебя сейчас. . . всю в бѣлом, с глазами полными радостных слез.

Ея руки обвились вокруг его шеи.

— Мой, мой, мой муж.

— Моя жена.

Во время торжественнаго обѣда. Ирина невольно вспоминала подробности своей первой свадьбы: залы „Эрмитажа“ полные гостей, оркестр, тосты. Комната, в которой она переодѣвалась из вѣнчальнаго платья в дорожный костюм. Кирилл. . . Он был счастлив, радовался будущему. . . и какой страшный конец. . . как жестока

была к нему судьба... Как больно об этом думать... И всегда, всегда будет больно...

— Обѣд кончен, Ирина, — шепнул ей отец.

Она поднялась из-за стола. Гости послѣдовали ея примѣру.

Талочка подбѣжала к ней.

— Ириночка, я иду переодѣваться. Ты со мной?

— Я сейчас приду, маленькая. Хочу только сказать нѣсколько слов Долорес.

Она нашла в залѣ свою молодую свекровь.

— Долли, я ѣду с Клодом и родителями провожать Новиллей, — обратилась она к ней. — Довѣряю и передаю тебѣ наших гостей. Для старшаго поколѣнія приготовлены карточные столы в гостиных. Молодежь уже танцует здѣсь. Обрати вниманіе на буфет в аван-залѣ. И чтобы разносили холодные напитки и мороженое... Такая жара.

— Не безпокойся, все будет в порядкѣ. Я многому научилась у тебя. Займусь и старыми и молодыми. Знаешь, в меня безумно влюблен младшій секретарь испанскаго посольства. Блеско Альварец. Я хочу с ним поиграть. Хорошенькій мальчик.

— Брось, Долли. Что за охота?

— Почему же нѣт? Что же мнѣ в святыя записываться в двадцать шесть лѣт?

— До свиданія, дорогая. Мнѣ нужно к Талочкѣ, — смѣясь отвѣтила ей Ирина.

— Аддіо. — Долорес провела пуховкой по лицу, посмотрѣлась в зеркало, сверкнула южными глазами, блеснула зубами.

„Черт возьми, как я хороша", промелькнуло у нея в головѣ.

Послѣ долгой и опасной болѣзни, в душевной жизни ея произошла большая перемѣна: она

потеряла надежду на возвращеніе Нандо, осунулась, притихла, но вскорѣ отчаяніе перешло в горячій голод к жизни, к веселью, к развлеченіям. Она закусила удила и находилась в том опасном настроеніи, когда хочется вырвать у судьбы все, что она может дать, или расправиться с нею за ея скупость, разбив свою жизнь.

— Маркиза, вы обѣщали показать мнѣ ваш новый аквариум, — раздался возлѣ нея глухой и мягкій голос, неслышно подошедшаго к ней, Альвареца.

— Блеско, у вас какія то особенно мягкія подошвы. Вы не ходите, вы крадетесь! . . . — Обжигая его взглядом, воскликнула Долорес.—В вас есть что то от тигра. Я не хотѣла бы стать вашей добычей.

— Но моей укротительницей, — да?

— Пожалуй. . .

Долорес стояла прислонившись к колоннѣ, поддерживающей арку, ведущую в аван-зал. Альварец стоял так близко от нея, что почти касался ее плечом. Жгучіе темные глаза их мѣрились силами, губы улыбались.

— Когда же первый опыт? — Особенно глухо спросил он суживая вѣки.

— Опыт?

— Ну да. Опыт укрощенія. . . Хлыст. . . и кусочек сахару.

— Pardon, я хотѣл бы пройти в зал, — раздался за ними дрожавшій от бѣшенства голос.

Они разступились.

— Нандо! — Сорвалось с губ Долорес.

Но он, не взглянув на нее, прошел мимо, исчез среди танцующих.

— Кто это? — Ревниво спросил Альварец.

— Мой брат... Я хочу с вами танцовать. Вы так упоительно, так деспотично ведете.

— Долорес, — он охватил ея стан. Они сдѣлали движеніе послушное ритму танго.

Она чуть слышно разсмѣялась. Счастье ударило ей в голову, как хмѣль.

„Нандо здѣсь... Он всё слышал... Он бѣсится, ревнует, любит... Нандо... Нандо, о, как я замучаю тебя. Выльются на тебѣ мои слезы. Нандо... Нандо... Нандо“... пѣло у нея на душѣ.

Она увидѣла его совсѣм близко в группѣ, стоявших у двери гостиной, мужчин.

— Так, кусочек сахару? — Спросила она проплывая мимо него в танго и подняв к Альварецу манящіе глаза.

— Да, но такіе тигры, как я, принимают его только губами из губ своих укротительниц.

— Дерзкій мальчик... Мы привлекли к себѣ вниманіе. Это надо затушевать. Начните ухаживать за какой нибудь дѣвицей, а я займусь обязанностями хозяйки дома.

— Аквaріум?

— Потом. Я позову вас. Но до тѣх пор игнорируйте меня.

Они остановились. Он сдержанно поцѣловал ея руку. Она кивнула и направилась в гостиную, как бы нечаянно задѣв Нандо плечом.

Он сдѣлал невольное движеніе, чтобы послѣдовать за нею, но сдержался. Однако, повернулся так, чтобы украдкой слѣдить за нею взглядом.

Она подошла к нѣскольким столам, за которыми играли в бридж, постояла возлѣ них, обмѣниваясь короткими фразами с играющими, потом

дав какое то распоряженіе Пьеру, вышла из комнаты через небольшую, ведущую на ея половину, дверь.

Тут Нандо не выдержал искушенія и в обход, через аван-зал, помчался в ея помѣщеніе.

В маленькой передней Долорес, он налетел на старую камеристку Долорес, которая несла в руках платье из золотой чешуи.

— Госпожа маркиза не принимает. Она сейчас будет переодѣваться. Она надорвала свое кружевное платье, — объяснила она ему.

— Гдѣ маркиза?

— В зеркальной комнатѣ, сеннор.

Отстранив испуганную камеристку, Нандо бросился в названную ему комнату.

Долорес стояла перед одним из зеркал в ярко-зеленом пеплумѣ, узко стянутом на таліи серебряным жгутом, и, приподняв голову, душила себѣ шею пульверизатором.

Увидѣв Нандо, она преспокойно продолжала это занятіе.

Он бросился к ней, вырвал флакон из ея рук и швырнул его на пол.

— Кто этот мальчишка? — Спросил он, не помня себя от ревности.

— Мой любовник.

— До...

— Как посмѣл ты явиться сюда? Как смѣешь смотрѣть мнѣ в глаза?

— Долорес, не бѣси меня!

— Зачѣм ты пріѣхал в Париж? Отвѣчай!

— Для того, чтобы сдѣлать величайшую глупость, — жениться на тебѣ. Сначала я не хотѣл терять свободы... Потом вообразил, что не могу без тебя... Так извелся... О, каким я был кре-

тином! Я воображал, что ты порядочная женщина, что ты любишь меня...

— Ты это думал, но преспокойно развлекался гдѣ то столько мѣсяцев... Ха-ха-ха... Ты воображал, что я столько мѣсяцев буду ждать тебя. Как ты глуп! Я никогда еще так не веселилась. Мужчины преслѣдовали меня...

— Я задушу тебя... Я убью тебя... — Задыхаясь проговорил Нандо. Сведенные судорогой бѣшенства пальцы его сжались в кулаки.

— За это время у меня было три любовника... Ха-ха-ха...

Он схватил ея руки и скрутил их за ея спиной.

Она продолжала хохотать, но смѣх ея становился все глубже. В нем слышалась близость слез.

Безумные глаза Нандо горѣли у самаго ея лица, его дыханіе обжигало ее. Зубы его неистово впились в ея плечо. Она вскрикнула.

Стоявшая за дверью с золотым платьем камеристка испугалась, услыхав этот крик, но не знала как поступить, чтобы придти на помощь своей госпожѣ. Прижав ухо к двери, она напряженно прислушивалась, но в зеркальной комнатѣ наступила полная тишина.

Нандо вышел из нея через полчаса. Сумасшедшая улыбка счастья блуждала на его губах. Он промчался мимо камеристки, точно не видя ее, но вдруг вернулся к ней, достал дрожащими руками бумажник из кармана, вынул из него сто франков, неловко сунул их в ея руку и убѣжал.

XLV.

На другое утро, всѣ обитатели дома де Валера поднялись очень рано.

Рдищевы уѣзжали с Татой и Нини в Бретань и поѣзд их отходил уже в девять часов утра.

Иринѣ трудно было снова разставаться с дочерью, но она торопилась вырвать ее из Парижа, в котором все еще свирѣпствовал грипп и отправить ее к морю.

Она сама одѣвала в дорогу ее и Нини. Ей было больно от того, как нѣжно ласкалась к ней чужая дѣвочка и как равнодушно относилась к ней Тата.

„Что же дѣлать, уж такая натура", мысленно оправдывала она ее. „Не ея вина, если ей не дан дар любви".

— Тетя Ирина, скоро время пройдет, пока я увижу папу и маму? — Спросила ее Нини, когда она надѣвала на нее носочки.

— Очень, очень скоро, дѣтка.

— И папа не будет больше слѣпой?

— Даст Бог.

— Я все думаю о глазах, всегда, всегда. Тетя, почему глаза маленькіе, ма-аленькіе, а ими можно видѣть огромныя вещи, как дом?

— Не ломай над этим свою головку. Так сдѣлал Бог.

— Ты любишь Бога, тетя?

— Да.

— И я его очень, очень люблю. Я каждый день молюсь, чтобы он сдѣлал папѣ новые глазки. Он сдѣлает? Да?

— Да, моя маленькая радость.

Из сосѣдней комнаты, в которой уже одѣтая Тата пила какао, раздался звон разбитой посуды и раздраженные голоса.

Ирина пошла туда.

— Что случилось? — Спросила она гувернантку, полную добродушную англичанку.

— Я запретила Татѣ пить какао с блюдечка. Она повторила. Я хотѣла взять у нея чашку, на это она бросила ее на пол. Я нагнулась, чтобы взять Тату за руку, она ударила меня по лицу. Я отказываюсь воспитывать этого ребенка.

— Тата, поди ко мнѣ. Я с тобою хочу говорить, — обратилась к дочери Ирина.

Та не двинулась с мѣста.

— Ты не слышала, что тебѣ сказала мама? — Спросил ее вошедшій в комнату де Валер.

— Нѣт, — вызывающе отвѣтила ему дѣвочка.

— Клод, переговори с мисс Грэй. Попроси ее остаться, — сказала Ирина мужу по французски. — Это было бы ужасно, если бы она отказалась сейчас ѣхать в Бретань,—добавила она и, взяв за руку упирающуюся Тату, увела ее к себѣ, долго и ласково говорила с нею, но всѣ усилія ея объяснить дочери, как постыден был ея поступок, оказались тщетными.

— Мисс Грэй остается из преданности к тебѣ, Ирина, — сказал де Валер войдя в спальню. — Тата, я извинился за тебя перед мисс Грэй. Хорошо я сдѣлал?

— Нѣт.

Ирина и де Валер переглянулись. Он пожал плечами и, как бы желая утѣшить ее, поцѣловал ея руку.

— Пора на вокзал, — напомнил он ей.

Автомобили уже ждали у подъѣзда.

Ирина уѣхала с маминой и дѣтьми. Тата, любившая кататься, была в наилучшем настроеніи и безпрестанно пересаживалась от окна к окну заставляя Нини мѣняться с нею мѣстами, что та дѣлала молча и покорно.

— Наказаніе с Татой, — жаловалась Нина Петровна. — Она совсѣм задергает Нини. Придется раздѣлить их как нибудь в Бретани. Как ты думаешь, Ирина?

— Я думаю это будет лучше. Нини так чутка. Мы должны очень беречь ее.

На вокзалѣ было людно и шумно, трещали тачки носильщиков, гудѣли свистки локомотивов.

Де Валеры поднялись в вагон, в котором ѣхали Рдищевы.

Нина Петровна заняла большое купэ с дѣвочками и англичанкой. В маленьком рядом—ѣхали Михаил Анатольевич и Боб.

Послѣ долгих прощаній де Валеры вышли на перрон. Когда двинулся поѣзд, Ирина невольно перекрестила его. Слезы бѣжали из ея глаз.

— Пойдем, дорогая, — мягко увлекая ее за собою, сказал де Валер.

— Клод, неужели она навсегда останется такою? — С отчаяніем спросила она его. — Как вѣрно ты предсказал мнѣ тогда. . . в Венеціи. У меня ребенок с чужою душой.

— Надо жалѣть ее. Вѣдь теперь это неисправимо.

Ирина уловила в послѣдней фразѣ легкій упрек и крѣпче сжала руку мужа.

Он отвѣтил на ея пожатіе.

„Гдѣ то, в самой глубинѣ души, он не простил мнѣ Кирилла“, с острою болью в сердцѣ подумала она.

Но де Валер всю дорогу был так нѣжен с нею, так старался ее развеселить и развлечь, что они вернулись домой успокоенными и радостными.

— Господин Нандо де Сантос ожидает господина маркиза в кабинетѣ, — доложил лакей де Валеру.

Тот, удивленно улыбаясь, переглянулся с женою.

— И я с тобою, — сказала она.—Я догадываюсь...

Когда они вошли в кабинет, Нандо в темном, на всѣ пуговицы застегнутом костюмѣ, поднялся им навстрѣчу с глубокаго кресла и сдѣлал изящный поклон.

— Маркиза... Маркиз...

— Так официально, Нандо? — Улыбясь и протягивая ему руку спросил де Валер.

— Чрезвычайно официально, — торжественно отвѣтил тот, но все лицо его дрогнуло от сдержаннаго смѣха.—За отсутствіем старшаго маркиза де Валера, я принужден просить у вас, а не у него, руки вашей мачехи, маркизы Долорес де Валер. Вот и письменное мое предложеніе. Старшій маркиз...

— Не трудитесь объяснять. Я в курсѣ дѣла, — смѣясь перебил его де Валер. — Я не могу ни принять ваше предложеніе, ни отказать вам. Но я сдѣлаю все зависящее от меня, чтобы поддержать вас. Я сейчас телефонирую отцу в Вэвэ.

Де Валер позвонил и попросил соединить его с Швейцаріей.

— Поздравляю, Нандо, — сказала ему Ирина. — Жаль только, что вы так долго пропадали.

— Но вѣдь жениться, — это не так просто! Это навсегда, — ответил Нандо дѣлая испуганное лицо. — Потом могут быть дѣти... Они кричат...

У него было такое комично-растерянное лицо, что де Валеры невольно расхохотались.

— Но гдѣ же Долли? — Спросила Ирина.

— Она спряталась. Она увѣряет, что ей неловко.

— Какой вздор! Пойдемте к ней.

— Я жду телефона и приду потом, чтобы объявить вам рѣшеніе отца, которое, навѣрно, будет вам пріятно, — сказал Клод.

— Идемте же к вашей невѣстѣ, — напомнила ему Ирина взяв его под руку.

— Но может быть старый маркиз откажет мнѣ? — Придавая своему голосу оттѣнок мечтательной надежды, сказал дурачась Нандо.

— Не смѣйте так шутить, — строго остановила его Ирина. — Идемте же, легкомысленный человѣк.

Долорес сидѣла среди подушек, забравшись с ногами на свой широкій диван.

На ней было красное платье из легкаго фуляра. В ушах ея горѣли серьги из огромных рубинов и бриллiантов. Такая же ривьера спускалась до самаго ея пояса.

Никогда еще не блестѣли так ея изсиня-черные волосы, ея жгучіе глаза. Никогда еще не звенѣли так мелодично драгоцѣнные амулеты на ея смуглых руках. В ней была какая то дикая, поражающая красота.

Увидѣв Ирину, она закрыла лицо руками.

— Долли, какое ты дитя! — Обнимая ее и смѣясь воскликнула та. — Мы так рады за тебя и Нандо.

— Не правда ли, он не стоит меня? — Вызывающе сказала Долорес, бросив безподобно томный взгляд на жениха.

— Не стоит и вашего мизинца, — поддержала ее Ирина, устраиваясь рядом с нею на диванѣ.

— Ах, не очень то поздравляйте меня, маркиза, — простонал Нандо. — Жениться на такой женщинѣ, как До... Это стать убійцей. Взгляните на нее. Кто перед нею устоит? А она так легкомысленна! Я буду запирать ее и бить.

— Ты будешь бить меня, несчастный? Это я буду укрощать тебя... хлыстом и кусочком сахара. Вѣдь ты же слышал...

— Демон, — прошипѣл Нандо схватив ее за руки и на этот раз лицо его выразило такое неподдѣльное бѣшенство, что Ирина испугалась.

— Я начинаю думать, что вам лучше разойтись, пока не поздно, — полушутливо, полусерьезно сказала она. — Нандо, я отказываю вам от руки Долорес.

— Какое счастье, До! Я могу убить тебя не женясь!

— Вы ошибаетесь, — сказал ему вошедшій в комнату де Валер. — Вам придется жениться! Отец принял ваше предложеніе. Он поздравляет вас.

— Поздравляет? Ему легко говорить! Он навѣрно счастлив?

Долорес легко расчитанным движеніем дала ему пощечину.

— Вот видите? Начинается семейное счастье, — простонал он, с плохо сыгранным отчаяніем запуская пальцы в свою волнистую, но гладко причесанную шевелюру.

— Бѣдный Нандо, но теперь все кончено. Вы в ловушкѣ, — смѣясь сказал де Валер. — Но как же нам оформить все это?

— Я уѣду к мама в Женеву. Буду жить с нею, пока будет длиться развод. Нандо проведет это время в Лондонѣ, — сказала Долорес.

— Да. В Лондонѣ, — твердо повторил Нандо.

Де Валер громко разсмѣялся закинув голову назад.

— Милыя дѣти, не втирайте нам очков. Или может быть в Женевѣ есть гостиница „Лондон?"

— Вовсе нѣт! Он уѣдет в Англію, — стараясь быть серьезной, заявила Долорес.

— В Англію, — повторил Нандо.

— Долли, какой у тебя будет покорный муж. Он повторяет всѣ твои слова, — смѣясь сказала Ирина. — Но когда же ты хочешь покинуть нас?

— Сегодня вечером.

— Мнѣ очень грустно разстаться с тобою.

— И мнѣ, Ирина милая...

— Мы, конечно, должны проводить тебя? — Лукаво спросил де Валер.

— Ах, нѣт! — Сорвалось у Долорес.

Всѣ громко разсмѣялись.

В комнату вошла камеристка Долорес.

— Пьер доложил, что кушать подано, — сказала она.

— Великолѣпно! — Воскликнул де Валер. — Я страшно голоден. Пойдемте, вспрыснем вашу помолвку шампанским.

XLVI.

Ирина и Клод в первый раз остались вдвоем в своем большом домѣ.

Они занимали лишь свою половину. В пріемных комнатах были спущены ставни. Большая часть прислуги уѣхала в отпуск.

Де Валер был занят весь день, но вечера проводил с женой. Они ежедневно ѣздили обѣдать в окрестности Парижа или в буа. Всѣ праздники проводили за городом.

— Это наш новый медовый мѣсяц, — любил повторять Иринѣ де Валер.

Он старался казаться спокойным и счастливым. В дѣйствительности он жил в постоянной тревогѣ. Тяжелыя предчувствія осаждали его по ночам. Его работа в Парижѣ подходила к концу. Он знал, что ему скоро придется вернуться на фронт, но не рѣшался заговорить об этом с Ириной, которая, радуясь успѣхам Фоша и отступленію нѣмцев, жила надеждой на то, что скоро наступит мір.

Де Валер проклинал себя за слабость, но молчал.

Однако, в концѣ Августа, он получил новое назначеніе на фронт, куда должен был отбыть через два дня.

Это извѣстіе так поразило Ирину, что она похудѣла в нѣсколько часов.

Мысль о том, что она останется в Парижѣ одна, мучила де Валера. Он умолял ее ѣхать в Бретань, но она и слышать об этом не хотѣла.

Минута разлуки была ужасна. Де Валер чуть не опоздал на поѣзд, оставив дома Ирину в глу-

боком обморокѣ. Он успѣл только телефонировать доктору и попросить Аннунціату немедленно подробно написать ему.

Когда он вбѣжал на платформу вокзала, она была пуста, поѣзд только что медленно поплыл. Де Валер на ходу вскочил в послѣдній вагон.

Знакомая опостылѣвшая атмосфера: отдѣленія, набитыя солдатами, разудалое пѣніе, вонючій дым дешеваго табака.

В купэ перваго класса — голубой туман благоуханных папирос, изящныя манеры, интриги, зависть и комплименты.

Но там, на передовых позиціях, там исчезают всѣ эти различія, замолкают всѣ чувства, порожденныя эгоизмом, там всѣ эти люди, раздражающіе его сейчас, превращаются в братьев, в героев, рьяно защищающих свою родину, свою Францію.

— Маркиз, я слышал, что ваш голос вдохновляет ваших солдат, поднимает их бодрость, — обратился к нему вертлявый генерал с эспаньолкой и большим вздернутым носом.

Де Валер внутренне вздрогнул.

„Да, он поет своим солдатам. Но говорить об этом, даже об этом думать—невыносимо.“

Отдѣлавшись от генерала какой то незначительной фразой, он развернул газету и закрылся ею, но не читал.

Перед глазами его была Ирина такою, какою он видѣл ее в послѣднюю минуту: мертвенно блѣдной и бездвижной на диванѣ. Сердце его ныло, как ноет больной зуб.

Ирина пролежала нѣсколько дней в постели. Физическая слабость и безпредѣльная апатія располагали ее к бездѣйствію, лишали ее иниціативы.

Однако, когда она, нѣсколько окрѣпнув, встала, ея пустые одинокіе дни стали ей невыносимо тягостны и она стала рваться к какой нибудь дѣятельности, способной поглотить всѣ ея мысли, все ея время.

На сборы с концертов де Валера был организован лазарет ея имени, но Клод был опредѣленно против того, чтобы она сама ходила за ранеными и ея дѣятельность заключалась только в том, что она часто навѣщала больных, выслушивала их просьбы, хлопотала за них, если они становились инвалидами, пріискивала им мѣста, если они могли работать.

В нѣскольких сиротских домах и яслях ея дѣятельность тоже ограничивалась представительством, а ей хотѣлось с головой уйти в какую нибудь работу.

Случай пришел ей на помощь. Одна из кузин де Валера, графиня де Грено, телефонировала ей прося принять участіе в организаціи ея санитарнаго поѣзда.

Ирина с радостью согласилась. С жаром принялась за интересующее ее дѣло. Она с утра уѣзжала во дворец графини де Грано и лишь около семи часов вечера возвращалась домой, гдѣ Аннунціата подавала ей в будуар почту и обѣд.

Как то, в первый осенній и ненастный день, она вернулась к себѣ уставшей, озябшей, с особенно тяжелым сердцем. Но судьба сжалилась над нею и приготовила ей утѣшеніе,—у ея прибора, о радость, лежало три тяжелых письма и открытка от Клода. На ней всего только нѣсколько сокращенных слов, понятных лишь ей и ему. Ирина жадно перечла их нѣсколько раз, читая между строк, всматриваясь в почерк, в каждую букву, черпая в этом созерцаніи радость и успокоеніе.

„Клод написал эти строки только два дня тому назад“, думала она. „Два дня тому назад он был здоров... Это дает безсмысленную надежду на то, что он здоров и сейчас“...

Перевернув открытку, Ирина внимательно осмотрѣла ее, перечла адрес, потом снова текст. Наконец она прижала ее к губам и положила ее на самое сердце, гдѣ она, согрѣтая вышитым золотом синим кимоно, должна была пролежать весь вечер, легким покалываніем своих уголков пріятно напоминая о своем присутствіи.

— Синьора маркиза еще не скушала суп, — напомнила ей Аннунціата, вошедшая со вторым блюдом.

— Ах, да, усмѣхнулась Ирина и, вернувшись к дѣйствительности, вспомнила об остывшем супѣ и о терпѣливо ожидающих письмах.

Она бѣгло просмотрѣла конверты: „первое от Лели. Откуда? Из Константинополя! Ура! Второе? Незнакомый почерк. Третье от Талочки. Наконец то“... До сих пор она ограничивалась короткими незначительными открытками, заканчивающимися особенно горькими словами: „Профессора, способнаго излѣчить Ари, мы все еще не нашли“.

Ирина поспѣшно распечатала письмо сестры.

„Родная моя, горячолюбимая Ириночка, прости меня за то, что я долго не могла собраться написать тебѣ толковое письмо“, писала Талочка. „Но, с одной стороны, мы были так безумно счастливы, а с другой—так несчастны, что жили в какой то лихорадкѣ, иногда похожей на райскій сон, а иногда на тяжелый бред.

Мы объѣздили всю Швейцарію в поисках „чудо-врача“, способнаго вернуть Ари зрѣніе. Мы были в Бернѣ, Лозаннѣ, Женевѣ, а теперь вернулись в

Цюрих. Мы ежедневно сидѣли в какой нибудь пріемной, полной слѣпых. Ари ежедневно подвергался мучительным для него изслѣдованіям, а я со страхом и надеждой слѣдила за выраженіем лица изслѣдовавшаго его врача.

У них всѣх была одна и та же мимика: сначала исчезала улыбка, лицо становилось сосредоточенным... все сосредоточеннѣе и строже. Под конец--безсильное пожатіе плечей, утѣшительныя фразы, нетвердое предложеніе сдѣлать операцію, замѣнить поврежденную роговую оболочку другой, изъятой из глаз безнадежно слѣпого. Но всегда с предупрежденіем о том, что во многих случаях, эта роговая оболочка плохо принимается и не приростает.

Мы благодарили, обѣщали обдумать и уходили. Ари дошел до такого отчаянія, что не хотѣл больше совѣтоваться с врачами, но я настаивала.

Вот на днях мы были здѣсь, в Цюрихѣ, у одного, сравнительно молодого, но уже знаменитаго профессора, Шарля Валье, и, о чудо, осмотрѣв Ари, он твердо обѣщал вылѣчить его тою же операціей, о которой говорили другіе врачи. Но, в разрѣз с ними, он утверждает, что всѣ подобныя операціи неизмѣнно удаются ему, потому что он открыл какое то средство, на базѣ морковнаго сока, которое способствует быстрому приростанію новой роговой оболочки.

Что с нами было! Лучше не описывать. Мы помѣшались от радости. В тот же вечер, это было третьяго дня, мы переѣхали в клинику Валье. Нас помѣстили в друх смѣжных комнатах. Нас разлучили и отлично сдѣлали. В комнатѣ Ари неизмѣнно сидит милая Цербер, немолодая симпатичная сестра милосердія, которую мы называем

нашей гувернанткой. Она с нами очень строга. В девять часов укладывает Ари спать, а меня отправляет в мою комнату. Благодаря этому, у меня теперь есть время читать и писать. Ари приготовляют к операціи: откармливают его, заставляют отсыпаться, дают ему успокоительныя средства. У него прекрасное настроеніе. Я много читаю ему вслух, гуляю с ним по саду. Он вѣрит в счастливый исход операціи и хочет, чтобы мое лицо было первым, что увидят его прозрѣвшіе глаза. Профессор обѣщал ему это.

Ирина, Ирина, как переживу я минуту, когда снимут повязку с его глаз! Вдруг разочарованіе? Нѣт, не надо сомнѣваться. Родная моя, молись за нас, как я всегда молюсь за тебя и за Клода. Как часто мы о вас вспоминаем. Как любим вас.

Нини так тоскует без нас, что учится у папа писать, чтобы переписываться с нами. Мы получили от нея уже два письма, написанных с помощью папа, но составленных ею самой.

Если все будет благополучно, мы послѣ выздоровленія Ари, поѣдем отдыхать на мою „Голубую Виллу" в Гетари. Туда папа привезет нам Нини. Пора кончать это письмо. Слипаются глаза от усталости. Уже полночь. Глубокая тишина вокруг. Спокойной ночи! Надѣюсь, что Клод еще с тобою. Обнимаю вас обоих. Храни вас Господь, мои дорогіе, любимые. Думайте и молитесь о ваших Талочкѣ и Ари".

Ирина любовно разгладила письмо рукою и вложила его обратно в конверт.

„Слава Богу", с глубокою радостью подумала она. „Надо поскорѣе написать об этом Клоду".

— Синьора маркиза опять так мало кушает, — сокрушенно сказала Аннунціата.

— Нѣт, cara, я сыта. — Отвѣтила Ирина вставая из-за стола и ложась на диван. — Дайте мнѣ мой чай сюда. Вот на этот столик. Сядьте около меня с вашим вышиваніем.

Ирина принялась за чтеніе письма Елены Сергѣевны.

„Иринушка, милая, ура!“ Писала та. „Мы в Константинополѣ! Вырвались из Москвы с помощью одного очень милаго комиссара, из идеалистов. Дай ему Бог здоровья. Помог от добраго сердца. Ничего за это не взял. Интересный тип. Когда увидимся, подробно разскажу тебѣ о нем и о нашем бѣгствѣ. Пока хочу тебѣ только сообщить, что мы цѣлы и невредимы. А деньги,—это дѣло наживное! Я за Глѣбом не пропаду. Он уже здѣсь „ворочает“ какими то дѣлами. В Англіи у него всегда были большія деньги, да и брилліанты я всѣ свои провезла. Так что с голоду не умрем, но живем очень скромно, чтобы хоть немного помогать другим. Многіе русскіе живут здѣсь в потрясающих условіях. Прилагаю к этому письму нѣсколько адресов. Пошли по ним сколько можешь.

Отсюда мы думаем в Декабрѣ выѣхать в Париж. Подыщи нам хорошую квартиру, гдѣ нибудь побиже от тебя. Мику думаем отдать в Сенсир. Он уже дорос до моего плеча. Умом он, слава Богу, в отца, лицом в меня, да и нравом веселый, жизнерадостный, а уж полюбит кого, — все сердце отдаст.

Любочка наша, конечно, с нами и не дождется той минуты, когда будет с тобою. Прямо бредит об этом и днем и ночью. Она прехорошенькая стала: высокая, нѣжная, бѣлокурая красавица. Если бы она не была слѣпой, то, навѣрно, имѣла бы большой успѣх у мужчин. Она умна, начитана,

образована. Интересуется философіей, филологіей. Вѣдь ей уже девятнадцать лѣт.

„И хором бабушки твердят, как наши годы то летят“.

Однако, вѣдь мы с тобою только по переживаніям много старше наших лѣт. Мнѣ тридцать, а тебѣ всего двадцать шесть. Ты всего на четыре года старше Талочки, а вѣдь она кажется нам почти ребенком. Да, много, много пережили мы с тобою. Ну, что мнѣ разсказать тебѣ еще?

Хочешь, разскажу тебѣ, что знаю, о твоих знакомых, оставшихся в Россіи? Твоя свекровь, Екатерина Алексѣевна, недавно скончалась. Ея желанная революція застала ее в имѣніи. Мужики ея, которым она строила каменныя избы и дарила скот, ея имѣнія не сожгли, разрѣшили ей жить в домѣ управляющаго, куда она переѣхала из большого дома с какой то знакомой семьей. Но на другой же день явились мужики и потребовали, чтобы знакомые убирались вон. Екатерина Алексѣевна пришла в бѣшенство, накричала на мужиков, но покорилась. Однако, это было только началом ея мытарств. Мужики ежедневно являлись к ней с разными требованіями, декретами, мудрствовали над нею, как могли. Она жила в безпрерывных волненіях, постоянно выходила из себя и умерла от разрыва сердца, когда мужики объявили ей, что им нужен дом, в котором она живет, и попросили его очистить.

Иван Тимофеевич давно уѣхал заграницу с женой. Ольга Евгеньевна, Юнона, сумѣла очаровать даже большевиков и устроилась сравнительно сносно, в подвалѣ своего бывшаго дома. Наш милый Рютли послѣ разных непріятностей благополучно вернулся на свою родину, в Швейцарію. Прилагаю его адрес, на случай, если ты захочешь написать ему.

Накануне нашего отъезда на Кавказ, я печально бродила по Москве, прощаясь с нею. Выхожу от Иверской и вдруг вижу, летит шикарный автомобиль. Из него мне кто то махает. Шофер останавливает машину, из нея выскакивает,—твоя Марфинька! Марфинька Хлебникова в каком то опереточном костюме: высокіе красные сафьяновые сапоги, серый замшевый костюм, красная конфедератка. Фу ты, ну ты! Я прямо отпрянула от нея. Она ко мне с нежностями: „Елена Сергеевна, ангелочек, не надо ли вам как нибудь помочь? Я все, все могу"... Откуда, спрашиваю, такая власть? „Я замуж вышла". Назвала мне какую то важную птицу. А где же Петенька, бедный? Сорвалось у меня. Вдруг у нея слезы хлынули градом из глаз. „Петька, дурак, застрелился". Из-за важной птицы? „Нет, уж раньше. Не осуждайте меня. Я и сама мучилась... боролась с собою. Вот, Ирина Михайловна знает, как! Давно уж, еще в Вознесенском я к жизни рвалась, к роскоши, к эротической любви! Ведь раз один только живем. Теперь у меня муж красавец... дворец"... И автомобиль с короной, заклеенной красной звездой, прервала я ее. Марфинька, когда нибудь вы поймете, насколько драгоценней был ваш тихій Петенька всех ваших новых сокровищ. Прощайте. Я пожала ей руку (у нея хорошая рука) и быстро стала переходить дорогу. Мне кажется, Марфинька долго смотрела мне вслед. Может быть потому, что я знала ея Петеньку. Бедное сердце человеческое, как поддается оно соблазнам, искушеніям! Ну, о ком же разсказать тебе еще? Ах, о Василисе. Как раз в день нашего отъезда, она пришла справиться о тебе. Не знаю ли я чего. Узнав, что ты вышла за Клода, она перекрестилась, вздохнула: „Ну, что же, совет да любовь. Помолюсь о них у Кирилла Тимофеевича, на могилке то. Может порадуются они, что Господь то,

нашей Иринѣ Михайловнѣ счастье послал. Заслужили онѣ! Ох, намаялись! Что и говорить! Ну, а как барышня то наша, Татьяна Кириловна? Ах, барыня, не того мы ждали, когда женихом то были Кирилл Тимофеевич... Видно Божья воля, а уж больно горько!"

Хорошая старуха! Ея сын—молочный брат Кирилла, тоже, кажется, комиссар. У него роскошная квартира, в гостиной „вампир". Честное слово, так и сказала. Но жить с ним она не хочет в ней. Говорит: „барыня, ему квартиру то за заслуги дали, а мнѣ вот все кажется, что, как есть, во всем краденом он живет! Я у племянницы прижилась, там и помру".

Ну, вот и всѣ мои новости, Иринушка. Здѣсь всѣ говорят, что скоро кончится война. Дай Бог. Скорѣе бы кончились страданія матерей-мучениц и жен. Скорѣе бы кончилась дикая бойня. Довольно крови пролилось. Ею всю землю оросить можно! Кошмар! Ну, обнимаю тебя. Когда свидимся, должны будем нѣсколько суток разговаривать, чтобы переговорить все, что пережили за эти сумасшедшіе годы. Не дождусь тебя увидѣть, моя хорошая, любимая... Твоя Елена".

Ирина нѣсколько раз перечла это письмо. Оно пробудило в ней столько воспоминаній. Растревожило ея сердце.

— Синьора Бочарова пріѣдет сюда в Декабрѣ и привезет нам Любочку, — обратилась она к Аннунціатѣ, чтобы подавить тяжелыя мысли.

— Мы возьмем ее к себѣ. Не правда ли, синьора? Вѣдь она наша! — Радостно воскликнула итальянка.

— Не знаю, захочет ли разстаться с нею синьора Бочарова? Но, cara, у меня удивительная

мысль! Если удастся операція синьора Новилля, я пошлю к его профессору Любочку. Как знать, может быть и ее можно исцѣлить. Ее почему то считали неизлѣчимой. Но я даже не знаю, изслѣдовали ли ее. Я только слышала от ея дѣда, что она ослѣпла грудным ребенком. А Талочка, поглотившая множество книг о причинах слѣпоты, разсказала мнѣ как то, что слѣпота грудных младенцев часто является слѣдствіем заболѣванія роговой оболочки, за недостатком в пищѣ витаминов „А". Если это было причиной Любочкиной слѣпоты, то очень возможно, что послѣ операціи она прозрѣет.

— О, синьора, каким бы это было счастьем! Я сама поѣду с нею, сама буду за нею ходить.

— Но будет ли это счастьем для нея, cara? Она привыкла к своему темному міру. Она не знает другого. Навѣрно в ея воображеніи сложились для всего совершенно иные образы, чѣм они есть в дѣйствительности. Как представляет она себѣ людей, животных, природу? Сколько новых впечатлѣній ожидают ее. Она будет потрясена. Может быть разочарована.

— Ничего, синьора. Она привыкнет и будет счастлива увидѣть Божій мір. Ах, уж поскорѣе бы мнѣ с нею уѣхать к профессору.

— Я тоже сильно взволнована этой мыслью, cara.

Ирина взялась за третье письмо.

„От кого бы?" Промелькнуло у нея в головѣ. Она взглянула на подпись: „ваша Надежда Новилль".

Ирина невольно усмѣхнулась и стала читать слѣдующія строки:

„Многоуважаемая мадам маркиза, только что прочла в старой газетѣ описаніе аристократиче-

ской свадьбы мужа и мадемуазель Талочки. Моя дочь несла трэн. Ловко! Вот уж не ожидала, госпожа маркиза, что мадемуазель Талочка у меня из-под носа отнимет мужа! Кто бы мог подумать? Такая скромная барышня, из хорошей семьи! Могла бы сдѣлать шикарную партію, а предпочла слѣпого! Удивляюсь. Однако, я папашѣ этой газетной статьей нос вытерла: пожалуйте вам, папаша, „ферлакура" вашего. Какая невѣста не погнушалась! А папаша на меня: „Выбрось дурь из головы! На тебѣ владѣлец шоколадной фабрики женится". И дѣйствительно правда. Богатый человѣк, только плѣшивый, но своя вилла, еще лучше папашиной. Скоро наша свадьба и тоже будет в газетѣ, только в швейцарской, — это здѣшней. Так что мнѣ предстоит блестящее будущее. Передайте это мадемуазель Талочкѣ, а так же и то, что я с удовольствіем предоставляю ей мужа и дочь. Довольно я с ними намучилась. Пусть теперь она. Мнѣ они ни к чему.

Примите увѣреніе в моем глубоком уваженіи.

Ваша Надежда, пока Новилль.

В общем, ни в ком не нуждаюсь. Но не примите этого на себя. Вы мнѣ всегда были симпатичны. Надѣюсь, что вы оцѣните мою откровенность. Не отвѣчайте. Папаша не должен знать, что я вам написала, как женщина к женщинѣ.

Ваша Надежда Новилль".

Ирина громко разсмѣялась.

„Надо показать Новиллям это безподобное посланіе, полное отточенных парфянских стрѣл", подумала она.

— Синьорѣ пора в постель,—напомнила Аннунціата.

— Еще день прошел, cara, и как хорошо, что он прошел!

Раздѣвшись Ирина положила изломанную, согрѣтую на ея сердцѣ, открытку Клода под подушку и вскорѣ быстро заснула думая о нем.

XLVII.

Вернувшись домой с торжественнаго отбытія на фронт, организованнаго с ея помощью, санитарнаго поѣзда графини де Грано, Ирина сѣла писать мужу.

Ей хотѣлось подробно описать ему только что видѣнное и пережитое, разсказать о только что сдѣланных знакомствах.

В этот день у нея было как то странно на душѣ. Не то что спокойно, а как то пусто и неясно. Точно потеряла она с чѣм то связь. Это было то состояніе внезапнаго безпричиннаго душевнаго затишья, которое часто наступает, когда близка вѣсть о каком нибудь несчастьи. Гдѣ то, что то происходит, что дѣлает опасенія и предчувствія уже излишними. Тогда какая то тайная сила в нас выключает их из души, в которой становится опустошенно и легко.

Ирина удивлялась этому настроенію, но цѣнила этот отдых от постоянно мучившаго ее страха.

Письмо быстро вытекало из под ея пера. Иногда руки ея останавливались, глаза устремлялись на красные листья облетающаго дерева у ея окна.

— Кто там? — Спросила она, когда открылась дверь за ея спиной.

— Я, синьора. Пріѣхал синьор епископ де Валер. Он желает говорить с синьорой.

Ирина насторожилась вся, вскочила со стула.

— Синьор епископ просит синьору не тревожиться. Ничего опаснаго, но синьор епископ получил извѣстіе о господинѣ маркизѣ.

Вся комната закружилась вокруг Ирины.

„Вот оно... то, что вѣчно грозило", молніей промелькнуло у нея в головѣ.

Она бросилась из комнаты, добѣжала до гостиной на мягких подгибающихся ногах.

— Ирина, дорогая, успокойтесь! Нѣт причины отчаиваться, — сказал протягивая ей руку двоюродный брат Клода, епископ де Валер.

Она коснулась губами его аметистоваго перстня. Он благословил ее.

— Клод? — Чуть слышно сорвалось с ея губ.

— Он ранен. Сегодня подвергается операціи извѣстнаго хирурга. За ним прекрасный уход. Он лежит в Реймсѣ.

— Я хочу к нему.

— Клод поручил мнѣ вас. Я пріѣхал за вами и сам отвезу вас к нему.

— Я готова.

Час спустя автомобиль епископа де Валера уже мчался по изрытым снарядами дорогам, среди опустошенных войною осенних полей. Многочисленныя воронки от снарядов были полны мутной дождевой водой. Обугленные пни черными кочками испещряли обожженную газами и, так недавно еще, обильно политую кровью землю. Наступающія сумерки скрадывали далекіе абрисы обгорѣлых лѣсов. Накрапывал дождь.

Ирина, закутанная в мѣха, в полусознаніи сидѣла откинувшись на подушки, заботливо под-

ложенныя под ея спину, помѣстившейся напротив нея Аннунціатой.

Еще молодой, красивый епископ, с нѣсколько надменными чертами де Валеров, просматривал при свѣтѣ электрической лампочки, придѣланной у окна, какія то бумаги и дѣлал на них помѣтки карандашем.

Его длинные свѣтлые граза, казавшіеся особенно большими на очень узком овальном лицѣ, часто с глубоким сочувствіем останавливались на бездвижной Иринѣ.

Она находилась в состояніи какого то тяжелаго отупѣнія. Ея душевныя силы точно притаились в ней, готовясь к высшему напряженію.

Пока мчался автомобиль, ее успокаивал быстрый темп ѣзды, приближающій ее к Клоду. Но когда останавливалась машина, часто налетавшая на острые осколки снарядов, и шофер начинал копошиться у колес исправляя шины, нервы ея натягивались и болѣли до крика.

Послѣдняя такая остановка произошла в темном лѣсу под Реймсом. Фонари автомобиля бросали узкіе снопы бѣлых лучей в глубокій мрак. Вспуганныя их ярким свѣтом вороны с тревожными криками метались над безлиственными купами деревьев, служившими им ночлегом.

Секретарь епископа свѣтил шоферу своим карманным фонарем. На этот раз починка шины так затянулась, что сам епископ, потеряв терпѣніе, вышел из лимузина и, раскрыв зонт, стал наблюдать за ходом работы шофера.

Ирина не помнила себя от волненія.

Наконец можно было ѣхать дальше, но дороги были так плохи, что автомобиль двигался медленно, как бы нащупывая путь.

— Скоро ли мы пріѣдем? — Безпрестанно спрашивала Ирина приникая лбом к холодному стеклу и всматриваясь в безпросвѣтную тьму.

Но скоро замелькали рѣдкіе тусклые огни. Побѣжали предмѣстья с поломанными заборами, с разрушенными домами.

Ирина вся натянулась, как струна.

„Сейчас. . . Может быть через нѣсколько минут, все будет кончено навсегда. Я не переживу его“, думала она.

Тихій темный Реймс казался вымершим городом. Дождь лил все сильнѣе. Черныя улицы, черныя стѣны полуразрушенных домов, с наглухо закрытыми и заколоченными окнами, влажно лоснились. Что то погребальное было в их черном блескѣ. Жутью запустѣнія и покинутости вѣяло от них.

Ирина невольным движеніем схватила руку епископа.

— Мы пріѣхали, дорогая, — успокаивающим тоном проговорил он.

Автомобиль остановился у темнаго подъѣзда, но на звонок епископа тот час же открылась дверь. В полутемной передней витал больничный запах, царила ночная больничная тишина.

Ирина осмотрѣлась: невзрачныя стѣны, множество дверей. Не спрашивая, она, двигаясь как сомнамбула, открыла первую из них и вошла в больничную палату, освѣщенную керосиновой лампой с низко опущенным абажуром из зеленаго картона. Посреди комнаты стояли длинные ряды постелей, в которых спали раненые. Ирина наклонялась над каждым из них, всматривалась в их бородатыя истощенныя лица, мучительно надѣясь найти между ними Клода и не находя его.

„Все это когда то уже было“, смутно думала она, как в удушливом снѣ. „Я была когда то здѣсь“. . .

„Да вѣдь это кошмар синьоры, снившійся ей во время послѣдней болѣзни“, вспомнила слѣдовавшая за нею Аннунціата.

— Дорогая, Клода перевели из этой палаты в отдѣльную комнату. Пойдемте же к нему,— сказал, подошедшій к Иринѣ с доктором, епископ. Взяв ее под руку, он вышел с нею из палаты.

— Маркиза, ваш супруг потерял много крови. Его сердце очень слабо. Поэтому, прошу вас, никаких волненій. Никаких разговоров. Он в полном сознаніи. Операція прошла благополучно. Профессор надѣется, — сказал доктор Иринѣ, когда они подошли к двери де Валера.

Ирина утвердительно наклонила голову.

— Я могу войти к нему одна?

— Конечно, маркиза, — доктор раскрыл перед нею дверь.

Клод лежал навзничь на узкой и высокой постели. Гладко выбритое лицо его было так блѣдно, что слабо отдѣлялось от подушки. При появленіи Ирины оно освѣтилось радостью.

Она прильнула губами к его лбу.

— Теперь все будет хорошо, — прошептал он.

Монахиня, ходившая за ним, безшумно вышла из комнаты. Ирина опустилась в ея кресло у постели мужа. взяла его руку в свою.

Они оба были глубоко счастливы и успокоены близостью друг друга.

Вскорѣ де Валер задремал.

Комната его была так мала, что в ней помѣщались лишь постель, кресло и ночной столик, на котором догорала, заставленная от больного книгой, коптившая свѣча.

Ирина хотѣла потушить ее, но боялась неосторожным движеніем разбудить мужа. Глаза ея

не отрывались от него. Сознаніе, что она с ним, удивляло и радовало ее.

Он ровно дышал. Рука его была горяча, но спокойна. Чувствовалось, что неистощимыя жизненныя силы таятся в этом больном, но могучем тѣлѣ.

„Он выздоровѣет. Он не может не выздоровѣть", думала Ирина стараясь подавить в себѣ отчаяніе и страх.

Однако, это не удавалось ей. Наоборот, радостное волненіе свиданія все утихало и уступало мѣсто глухой тревогѣ и пугающим предчувствіям.

Свѣча догорѣла, но из двери, находившейся за спиной Ирины, брезжил слабый свѣт, бросавшій широкую желтую полосу на стѣну над постелью де Валера.

Его рука все еще была в рукѣ жены и, порою, слабо сжимала ее.

Иринѣ казалось, что это мѣшает ему крѣпко уснуть. Но она боялась высвободить свои пальцы, чтобы не нарушить его дремоту.

От неудобнаго и неподвижнаго положенія, болѣли всѣ ея мускулы, затекли ноги.

— Синьора сидит здѣсь уже два часа, — прошептала, подошедшая к ней на мягких подошвах. Аннунціата. — Синьора должна закусить и лечь. Я приготовила синьорѣ постель. Иначе синьорѣ сдѣлается дурно. А у синьора посидит сестра Агнесса.

Ирина испуганно прижала палец к губам, но предупрежденіе Аннунціаты подѣйствовало на нее. Она подумала о легкости, с которой теряет сознаніе и, осторожно освободив пальцы из руки мужа, безшумно выскользнула в сосѣднюю комнату.

Это была крошечная каморка в одно узкое окно, в которой находилась жестяная ванна, покрытая деревянной доской, на которой лежал матрац, затянутый простыней, подушка и одѣяло.

— Я с помощью сестры Агнессы соорудила это ложе для синьоры, — прошептала Аннунціата.

— А вы, cara?

— Я достала для себя отличный мѣшок с сѣном и лягу вон там, в углу. Надо бы закрыть окно. Из него так дует.

— Нѣт, нѣт. И так слишком мало воздуха для синьора маркиза. Пріоткройте побольше его дверь. Вот так.

— Синьора простудится.

Вошла сестра Агнесса с подносом, на котором стояло горячее молоко и сухари.

— Это все, что я могу предложить госпожѣ маркизѣ, — сказала она. — Ночью нѣт никого в кухнѣ. К счастью я нашла баночку консервированнаго молока.

— Я с удовольствіем выпью его, — отвѣтила Ирина.

Но вдруг, до ужаса испуганная полною тишиною в комнатѣ мужа, она сняла туфли, прошла к нему и, судорожно сжав руки на груди, склонилась над его изголовьем.

Он слабо, но спокойно дышал. Кровь снова прилила к ея сердцу. Она перекрестилась, перекрестила Клода.

Сестра Агнесса сѣла у его постели и сидѣла выпрямившись, сложив руки у тонкаго стана под серебряным распятіем, которое она носила на груди.

Попросив, не давать ей спать больше часа, Ирина вернулась в свою каморку. Она еле дер-

жалась на ногах и когда легла на свою импровизированную кровать, вся комната тихонько заколыхалась и закружилась вокруг нее.

Из окна дѣйствительно сильно дуло. Пахло сыростью, мокрой известкой и еще чѣм то противным.

Скрытый под матрацом кран ронял тяженыя медленныя капли, гулко ударяющіяся о дно цинковой ванны. Ожиданіе каждой новой капли невыносимо терзало нервы Ирины. Но она была так вымотана, что сознаніе ея стало быстро заволакиваться и она уснула.

Когда она проснулась, уже свѣтало. Дверь в комнату Клода была закрыта. Предчувствуя недоброе, Ирина бросилась к ней, но Аннунціата преградила ей дорогу.

— Синьорѣ нельзя туда. Там профессор.

— Что случилось?

— Синьор маркиз плохо чувствует себя. Сестра Агнесса позвала врачей.

— Почему не разбудили меня?

— Профессор Бло запретил.

— Пустите меня.

— Синьора. . .

Ирина оттолкнула ее и вошла в комнату Клода.

— Он лежал без движенія. Глаза его были закрыты. Профессор держал его пульс.

— Что с мужем, профессор? — Прошептала Ирина.

Тот нахмурил, нависшія над маленькими сѣрыми глазами, свѣтлыя густыя брови.

— Глубокій обморок, потеря крови, слабость, — неохотно отвѣтил он.

— Это опасно?

— Был момент. . . Но теперь опасность миновала. Однако, слѣдует остерегаться новаго припадка.

— Он в сознаніи?

— Приходит в себя. Я был против вашего присутствія здѣсь, мадам, но вижу теперь, что вы благоразумны и что я могу оставить вас около больного.

Де Валер открыл глаза.

— Мнѣ лучше, — сказал он женѣ.

Ирина улыбнулась ему. Она весь день не отходила от него: сама мѣняла ему грѣлки, давала лѣкарства, помогала сестрѣ Агнессѣ дѣлать ему вспрыскиванія камфарой, подносила к его губам стакан отстоявшагося теплаго шампанскаго.

Суевѣрное убѣжденіе в том, что пока она около него, ему не станет хуже, не позволяло ей отлучаться от него.

Ночью сестра Агнесса клала ей матрац на пол у его постели, а сама садилась на кресло, чтобы она могла проспать нѣсколько часов.

Так прошло нѣсколько дней в безпрерывном страхѣ перед повтореніем припадка де Валера, перед опасной слабостью его сердца.

На двенадцатый день де Валера унесли на перевязку в операціонный зал. Полчаса, проведенные им там, были пыткой для Ирины.

Пока сестра Агнесса и Аннунціата спѣшно убирали комнату больного и согрѣвали его постель, она прошла в каморку с ванной и, сѣв на подоконник низкаго окна, жадно стала дышать свѣжим осенним воздухом. Наверху, высоко высоко, между стѣнами узкаго внутренняго двора, виднѣлся кусочек голубого неба, отраднаго и далекаго.

Посреди двора стояла тачка с известкой, валялись обугленныя доски, куски желѣза. Но у глухой стѣны сосѣдняго дома пробивалась трава, росла тоненькая рябинка с бронзовыми, уже по-

коробленными листочками, среди которых сквозили ярко пунцовыя гроздья спѣлых ягод.

„В дѣтствѣ мы их нанизывали на нитки и дѣлали из них ожерелья“, вспомнила Ирина.

Это воспоминаніе, кусочек голубого неба и живящій воздух, на мгновеніе облегчили ей сердце. Оно вдруг перестало давить ей грудь. Но гдѣ то стукнула дверь и дыханіе ея прервалось от страха. Она бросилась в коридор, стала прислушиваться. Ни звука. Взглянула на часы-браслет.

„Только семь минут прошло с тѣх пор, как его унесли“, промелькнуло в ея головѣ.

Она вернулась в комнату, потом снова вышла в коридор. Стрѣлка часов точно застыла на мѣстѣ.

Пришла Аннунціата с рюмкой в руках.

— Синьора должна это выпить.

— Не могу глотать... Профессор сказал, если плохо срослось, придется снова открыть. Доктор проговорился мнѣ, что перевязка будет мучительной... Если сердце не вынесет...

— Синьора напрасно мучает себя.

Ирина стала ходить взад и вперед по коридору. Стрѣлка часов подвинулась на цѣлых одиннадцать минут. Но все еще ни звука.

„Может быть уже все кончено. Может быть сердце его остановилось. Тогда его больше уже сюда не принесут“, думала Ирина вытирая холодный пот со лба и опускаясь на что то низкое, стоявшее в темном коридорѣ между шкафом и стѣной.

Ноги ея мучительно дрожали. Тошнота подступала к горлу.

Вдруг послышались тяжелые шаркающіе шаги.

„Несут“.

В концѣ коридора появилась группа людей в бѣлых фартуках. Между ними ярко выдѣлялась фіолетовая сутана епископа де Валера.

Доктор шел около носилок.

— Великолѣпно все срослось, рана классически заживает, — говорил он улыбаясь своему паціенту. — Если вы будете и дальше так вести себя, мы скоро отпустим вас в Париж.

Бѣлые фартуки, фіолетовая сутана и носилки промелькнули мимо Ирины. Никто не замѣтил ее.

Нервы ея не выдержали внезапнаго перехода от отчаянія к радости. Счастье сломило ее. Уронив голову на колѣни, она заплакала тихими сладостными слезами, от которых точно оттаивали ея сердце, ея грудь.

Де Валер встревожился, не найдя жены в своей комнатѣ.

Всѣ бросились искать ее. Нашла ее, конечно, ея вѣрная Аннунціата.

Пригладив волосы, Ирина побѣжала к мужу. Заплаканные глаза ея сверкали счастьем.

Увидѣв ее, он понял все, что она пережила, и горячо прижал ея руку к своим губам.

С этого дня здоровье де Валера стало быстро улучшаться и, недѣлю спустя, профессор разрѣшил перевезти его в автомобилѣ Краснаго Креста в Париж.

В день отъѣзда стояла лѣтняя жара. С юго-востока дул горячій вѣтер.

Автомобиль был подан к подъѣзду лазарета в одиннадцать часов утра.

Фельдшера переложили де Валера с носилок на постель кареты. Профессор поднялся к нему, чтобы проститься с ним.

— Так, через недѣльку, вы уже будете прохаживаться по дорожкам вашего сада, маркиз, — говорил он. — Однако соблюдайте всѣ мои совѣты. Впрочем, об этом позаботятся ваша супруга и доктор Нозіер, который будет жить у вас до моего пріѣзда в Париж. Итак, до свиданія. Надѣюсь, что вам больше не придется вернуться на фронт. Близок мір. Пора, пора „cedant arma togae“, — изрек он, пожимая руку де Валера и тяжеловѣсно спустился с кареты.

— До скораго свиданія, Клод. Мы увидимся на первой остановкѣ, — сказал, заглядывая в дверцу автомобиля, епископ. — Я ѣду перед вами, чтобы испробовать дорогу. Пусть сначала лопаются мои шины. Ирина, дайте я помогу вам подняться на эту высокую подножку.

— Как мнѣ благодарить вас за то, что вы всѣ эти ужасные дни поддерживали меня и теперь ѣдете с нами? — С горячей благодарностью обратилась к нему Ирина.

— Это не могло быть иначе, дорогая. Клод всегда мнѣ был самым близким человѣком на свѣтѣ. А теперь я полюбил и вас, как сестру, — отвѣтил он ласково улыбаясь всѣм своим умным тонким лицом. — Ну, в дорогу.

Ирина поднялась в карету и опустилась на сидѣніе у изголовья мужа. Аннунціата помѣстилась напротив нея, а молодой доктор Нозіер сѣл около шофера.

Захлопнулась дверца. Автомобиль тронулся.

— Тебѣ неудобно, — сказал де Валер прижимая руку Ирины к своему лицу.

— Мнѣ отлично. Я только боюсь за тебя, боюсь этой ужасной разрытой дороги, на которой так трясет.

В открытом полѣ солнце так накалило автомобиль, что Ирина открыла окно. Однако, в него влетѣло столько пыли, поднятой автомобилем епископа, что она поторопилась закрыть его.

Де Валер был очень блѣден, лежал с закрытыми глазами. Когда карета накренялась на ухабах, все лицо его вздрагивало от нервнаго потрясенія.

Ирина невыносимо мучилась за него, боясь как бы не открылась его рана, боясь каждаго сотрясенія. Но они были неизбѣжны на изрытой пулеметами дорогѣ. Автомобиль безпрестанно качался, нырял, при чём, отчаянно звенѣли его окна, трещали стѣны. Какая то бутылка, стоявшая в углу, то и дѣло падала и каталась по полу.

Аннунціата терпѣливо поднимала и ставила ее на мѣсто.

— Да что же в ней? — Спросила, наконец, Ирина.

Бутылка оказалась пустой и была выброшена в окно.

Несмотря на отчаянную дорогу ,первая шина лопнула только два часа спустя, в лѣсу. Эта вынужденная остановка была пріятна для всѣх и ею воспользовались чтобы закусить. Потом снова двинулись в путь.

Ирина была разбита не менѣе Клода, но как только автомобиль въѣхал в Париж, они оба почувствовали прилив свѣжих сил, а когда они, наконец, очутились дома, в своей прохладной красивой спальнѣ, они оба совершенно воскресли душой. Им казалось, что они внезапно проснулись от ужаснаго сна.

Вечером, когда они лежали на своих сдвинутых постелях и Аннунціата на подносах подавала им ужин, пришла телеграмма от Талочки.

Ирина с волненіем распечатала и прочла ее мужу.

Она состояла только из двух слов, в которых заключалось все счастье двух жизней: „Ари прозрѣл“.

Ирина перекрестилась.

— Слава Богу! Ах, Клод, как хороша жизнь! Как безумно хороша! Как я счастлива сейчас! Как счастливы Талочка и Ари... А ты?

— Ты мое счастье, Ирина! В самыя тяжелыя минуты моей болѣзни я был счастлив, потому что ты была со мной.

Она перегнулась к нему.

— Клод... у меня есть новость для тебя! Я скрывала ее до сих пор, чтобы не волновать тебя. Слушай... „он“ скоро вернется к нам.

— Ирина...

— Да, ты это вѣрно предсказал, когда я отчаивалась в том, что мы потеряли его.

— Ирина, Ирина, и ты не берегла себя! Спала сидя, спала на полу! Так мало кушала.

— Да. И мучилась, и терзалась. Но видишь, это не повредило мнѣ.

— Не повредило... Смотри, какая ты худенькая, блѣдная, измученная. Погоди, теперь я возьмусь за тебя. Ты будешь моей паціенткой.

— Клод, дорогой мой, как нам хорошо! Как мы счастливы... счастливы... счастливы...

XLVIII.

Нѣсколько дней спустя де Валер уже дѣйствительно гулял с Ириной и доктором Нозіером в своем саду, в котором буйно расцвѣтали астры и георгины.

Силы его быстро возстанавливались. Он пополнѣл и загорѣл от искусственнаго солнца, ко-

торое ежедневно загоралось для него в его гимнастической комнатѣ.

Прiѣхавшiй в середииѣ октября профессор был прiятно удивлен его цвѣтущим видом и, осмотрѣв его, объявил его здоровым.

— Вы не только здоровы, маркиз, вы много здоровѣе многих очень здоровых людей, — говорил он старательно намыливая руки в туалетной комнатѣ. — Вы проживете до ста лѣт. Dixi!

У профессора Бло было двѣ слабости: он гордился своим сходством с Пуанкаре и любил сыпать латинскими цитатами или словечками.

За обѣдом, к которому прiѣхал и епископ де Валер, разговор вращался вокруг темы о несомнѣнно близком окончанiи всемирной войны.

Иринѣ хотѣлось вѣрить в близость страстно желаннаго мира, но перенесенныя ею многочисленныя разочарованiя сдѣлали ее недовѣрчивой к оптимичным предсказанiям и даже обоснованным надеждам.

Однако, слухи о мирѣ с каждым днем усиливались и, как то вечером, вернувшись из генеральнаго штаба, Клод взволнованно и радостно сообщил ей, что с часа на час должно быть объявлено всеобщее перемирiе.

Дѣйствительно, на слѣдующiй день в Парижѣ торжественно зазвенѣли всѣ колокола. На разукрашенных флагами улицах сновали радостныя толпы народа. Развеселыя группы солдат со смѣхом, с шутками и прибаутками, побѣдоносно тащили по ним, завоеванныя у нѣмцев, пушки.

— Да здравствует мир! — С диким воодушевленiем кричали неисчислимые голоса.

Повсюду, даже на мостовых, импровизировались балы. Всѣ рестораны, кафе и бистро были переполнены радостно возбужденными, смѣющимися, поющими, пляшущими людьми.

— Vive la paix! Vive la paix! Vive la paix!

Перемиріе было объявлено. Перемиріе означало окончаніе долгой жестокой войны и ликовал не только Париж, но и весь мір.

Де Валеров безпрестанно вызывали к телефону знакомые и друзья, чтобы подѣлиться с ними своею радостью, поздравить их и принять их поздравленія. Рдищев звонил им из Бретани, Талочка из Цюриха, старый маркиз из Вэвэ, Долорес из Женевы.

Графиня де Грано телефонировала Иринѣ из какого то большого аристократическаго собранія.

— Здѣсь невообразимое ликованіе, дорогая. Жаль, что вы не поѣхали со мною, — говорила она. — Какой патріотизм, какія зажигательныя рѣчи... Я встрѣтила графиню де Ноайль и от нея узнала о смерти Ростана, когда о ней еще никто не знал. Графиня де Ноайль сообщила мнѣ это в слѣдующей формѣ: „Ростан отнес сегодня Богу вѣсть о том, что мир возстановился на землѣ". Красиво, правда? Но немножко...

Тут сообщеніе было прервано и кто то басом закричал: „Да здравствует Франція".

— У меня разбѣжалась вся прислуга, синьора, — жаловалась Иринѣ Аннунціата. — Вся кухонная прислуга отпросилась у меня. Прачки просто напросто бросили в корыта мокрое бѣлье, разрядились и убѣжали.

— И отлично сдѣлали, — разсмѣялась Ирина. — В такой день грѣшно работать. Вѣдь сегодня всеміpный праздник, cara!

Де Валер был призван в штаб. В его отсутствіе Ирина превратила всю гостиную в цвѣтущій сад. Вызванный ею по телефону садовник помог ей создать в ея комнатѣ искусственную весну, убрав ее пышными сиреневыми деревцами, ландышами, букетами пармских фіалок и роз.

Аннунціата накрыла под хрустальной люстрой обѣденный стол на два прибора.

Потом, исполняя просьбу Ирины, она освѣтила, с помощью Пьера, электричеством весь дом.

Он празднично свѣтился всѣми своими зеркальными окнами, когда к нему подъѣхал де Валер.

„Ирина встрѣчает меня иллюминаціей“, радостно подумал он выскакивая из автомобиля. „Какая красивая мысль“!

С юношеской ловкостью перескакивая ступени, он взбѣжал по ярко освѣщенной лѣстницѣ и вошел в гостиную Ирины.

Ослѣпительно красивая, в открытом, парчевом платьѣ и жемчугах, она ждала его среди цвѣтов.

Он бросился к ней, обнял ее.

— Ирина... Ирина... как ты сейчас прекрасна. Я давно не видѣл тебя такой жизнерадостной, такой побѣдоносной! Ты царица этого великаго дня... Вѣдь „Ирина“ означает „мир“.

— Тогда я люблю мое имя! Клод, неужели нас ждет теперь счастье... безоблачное счастье надолго, может быть навсегда! Неужели вышли мы из „Тѣсных Врат“?

—Я думаю, что мы уже перенесли всѣ предназначенныя нам тяжелыя испытанія. Их было так много, что хватило бы на нѣсколько жизней, — отвѣтил Клод притягивая ее к широкому креслу и опускаясь в него вмѣстѣ с нею. — Я увѣрен, что над нами теперь сжалится судьба и позволит нам начать новую счастливую и долгую жизнь. Вѣдь мы еще молоды, перед нами длинный жизненный путь! Мы пройдем его как Филимон и Бавкида.

— Да, Клод...

— Наконец то, наконец я могу жить только для тебя и моего искусства! Мы всегда будем неразлучны. Скоро уѣдем в Америку. . .

— Гдѣ ты будешь пѣть „голосом, посвященным твоей женѣ". Помнишь, ты обѣщал мнѣ напечатать это на афишах?

Де Валер разсмѣялся, любимым движенiем Ирины закинув голову назад.

— Такiя афиши излишни, дорогая, — возразил он. — Кто не знает, что де Валер раб своей жены?

— Я. . . .

— Ты. . . ты.

Улыбка сбѣжала с его лица. Он порывисто приник к ея губам.

— В тебѣ все мое счастье, — прошептал он. — И ты это знаешь. Я всю мою жизнь буду молиться на тебя, — служить тебѣ, mon eternelle idole!

КОНЕЦ.

Книжный склад «РУСЬ»

М. В. ЗАЙЦЕВА

Харбин, Конная 34.

Книги, вышедшія на Дальнемъ Востокѣ въ 1935—36 г. г.

Рѣзникова	Измѣна, ром., распрод.	—	20 00
Коджакъ	Еврейскій вопросъ	—	15 00
Проф. Никифоровъ	Очерки исторіи эконом. и соціальн. ученій	—	15 00
Донбровская	Степанъ Чертороговъ	—	17 00
Пантелѣевъ	Кромѣшники	—	12 00
Рудинъ	Пирамиды красныхъ фараоновъ	—	9 00
Ильвовъ	Рокотъ моря	—	10 00
Апрѣлевъ	Историч. очерки ч. I	—	15 00
Тутковскій	Наковальня добра и зла	—	20 00
Наживинъ	Ев. отъ Фомы	—	14 00
„ „	Древліе письмена	—	13 00
„ „	Расцвѣт. въ ночи лотосъ	—	16 00
„ „	Недостроенный храмъ	—	13 00
„ „	Собачья республика	—	14 00
Гроссе	Навстрѣчу Апокалипсису	—	12 00
Рамбаевъ	Разсказы о приключен.	—	8 00
Льдовскій	Голубой фоккеръ	—	12 00
Ильвовъ	Летучій голландецъ	—	10 00
Уоллесъ	Великосвѣтск. преступн.	—	12 00
Ардовъ (Апрѣлева)	Средне-Азіатскіе очерки	—	15 00
Хартлингъ	На стражѣ родины	—	20 00
Ивановъ	Правосл. міръ и массонство	—	8 00
Арнольдовъ	Жизнь и революція	—	18 00
Апрѣлевъ	Историч. очерки ч. II	—	15 00
Даниленко	Пріамурскій край	—	8 00
Декобра	Мадам Жоли Сюпплисъ	—	12 00

Мои первые научные опыты и забавы	—	4 00
Янковская	Это было в Кореѣ	15 00
Глуховцова	Федор Кузьмич	7 00
Наваль	Ирина Рдищева ч. I	15 00
Наваль	„ „ „ ч. II	15 00
Гитлер	Моя борьба	15 00
Моруа	Эдуард 7-й	12 00
Пр. Болдырев	Знаніе и бытіе	15 00
Тутковскій	Орден новых людей	20 00
Серебренников	Великій отход	17 00
Рѣзникова	Раба Афродиты	15 00
Наваль	В Лабиринтѣ Гименея ч. I.	15 00
„ „	„ „ „ „ II.	15 00
Наживин	Софисты	17 00
„ „	Неглубокоуважаемые	16 50
„ „	Неопалимая купина	20 00
Байков	Великій Ван	20 00
Григорьев	Правильное питаніе	35 00
Кручинин	Свѣт с Востока, ром.	12 00
Лович	Бѣлая Голгофа	12 00
Наваль	Тѣсныя врата кн. I	15 00
Загоскин	Казаки	10 00
Наваль	Тѣсныя врата кн. II	15 00
Наживин	Остров блаженных	17 00

IIIIIIIIIIIIIIIIIIIIIIIIIIIIII

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ
(Обложки отпечатаны в 7 красок)

	фр.	с. д.	
А. Б. В.	6.50	0.90	0.80
1. 2. 3..	4.50	0.70	0.60
Вешнія зорьки.	5.—	0.75	0.55
Война птиц и звѣрей	6.—	0.80	0.70
Вокруг свѣта. Кальма	5.—	0.90	0.70
Гришкины путешествія:			
Австралія	2.5	0.35	0.32
Америка	2.5	0.35	0.32
Африка	2.5	0.35	0.32
Китай	2.5	0.35	0.32
Сибирь	2.5	0.35	0.32
Сѣверный полюс.	2 5	0.35	0.32
Горе-охотники	2.50	0.40	0.30
Живая азбука	7.5	1.—	0.90
Красная шапочка	5 —	0.70	0.50
Кот в сапогах	3.5	0.50	0 35
Крокодил в 3-х ч.	10.—	1.50	1.35
„ в 1-ой ч.	4.—	0.60	0.50
Левушкины именины	2.50	0.40	0.30
Макс и Мориц	7.5	1.—	0.90
Миша, Триша и Ариша	2.50	0.40	0.30
Наши друзья	7.—	0.90	0.70
Наши шалунишки	4.—	0.70	0.50
Проказники слонята	2.50	0.40	0.30
Рычкова. Сборник дѣтск. пьесс	12.—	1.50	1.20
Сказки Андерсена	12.—	1.70	1.40
Степка-растрепка	7.5	1.10	1.—
Царевна жемчужина	4.—	0.45	0.40
Юмбо.	2.5	0.40	0.30

	фр.	с. д.	
Сказки:			
Охота пуще неволи	2.5	0.35	0.28
Солдат и чорт	2.5	0.35	0.28
Иванушка и Аленушка	2.—	0.30	0.25
Колдун	2.—	0.30	0.25
Лягушка царевна	2.—	0.30	0.25
Не любо не слушай	2.—	0.30	0.25
Золотая рыбка	1.75	0.25	0.20
Кот и лиса	1.75	0.25	0.20
Верліока	1.75	0.25	0.20
Мальчик с пальчик	1.75	0.25	0.20
Волк и коза	1.55	0.20	0.15
Журавль и цапля	1.55	0.20	0.15
Баба-Яга	1.55	0.20	0.15
Мужик и медвѣдь	1.55	0.20	0.15
Лисичка и волк	1.25	0.15	0.12
Географическ. карты.			
Восточной Азіи	8.—	0.70	0.50
Китая	35.—	4.—	4.25
Маньчжуріи	35.—	4.—	4.50
»	8.—	1.—	0.80
Монголіи	30.—	3.—	3.—
План гор. Харбина	8.—	0.70	0.70